

**ЛИЧНОСТЬ,
МОРАЛЬ,
ВОСПИТАНИЕ**

Серия художественно-публицистических
и научно-популярных изданий

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ

**МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР
ЛИЧНОСТИ:
АЛЬТЕРНАТИВЫ
И РЕШЕНИЯ**

Москва
Издательство
политической литературы
1983

87.717
Б19

Бакштановский Владимир Иосифович.

Б19 Моральный выбор личности: альтернативы и решения.- М.: Политиздат, 1983.- 224 с.- (Личность. Мораль. Воспитание).

Каждый человек на жизненном пути встречается множество проблем, то и дело оказываясь в ситуации морального выбора. Идеалы и профессия, жизненная позиция и спутники жизни, выбор отдельного поступка и линии поведения - в разных по характеру ситуациях личность должна принимать ответственные и самостоятельные моральные решения. Чем же определяется моральный выбор - обстоятельствами или активной нравственной деятельностью? От чего зависит оптимальность морального решения? Затрагивая эти и другие вопросы, доктор философских наук В. И. Бакштановский стремится «перекинуть мостки» от теоретических проблем этики к практике нравственного воспитания, адресуя книгу широким кругам читателей.

	<u>0302030800—135</u>		87.717
Б	079(02)-83	144-82	1МИ7

© ПОЛИТИЗДАТ, 1983 г.

Заведующая редакцией **Р. К. Медведева**
Редактор **М. А. Лебедева**
Младшие редакторы **Ж. П. Крючкова** и **Е. С. Молчанова**
Художник **Г. Ш. Басыров**
Художественный редактор **Г. Ф. Семиреченко**
Технический редактор **И. А. Золотарева**

ИБ № 2434

Сдано в набор 12. 07. 82. Подписано в печать 09. 11. 82. Формат 70x90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 8,19. Условн. кр.-отт. 8,78. Учетно-изд. л. 8,22. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 5984. Цена 40 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени тип. изд-ва «Звезда»,
г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

ВВЕДЕНИЕ

РУБИКОНЫ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА

Выбор - слово, казалось бы, не нуждающееся в комментарии. В нем - очевидность существенной стороны деятельности каждого человека, узнаваемость знакомого с детства сказочного сюжета о перекрестке трех дорог и добром витязе, который принимает решение для себя и за всех нас, приобщающихся через народную мудрость к нравственному опыту человечества. В этой древнейшей модели выбора, предъявляемой обстоятельствами любому человеку, - отражение специфики человеческого поведения. В ней заключено требование самоопределения личности, сознательной ориентации в мире общественных ценностей, активной жизненной позиции, целеустремленных поступков.

Выбор - слово, подразумевающее целый комплекс понятий, характеризующих ключевой акт человеческой деятельности: искания и обретения; свобода и ответственность; намерение и результат; цель и средства; принятие решения и его исполнение; рациональность и гуманность. Выбор - первичная клеточка и универсальная структура целеустремленного поведения.

Выбор - слово, требующее, однако, обязательного дополнения, и не просто указания на *сферу* деятельности человека, область приложения его жизненных сил, а выявления смысла любой деятельности, ее *ценностной направленности*, сориентированности в мире добра и зла. *Моральный выбор* - вот словосочетание, характеризующее обретение (и утраты) человека на его жизненном пути в процессе нравственных исканий: самоопределение в мире моральных ценностей и идеалов; выход на исходную точку для оценки и самооценки; формирование нравственной позиции и готовности к поступку; воплощение нравственного потенциала личности в конкретные деяния - цели, средства и социально-нравственные результаты поступка; становление линии поведения, стиля нравственной деятельности.

Выбор - слово, которое и в словосочетании «моральный выбор» содержит - как объективно, так и в отношении к нему субъекта - еще одно важное значение. Оно характеризует моральные заслуги (или вину) человека с точки зрения *соответствия* в его поступках характера цели и выбираемых для ее достижения средств, величия помыслов и адекватности их воплощения в конкретных деяниях, успешности и оптимальности принятия и исполнения морального решения, короче, соответствия помыслов, слова и реального дела.

Заголовок книги «Моральный выбор личности: альтернативы и решения» отражает сознательное стремление ее автора показать необходимость выбора как *обязанности* личности, ее долга и как *нравственной права* каждого человека обнаруживать возможные альтернативы и принимать решения, совершать поступки во имя добра и против зла.

Необходимость выбора - неотъемлемое свойство нравственной жизни каждого человека. Выбором пронизаны все поступки, он составляет стержневое звено любой сферы человеческой деятельности. Выступить на производственном собрании против бюрократа или промолчать, а то и поддержать его в надежде на ускоренное продвижение по службе? Уйти из фактически распавшейся семьи или попытаться сохранить ее ради счастья детей? До конца остаться верным гражданскому долгу или склониться к предательству? Разные по масштабу и напряженности, характеру и значимости (от выбора единичного поступка до «замысла жизни», от элементарных стереотипных решений до му-

чительных колебаний, взвешиваний «за» и «против» в сложных конфликтах), *ситуации морального выбора* требуют от человека ответственного и самостоятельного решения и действия, в которых реализуются его идеалы и сознание долга, убеждения и представления о нравственном и безнравственном.

Альтернативы и решения ситуации морального выбора фокусируют в себе всю сложность нравственной жизни общества и личности, весь спектр моральных достижений и падений человека, вершины его нравственного достоинства и пропасти морального зла, меру надежности и слабости личности, мудрость или неразвитость нравственного разума и совести. Они несут в себе бремя и счастье выбора.

Решение принято. Рубикон перейден. Как часто этот важнейший акт поступка оборачивается нарушением границы между добром и злом, неожиданным для самого человека и окружающих его людей, вопреки его собственным намерениям и ожиданиям. Зло, во имя борьбы с которым принималось моральное решение, бывает многолико и коварно, хитро и ловко, в своей напористости игнорирует все принципы и не гнушается никакими средствами. Ведь давно уже отмечен парадокс: порядочные люди нередко относятся к подлецам как к честным, а подлецы относятся к честным как к подлецам. И эти подлецы отлично осознают свою силу: порядочный человек не опустится в борьбе с ними до подлых методов и поэтому может оказаться уязвимым в борьбе со злом. Что же противопоставить такому динамичному и ловкому врагу?

Человек проиграл в сражении со злом: совершил ошибку в выборе средств, оказался недалеким в поиске оптимального решения и способов его исполнения. Нередко итогом осознания такого рода поражения является стихийная попытка научиться эффективности борьбы у беспринципного противника. А в результате - снова поражение, ибо аморальные средства, взятые из арсенала «все позволено», лишают поступок его положительного нравственного смысла. Надо ли удивляться, если после этой попытки кто-то приходит к пессимистическому выводу о фатальной обреченности добра, о бессилии гуманистических нравственных запретов перед эффективностью аморальных методов и средств борьбы. Именно тогда и кажется истинной альтернатива «беспринципная сила - бессильный принцип».

Разумеется, нравственная оценка активности в ситуации выбора не тождественна утилитарной эффективности поступков человека. Очень долгое время отделяет иногда «посев от жатвы», целесообразный результат внешне безнадежного поступка от появления условий, подтверждающих социальную необходимость именно такого выбора. В то же время нельзя отождествлять иезуитскую беспринципность с поисками эффективных средств по примеру действия «дурного противника», отличие - *в разных целях и в разных мотивах выбора*.

И все же рассогласование цели, средств и результата остается распространенным фактом, требующим объяснять и прогнозировать варианты неадекватности целей и средств. И если по отношению к софистическим приемам *маскировки* аморальных целей и средств необходимо активное разоблачение, то в случае, когда человек совершил *ошибку* в выборе средств, оказался неумелым в поисках оптимальных решений и способов их исполнения, необходимо научить его «правилам добра». Причем, разрабатывая эти правила (и обучая им), важно учитывать полную несостоятельность попыток оптимизации выбора с помощью приемов и методов, заимствованных из арсенала беспринципной деятельности.

«Насколько *нова* эта проблематика?! И так ли уж она *проблемна*?» - готов воскликнуть читатель, которому в самом начале введения мы напомнили народную сказку о витязе на перекрестке трех дорог как древнейшую модель ситуации выбора. Действительно, в художественной литературе, публицистике, популярных этических изданиях давно и широко принято характеризовать ситуацию выбора сказочным сюжетом о перепутье. В этом есть определенный смысл: «сказочная эрудиция» делает свое доброе дело - знакомит нас с типичными ситуациями, на положительных примерах учит принимать верные моральные решения. Но можно ли считать такой прием всесильным? Разве приобщение к нравственной мудрости общества может быть закончено на уровне знакомства со сказочными перекрестками?

Объективная особенность морального выбора личности - возможность и необходимость для каждого человека иметь хотя бы расхожие житейские представления о том, «что такое хорошо...», - нередко оборачивается этической самоуверенностью, своего рода романтической убежденностью в том, что для морально-положительного выбора не нужны какие-либо особые знания и умения, а самодостаточны «благие намерения» и «добрые чувства». С такой точки зрения кажется естественным сведение всего содержания морального решения к навыкам чтения предписаний на «придорожных указателях», разводящих порядочных и бессовестных людей в разные стороны.

Да, многие люди в ситуации выбора принимают достойное решение, стремятся творить добро и бороться со злом. Но так ли очевидны и просты аргументы морального решения и средства его исполнения? Сказочная однозначность решений «вне времени и причин» может отомстить за себя жестоким парадоксом намерений и результатов, целей и средств, скрывая одну из существующих трудностей морального выбора - *нравственный конфликт*, противоречивость решений и последствий поступка.

Проблема выбора является одной из вечных в моральной практике человечества и в этической теории. В этом смысле сказочный сюжет о перепутье и добром молодце, определяющем по каменному указателю последствия своего решения, убедительно свидетельствует о том, что акт морального выбора стар почти так же, как и общественная нравственность: ситуация перепутья пришла в сказку из реальной действительности. Но именно поэтому, выражая ситуацию *современную*, проблема выбора принимает особую значимость и отличительные черты.

Факторы современной нравственной жизни - динамика социального прогресса, развертывание научно-технической революции, острота идеологической борьбы и другие обстоятельства, породившие небывалое возрастание числа проблемных ситуаций и соответственно потребность в нешаблонных, творческих решениях, - убедительное подтверждение этому.

Специфические обстоятельства современной морали особенно выпукло проявили альтернативность ситуации морального выбора, сложность которой не просто в том, что жизненная дорога не одна, а нужно предпочесть лишь единственную из многих, но и в том, что сами пути к цели противоречивы, иначе говоря, в том, что перепутье - это *не только столкновение целей*, но в особенности *средств и последствий их применения*. Поэтому наша моральная забота не должна сводиться к умению читать прогнозы-шаблоны на придорожном камне, важно умение выбрать оптимальный вариант пути. Альтернативы и масштабы выбора в современную эпоху выдвигают повышенное требование к личности - развивать способность к оптимальному моральному решению и его

исполнению.

К такому выводу приводит и трезвое осознание масштабов и последствий обыденного житейского факта, о котором крылатое выражение говорит: «Благими намерениями ад вымощен». В этой народной мудрости можно увидеть два значения. Во-первых, критику односторонней установки личности лишь на положительно-нравственную ценность намерения (и соответственно недооценки, а то и нигилизма в отношении к результату деятельности). Во-вторых, прогноз искажения, а то и уничтожения нравственного характера цели, когда она достигается беспринципными методами, взятыми на вооружение в благой надежде таким образом ликвидировать неадекватность намерения и результата в поступке.

Моральный выбор явно или скрыто совершается в системе альтернатив, включенных во все акты нравственной деятельности личности: личности вообще - объекта философского исследования; личности, действующей в конкретных социальных обстоятельствах, исполняющей определенную социальную роль. Альтернативы и решения: сравнимые и уникальные; актуальные и ушедшие в прошлое; равнозначные и разномасштабные... Есть классические альтернативы морального выбора, известные из истории философии, произведений искусства, передающиеся по житейским каналам преемственности нравственного опыта человечества: выбор Понтия Пилата - решить или «умыть руки»; альтернатива Сократа - спасти жизнь или честь; «быть или не быть» Гамлета. Есть и современные модификации вечных моральных ситуаций: о «рационалистах» и «донкихотах» спорят читатели «Комсомольской правды», о деловитости и нравственности - читатели «Литературной газеты». Очевидна связь между вечным и актуальным, «инвариантность» нравственного смысла всех этих альтернатив. Не менее важно увидеть и их различие, связанное с социальным контекстом и культурно-историческими традициями; они обуславливают специфический смысл образов Гамлета и Дон Кихота, Обломова и Штольца, современные акценты соотношения требований разума и совести, активности и обстоятельств, критериев нравственности и целесообразности, открывают новые меры, грани, полутона, переводящие риск в авантюризм, решительность - в отчаяние, деловитость - в жестокость.

Сколько альтернатив в моральном выборе? Две - между добром и злом? Бесконечный диапазон - в зависимости от сферы человеческой деятельности, специфики социальных обстоятельств, особенностей духовного мира личности? Определенный количественный ряд в рамках положительно-нравственных «ценностей - от максимального добра до меньшего зла? Даже откладывая рассмотрение этих вопросов до специального раздела, здесь можно утверждать, что в альтернативности моральных решений и содержится один из сильнейших аргументов в пользу позиции «добро должно воплощаться в результатах, делах»: одних только благих намерений, одной только простодушной уверенности в порядочности своей цели мало. В сложной конфликтной ситуации могут устоять, победить только *нравственная мудрость*, только *союз совести и разума*, только единство требований нравственности и социальной целесообразности.

А есть еще и альтернативы другого плана - они встают перед человеком, осмысливающим ситуацию морального выбора для того, чтобы попытаться не только найти конкретное решение конкретного конфликта, но и выработать *стратегию поведения*, определить свои поступки по мировоззренческим ориентирам и именно через них искать средства достижения нравственных целей.

Основанием для определения круга альтернатив и организации их в определенную систему является подход к моральному выбору личности как к *ключевому акту нравственной деятельности*.

Деятельностные признаки морали - целеустремленность и целесообразность поступков человека, социальная детерминация обстоятельств и активности личности, социализация ее моральных качеств в процессе освоения нравственного опыта человечества и т. п., - заложенные в попытку «выстроить» альтернативы морального выбора личности, приводят к следующей системе проблем:

— Чем определяется ситуация морального выбора - обстоятельствами или активной нравственной деятельностью человека, объективной возможностью выбора или субъективной способностью выбирать?

— Зависит ли оптимальность морального выбора от культуры этического мышления личности, или эта оптимальность гарантируется одной только культурой нравственных чувств?

— Могут ли веления совести основываться на критерии целесообразности, или они автономны по отношению к результатам морального выбора?

— Оправдываются ли используемые средства нравственным характером цели, или для средств морального выбора существует иной критерий оценки?

— Способна ли этическая теория морального выбора быть «практической философией» и в процессе приложения своих результатов - через управление нравственными процессами, нравственное воспитание - формировать «нравственно мудрую» личность, или человек обречен на приобретение культуры морального выбора лишь методом проб и ошибок?

Основание для ответа на эти альтернативные вопросы заложено в установлении того факта, что парадокс благих намерений в моральном выборе - следствие неадекватных целям средств, производное от степени оптимальности принятия решения и его исполнения.

Отсюда авторское кредо: соответствие результата намерению - нравственная норма; мораль задает не только ценностные ориентации выбора, но и его условные императивы. Современное осмысление проблемы морального выбора - это осознание *двух* его Рубиконов: ценностного, определяющего достоинство цели, и инструментального, операционного, определяющего оптимальность средств для достижения цели. Ведь переход Рубикона - это символ не только решимости, но и - на это не всегда обращают должное внимание - символ принятия решения вследствие всего процесса его подготовки - от анализа ситуации и взвешивания вариантов «за» и «против», колебаний, мучительных сомнений, преодоления неуверенности в успехе до готовности рисковать и нести ответственность. Собственно исторический факт, легший в основу крылатой фразы о Рубиконе, - переход Юлием Цезарем границы между Галлией и Италией, которая проходила по речке Рубикон, и тем самым фактическое начало гражданской войны в Риме - дает основания для такой трактовки. Многие историки (Плутарх, Светоний) подчеркивали колебания Цезаря, прежде чем он сказал: «Жребий брошен», колебания, вызванные пониманием бедствий от любого варианта решения¹.

Этим авторским кредо определяются основные идеи, выдвигаемые в данной книге:

1. Рубикон морального выбора не только граница, отделяющая поступки

---

¹ См.: *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. М., 1976, с. 208-210.

противоположной ценности - положительно-моральный и сознательно-безнравственный, но еще и *мера целесообразности средств*, которую нельзя нарушать в борьбе за благородные цели. Выход за рамки этой меры чреват искажением нравственного достоинства цели как в тех ситуациях, когда человек выбирает неэффективные средства, так и в тех ситуациях, когда человек стремится оптимизировать свой выбор в ущерб нравственной чистоте целей.

В книге анализируются оба варианта нарушения меры целесообразности средств в моральном выборе, приводящие к искажению нравственного характера цели: догматический отказ от определенного выбора средств или неспособность выбрать лучший вариант борьбы за цель («бессильный принцип»), *во-первых*, и выбор средств, в процессе которого в поисках оптимальности образцом считается поведение по принципу «все позволено» («беспринципная сила»), *во-вторых*. Критика обоих вариантов как методологически несостоятельных вследствие их метафизичности позволяет предложить диалектическую концепцию правила оптимизации выбора, морального решения и условий его исполнения.

2. Зависимость результатов нравственной деятельности от способности личности выбирать, принимать и исполнять моральные решения.

3. Возможность и необходимость развития культуры морального выбора на основе целенаправленного этического просвещения и нравственного воспитания с помощью определенных педагогических приемов.

Отсюда основная задача книги - рассмотреть элементы стратегии и тактики морального выбора личности и «перекинуть мостки» от общего критерия нравственности к каждодневным поступкам.

Избрание в качестве *объекта* исследования такого аспекта темы, как рассмотрение проблем морального выбора в их комплексе, в единстве анализа его мировоззренческих оснований с разработкой путей их воплощения в конкретных поступках, подход к моральному выбору прежде всего под углом зрения эффективности принятых личностью решений и совершенных для их исполнения действий, то есть аспекта, который традиционно не относился к собственно этическим интересам и заботам¹, в значительной мере обусловило и стремление автора опереться при решении проблемы и на этико-прикладное знание.

Облюбованный автором угол зрения на проблему, разумеется, отнюдь не означает недооценки им традиционного подхода этики к целереализующим аспектам морального выбора. Такой подход по-прежнему не теряет своей актуальности, предупреждая об опасности сведения морального выбора личности к выбору средств, ограничения забот личности развитием чисто функциональных качеств деятельности вне мировоззренческого осознания ее *смысла, целей* человеческой жизни. Обреченной на антагонизм целей и средств, мотивов и результатов нравственной деятельности человека в условиях общества отчуждения и соответствующей этому этической рефлексии противостоит марксистская теоретическая позиция, практически подтвержденная нравственной ситуацией социалистического общества. Эту ситуацию характеризует совпадение в главном мотиве личности нового типа (нового человека) критериев нрав-

---

¹В последнее время, правда, наметился поворот внимания исследователей морали к этому аспекту темы, продиктованный определенными потребностями практики нравственного воспитания в социалистическом обществе. См., например: Марксистская этика. М., 1980; Моральный выбор. М., 1980; Словарь по этике. М., 1981 (понятия «Моральный выбор», «Нравственный конфликт», «Моральное решение», «Поступок», «Мотив и последствия», «Нравственная культура личности»).

ственной ценности и целесообразности, единство субъективных устремлений и социально значимых результатов поступков. Отсюда и научный подход к акту морального выбора как *целостной системе* достойных целей, оптимальных средств и адекватных намерениям результатов - в отдельных поступках, во всей линии поведения человека, стратегии его нравственной жизни.

Проблемы, связанные с моральным выбором личности, по-видимому, более всего принадлежат к числу тех этических проблем, в решении которых этика может и должна выступить «практической философией», наставницей личности в ее нравственных исканиях, решениях, действиях и самооценках. Вопрос: в состоянии ли этика дать личности нечто большее, чем просто констатацию трудности таких проблем и квалификацию ситуации морального выбора личности как «бремени», передав ответственность за выбор самой личности? - скорее вопрос риторический. Но если этика не хочет «умыть руки» в таком сложном деле, то кроме соответствующего желания необходима еще и определенная *готовность*, которая предполагает сочетание фундаментальных и прикладных исследований, доведение теоретических выводов до конкретных разработок - программ, проектов и методик («технологии») совершенствования культуры морального выбора личности, поиски путей и механизмов развития нравственной мудрости личности. Причем связь этики и практики - нравственной жизни человека - не может трактоваться как механистический аналог связи любой науки со своим предметом: этика в своем нормативном содержании и прикладных рекомендациях проникает в моральное сознание людей, а мораль, в свою очередь, высшими этажами своего духовного компонента поднимается до этической рефлексии. Такой взаимопереход, своего рода «сращивание» этики и морали, требует особого подхода к научному управлению нравственным развитием личности, к нравственному воспитанию и самовоспитанию.

В понимании этой специфики, на наш взгляд, и заключается залог успешного разрешения многолетних дискуссий о рационализме в морали: переключение внимания от абстрактных рассуждений к связи этической науки и ее объекта - нравственности, к поиску путей их взаимодействия и взаимообогащения.

Говоря об *объекте* исследования - проблеме морального выбора личности - и авторском *угле зрения* на него, хочется еще раз подчеркнуть, что в предложенном этой работой подходе отражен лишь *определенный круг* вопросов. В комплексной теме морального выбора первостепенное значение имеют, конечно, вопросы мировоззренческой ориентации личности (идеалы как нравственно высшие показатели, представления о смысле жизни и счастье и их значение в ориентации жизненного выбора личности) и моральной мотивации; многообразии факторов, детерминирующих выбор; панорама исторических ситуаций морального выбора и возможность научной прогностики, предвосхищения ситуаций и поступков; сознательное и бессознательное в моральном выборе; долг и совесть как механизмы саморегуляции морального выбора и т. д. Избранный автором подход приведет, безусловно, и к этим вопросам (трудно разобрать отдельно «макро-» и «микровыбор»), но все же у этой книги, как и у ее автора, есть свой Карфаген.

Актуальность этому подходу придает трактовка морального выбора как *важнейшего акта становления и практического воплощения активной жизненной позиции личности*. Активная жизненная позиция личности - тип сознания и поведения, характеризующийся постоянной готовностью в любой сфере общественной жизни выполнять требования коммунистической морали и реа-

лизацией высоких помыслов и чувств человека социалистического общества в отдельных поступках и всей линии поведения.

Активная позиция характеризует весь образ жизни личности социалистического типа, выражает целеустремленность в ее моральных исканиях, нравственную надежность, устойчивость и прочность линии ее поведения. Но прежде всего активная нравственная позиция - это *мера реализации нравственного потенциала личности в ее конкретных поступках*: недостаточно просто *занимать* достойную позицию, необходимо еще суметь объективировать ее, *защитить* в борьбе за идеалы добра и против антиподов коммунистической морали.

Достижение единства слова и дела как нормы повседневной нравственной деятельности обеспечивается формированием тех высоких моральных качеств, в которых В. И. Ленин видел лучшие черты человека социалистического общества, когда за людей можно поручиться, что они «ни слова не скажут против совести» и окажутся способными бороться за достижение «серьезно поставленной себе цели»¹.

Коммунистическая партия выдвинула задачу формирования активной жизненной позиции личности в ряд важнейших направлений идейно-воспитательной работы². Особое значение придается единству слова и дела, неразрывной связи убеждения и действий, то есть реализации жизненной позиции. Применительно к нравственному формированию личности поставленная партией задача выражает объективную необходимость устранения из моральной практики такого рассогласования между сознанием и действием, при котором активность нравственной позиции сводится к «благому пожеланию» и в конечном счете к потере ее нравственного достоинства.

Единственно правильным и строгим условием анализа поведения личности является детерминистский подход к проблемам морали: личность руководствуется в своем выборе велениями совести и разума и потому отвечает за избирательную активность своей позиции. Совершенствование воспитательной работы оказывается, таким образом, в тесной связи с теоретическим решением проблем этики.

XXVI съезд КПСС отметил «растущее внимание нашего общества к вопросам морали» и указал в числе задач формирования нового человека на особую значимость такой нормы поведения, как настойчивая борьба «за торжество справедливости и добра»³.

Подчеркивая, что программа улучшения идеологической работы партии, изложенная в постановлении ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года, - «документ долговременного действия»⁴, съезд еще раз указал на необходимую связь между знанием марксистско-ленинской теории и превращением его в убеждения, в активную жизненную позицию личности, в руководство к практическим действиям для решения актуальных проблем социалистического общества.

Особое значение проблема активности и ответственности в моральном выборе имеет в нравственном воспитании молодежи. Юность - подлинное время выбора во всех сферах человеческой деятельности, «судьбоносный»

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с.391-392.

² См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 77; О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года. М., 1979, с. 9.

³ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 62.

⁴ Там же, с. 75.

период жизни. Речь идет не только о выборе профессии. Друзья, книги, развлечения - во всех разнообразных ситуациях молодежь стремится к самостоятельному решению, часто чрезмерно полагаясь на метод проб и ошибок и недооценивая нравственный опыт других людей. Именно в эти моменты жизни молодой человек особенно нуждается в надежной опоре - этической мудрости общества.

Мировоззренческая и практически-воспитательная значимость решения проблем морального выбора актуализируется и задачами современной идеологической борьбы. Одной из характерных черт критики марксистской этики в буржуазной литературе является обвинение ее в недооценке, а то и прямом игнорировании так называемой «экзистенциальной проблематики», то есть таких вопросов, как активность и ответственность личности за выбор, решение конфликтных ситуаций, соотношение разума и чувства в выборе, и соответственно претензии на приоритет немарксистской этики в решении этих вопросов. В то же время излюбленным пропагандистским приемом антикоммунизма и ревизионизма является «открытие» антиномии цели и средств как в моральной практике социалистического общества, так и в марксистско-ленинской этической теории, приписывание теории и практике марксизма беспринципного положения «цель оправдывает любые средства». Фактически и теоретически «открытия» такого рода несостоятельны как в тех случаях, когда они принадлежат откровенным сикофантам, так и в тех случаях, когда их совершают авторы, пытающиеся подняться в борьбе идеологий «над схваткой». Доказательства теоретической и практической способности марксизма разрешить проблему морального выбора с позиций коммунистического гуманизма служат важным аргументом в идеологической борьбе.

Если моральный выбор - удел каждого человека, то и тема книги затрагивает всех. Однако в первую очередь автор стремится сориентировать свою книгу на интерес тех читателей, которые своими собственными исканиями, обретениями и потерями, личным опытом морального выбора, потребностями своей нравственной жизни пришли к сознанию необходимости для них освоения этической теории, ее фундаментальных и практических результатов, значимых как для саморазвития личности, так и для управления нравственно-воспитательной деятельностью.

СИТУАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА

1. МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР: ГРАНИЦЫ И ТРЕБОВАНИЯ

«Выбор» - роман известного писателя. «Выбор» - название пьесы. «Выбор» - заголовок публицистической статьи. «Выбор» - рубрика популярной газеты. «Выбор» - научная книга современного исследователя...

Без этого понятия не обходится почти ни одна современная публикация на темы, так или иначе затрагивающие поведение человека, активную роль личности, ее духовный потенциал и поступки. И это не случайность, а отражение действительного возрастания роли и значимости акта выбора, этого нравственного стержня любой человеческой деятельности, клеточки целеустремленной активности личности в мире духа и мире действия. В ситуацию выбора вовлекаются полководцы и председатели колхозов, деятели науки и рабочие, инженеры, педагоги... Выбор совершается на работе и дома, в отношениях с людьми и миром искусства...

И вопрос не просто в частоте употребления слова «выбор», а в том, в каком контексте, с каким значением, с какой позиции оно применяется, трактуется. «Время выбора», «Бремя выбора», «Ответственность за выбор» - в этих и подобных им заголовках уже не просто констатация ситуации, а оценка ее, данная публицистами, педагогами, хозяйственными руководителями, учеными - кибернетиками, социологами, психологами, юристами, этиками, исследующими ситуацию выбора под углом зрения своей науки. Как же они ее видят? Каждый ли человек может оказаться в ситуации выбора? Насколько она значима для него, для других людей?

«У каждого человека есть свобода выбора, - пишет в публицистической статье поэт Р. Рождественский. - Не кажущаяся - настоящая. Выбор начинается с самого детства и продолжается до последних секунд человеческой жизни... Выбор существует ежедневно, ежеминутно. Разный по своей серьезности. Неодинаковый по своим последствиям. То общий для многих людей, то свойственный единицам.

Шагнуть или не шагнуть? Промолчать или ответить? Стерпеть или не стерпеть? Превозмочь или отступить? Куда пойти учиться? Да или нет? Как жить? Что делать? Быть или не быть? Вопросы-громады и вопросы-карлики. Вопросы-океаны и вопросы-капли.

Ответы не всегда однозначны. Да и выбирать-то чаще всего приходится не между «или - или». Число этих самых «или» порою бывает бесконечным. И все-таки человек выбирает. Выбирает мужественно и трудно. Открыто и серьезно. Человек пользуется свободой выбора, сравнивает свою точку зрения с точкой зрения других, выслушивает возражения, думает, спорит, отстаивает свою правоту. Выбрать правильное решение человеку помогают интуиция и опыт прошедших поколений, советы друзей и собственная практика, своды законов и случайные озарения. Много помогает человеку. И все равно, порою мир кажется ему чужим и оглушительным, незнакомым и страшным.

Действительно, мы живем на земле такой огромной, что и целой человеческой жизни не хватит на то, чтобы пешком обойти земной шар. Но - одновременно - мы живем на земле такой маленькой, что выстрел, раздавшийся в одном конце земного шара, мгновенно слышат все. Увеличение скорости самолетов и скорости обмена информацией привело к тому, что земной шар, физиче-

ски оставаясь огромным, с каждым днем становится все меньше и меньше. Разобраться в калейдоскопе событий очень трудно. Выбрать из многих решений единственно правильное невероятно сложно»¹.

В представлении поэта вырисовывается как бы силуэт ситуации выбора, передана *эмоциональная реакция личности на проблему*.

А вот хладнокровное рассуждение профессионала ученого, специалиста по науке «о хорошей работе» - праксиологии: «Нам только что встретилось понятие «выбор», понятие, несомненно, праксиологическое. В чем же его суть? Что значит выражение «кто-то выбрал то-то и то-то»? Пожалуй, это означает то, что кто-то:

1) предположил (а в отдельном случае посчитал, правильно или неправильно), что можно сделать то и можно сделать что-то иное;

2) сравнил первое и второе;

3) умышленно сделал так, чтобы было одно из двух, и умышленно не сделал так, чтобы не было другого (в одном случае сделал это успешно, в другом - пошел за тем, что считал лучшим, а могут возникать и обычно возникают оба этих частных случая вместе). Ясно, что сравниваемых вероятностей может быть много»².

Здесь выбор предстает как *четкая рациональная процедура* по строгим критериям целесообразности.

Вчитаемся теперь в анкету, разработанную психологом, и попытаемся увидеть затаенный смысл далеких, казалось бы, от темы нашей книги вопросов:

«1) Что вам дается труднее всего в процессе ожидания решения, которое зависит не от вас?

2) Кто из героев литературы приключенческой и литературы большой лучше всего, на ваш взгляд, принимал решения?

3) Вам предстоит путешествие в малоисследованные области Южной Америки. Кого бы вы взяли себе в спутники: д'Артаньяна, Болконского, Пьера Безухова, Сильвера или Жюльена Сореля?

4) Что бы вы стали делать на необитаемом острове, если бы оказались там с Плюшкиным, Собакевичем, Хлестаковым? С кем бы из них предпочли остаться?

5) Если бы вам довелось проходить испытания в сурдокамере, кого бы вы взяли себе в компанию? Назовите литературный образ, разделять одиночество с которым для вас предпочтительнее. Может быть, вы захотите проходить испытания в одиночестве?»³

Вчитавшись внимательно, обнаруживаем, что автор за всеми вопросами видит ситуацию *выбора отношения человека к человеку*, будь то «выбор оценки того или иного человека, выбор контакта, выбор ситуации, выбор степени откровенности в общении с другими людьми, выбор места в определенной группе людей, в обществе, выбор-предпочтение, как лучше себя вести, быть всегда на виду или в тени»⁴. Новая, может быть необычная, сфера и трактовка выбора.

А вот еще один взгляд. Обращаясь к читателям популярного журнала,

---

¹ *Рождественский Р.* Выбор. - Известия, 1969, 10 октября.

² *Котарбинский Т.* Трактат о хорошей работе. М., 1975, с. 67.

³ *Башкирова Г.* Если бы знать... М., 1977, с. 9-10.

⁴ *Башкирова Г.* Если бы знать..., с. 13.

профессор математики показывает, что повседневное занятие, массовое занятие людей за всей своей очевидностью и именно вследствие такой очевидности и будничности содержит в себе проблему решения. «Делом, о котором мы поведем разговор, ежедневно занимаются миллионы людей самых разных специальностей, независимо от возраста, пола и общественного положения. Дело массовое? Стало быть, простое, нехитрое? Да нет... Удастся оно далеко не каждому. Речь идет о принятии решений, о том, что мы имеем в виду, говоря: «Семь раз отмерь, один - отрежь». Начинать ли сев завтра или послезавтра? По какой дороге везти груз? Оперировать ли больного? Какой принять режим обработки металла? Агроному и шоферу, врачу и инженеру - всем постоянно приходится избирать из многих возможных наилучший образ действий, то есть решать. Ну, а для тех, у кого название должности начинается словом «нач» или «зав», решения - основной вид «продукции». Умение отрезать после серии отмеров - это «хлеб» руководителя любого ранга, будь то директор завода-гиганта или капитан школьной футбольной команды.

«Спрос» на мудрые решения возникает буквально на каждом шагу, большом или малом, и не только на производстве. Выходить ли за этого человека замуж? Бежать ли из театра домой, если кажется, что забыл выключить утюг? Лететь ли в отпуск самолетом? Все эти вопросы требуют ответа.

Правда, существует довольно обширная категория людей, которые умудряются никогда и ничего не решать. Но ведь отсутствие решения это... тоже решение, решение бездействовать.

Из того, что принятие решений - занятие массовое, вовсе не следует, что тут все давно известно»¹.

Наберемся терпения и воздержимся пока от комментариев «за» или «против» такого «тотального» отношения к нашей жизни как «перманентному» акту решения. Продолжим знакомство с возможными подходами к ситуации выбора.

Социолог в книге с существенным для нашей темы названием «Начало пути» размышляет о профессиональном самоопределении молодого человека и смысле, который имеет в его жизни выбор профессии: «Первый выбор - начало пути. К делу своей жизни человек идет до конца дней своих, все полнее самоосуществляясь, все глубже осознавая себя в этом мире.

Экономический человек просто трудоустраивается, то есть готов на любую работу, лишь бы добыть кусок хлеба.

Человек социальный - выбирает профессию.

Человек духовный - ищет смысл жизни.

Такие этапы, такие слои угадываются за проблемой выбора. Просто человек - один в трех лицах. И каждый шаг его тройной. И ответственность тройная»².

Социолог предлагает свою классификацию этапов, типов выбора. Заметим, что сюжеты приводимых рассуждений все больше приближаются к собственной теме нашей книги, к выбору *моральному*.

А вот как описывает демограф новые проблемы в сфере семейной жизни, возникшие в наше время: «Мы все более свободно выбираем себе область деятельности, место жительства, убеждения, образ жизни. В будущем возможности выбора необъятно расширятся. И в полный рост встанет проблема, хоро-

---

¹ Абчук В. 7:1 в нашу пользу. - Юность, 1979, № 2, с. 99.

² Шубкин В. Начало пути. М., 1979, с 9-10.

шо знакомая уже современному человеку: как сделать выбор? Проблема эта тем сложнее, чем сильнее этическая окраска принимаемого решения. Выбор профессии - пример почти технической задачи, ее «этическая составляющая» сравнительно невелика. Но вот, скажем, решения, принимаемые в сфере семейной жизни, могут приобретать очень сильное этическое звучание. Брак по любви или расчету? Рождение ребенка со всеми вытекающими отсюда обязанностями или отказ от детей во имя сохранения свободы, пусть и самым лучшим образом используемой, предположим, для духовного, творческого роста? Развод и вступление в новый, желанный брак или сохранение старой семьи во имя детей, во имя прошлых, хотя и угасших чувств?»¹

Отвлекаясь от внутренней полемичности этого сюжета с предыдущим в оценке нравственной значимости выбора профессии, сконцентрируем внимание на выражении «этическая составляющая».

Мы уже почти у цели. Поэтому прервем перечень точек зрения, позиций, взглядов на проблему выбора. Вряд ли кто поверит, что эта подборка - результат случайного выбора из книг, изученных в процессе исследования проблемы. Случайность эта, если она таковой покажется, сознательно организована, чтобы вызвать определенную реакцию читателя.

В первом впечатлении приведенные выше цитаты-рассуждения порождают ощущение разнородности, разноплановости сюжетов, разности критериев, позиций, подходов. Да и наши краткие комментарии к каждому сюжету настраивают именно на то, чтобы обнаружить *различие* в ситуациях выбора. Но в то же время нетрудно обнаружить в них и *повторяемость*. Собственно говоря, высказывания и собраны, выстроены в один ряд, для того чтобы наглядно представить объективную многогранность ситуаций выбора в деятельности человека и очертить, хотя бы приблизительно, панораму ситуаций, их *границы и типологию*.

В чем же повторяемость? Очевидно, что во всех случаях говорится об одном - о вечном перепутье, на котором оказывается любой человек, о неизбежности для каждой личности совершить акт самоопределения, решиться на выбор жизненной позиции, отдельного поступка, о всегда новой в конкретных условиях сложности столкновения альтернативных вариантов.

А еще повторяемость в том, что хотят того авторы приведенных рассуждений или нет, осознано это или не осознано ими, но во всех ситуациях выбора содержится явно или скрыто *нравственный аспект*. Профессия. Спутник жизни. Жизненная позиция. Конкретное решение. За каждым из этих актов, этапов, моментов жизнедеятельности человека стоит *моральная проблема* - необходимость принятия *морального решения*, предпочтения определенной системы *нравственных ценностей*, выбора в альтернативе добра и зла, вывода своего поведения на позиции долга и ответственности. И что особенно важно, мораль в этом случае - не просто «еще один» аспект ситуаций выбора, а «срез» всех остальных решений (профессиональных, семейных, правовых), их личностный смысл, нравственная значимость.

Кроме того, во всем многообразии описанных ситуаций достаточно наглядно, хотя это и более трудно обнаружить, чем повторяемость темы, выражено ключевое основание для *различения и классификации* ситуаций выбора, для выделения в процессах избирательной активности субъекта актов выбора принципиально *разного масштаба*: стратегических, «смысложизненных» и со-

---

¹ Вишневецкий А. Бремя выбора. - Литературная газета, 1978, 12 апреля.

бственно ситуативных, конкретных решений, действий, поступков. Осознание как связи между собой выборов столь разной значимости, так и их специфики важно для классификации видов собственно морального выбора, альтернатив и решений личности.

При этом недостаточно просто различить масштабы выбора личности, условившись сконцентрировать внимание на том из них, который чаще всего называют выбором поступка. Важно увидеть и осмыслить *связь масштабов*, взаимодействие выбора ситуативного (отдельного поступка) и стратегического (линии поведения). Ведь отдельный поступок и линия поведения не просто слагаемое и сумма, но взаимообусловленные элемент и система, определенная иерархия, в которой конкретные ситуативные решения выстраивают векторы всей нравственной жизни человека, а линия поведения выявляет и ориентирует конкретные действия.

Теперь появляется потребность более точно определить исходные понятия нашего подхода к теме. Моральный выбор - акт целеустремленной и целесообразной человеческой деятельности. Подчеркнем еще раз, что акт выбора - существенная черта любого аспекта деятельности человека: ситуация содержит несколько возможностей и разрешается предпочтением одного из вариантов. Ситуация собственно *морального* выбора личности возникает при необходимости предпочтения *варианта поступка* во всех его составляющих: в постановке нравственной цели, принятии решения об адекватных цели средствах и в практическом исполнении морального решения, воплощении его в реальном действии, а в конечном счете в соответствующем намерению результате.

Характеристика морального выбора как акта целеустремленной и целесообразной деятельности человека подчеркивает существование в нем двух сторон: *ценностной ориентации, смысла действия и целесообразности выбираемых средств*. Личность несет, таким образом, ответственность как за *целеполагание*, так и за *целеосуществление* в моральном выборе. Иными словами, она ответственна за то, чтобы выбор соответствовал смыслу человеческой деятельности, а средства - результату и тем самым цели, выражающей этот результат.

Как уже отмечалось, понятие «моральный выбор» можно относить к ситуациям разного масштаба: и к выбору системы морали, и к выбору поступка. Но главным, стратегическим аспектом выбора является предпочтение определенной системы общих моральных ориентаций. Дело в том, что различный характер нравственной деятельности не означает абсолютной безграничности диапазона ее ценностного основания: возможность поступать так или иначе не означает свободы совершения выбора в каком угодно направлении, за пределами противостояния добра и зла. Речь поэтому идет о выборе целей большого - мировоззренческого - масштаба, придающих смысл всей нравственной деятельности личности, определяющих ее стратегию, «замысел жизни».

В каждой системе моральных ценностей есть такая высшая цель, «цель-смысл», которая определяет нравственное достоинство всех других целей человека и которую он должен реализовать в конкретных поступках. Она-то и является решающим аргументом морального выбора. В коммунистической морали такой целью служит гуманистическая цель строительства коммунизма: «В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершенность коммунизма»¹.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

Нравственные ценности, предпочтенные личностью как в соответствии с ее общей моральной ориентацией, так и в рамках сложившихся конкретных обстоятельств, определяют *выбор каждого отдельного поступка*. Именно этот аспект проблемы морального выбора и является в первую очередь предметом рассмотрения в данной книге, соответственно и анализируются здесь преимущественно *ситуации выбора поступка*.

Ситуация морального выбора образуется в том случае, когда объективные обстоятельства предлагают несколько вариантов поступка и личность должна предпочесть один из них вопреки всем другим. Например, сказать правду или промолчать; остановить распоясавшегося хулигана или струсить... Возможность поступить так или иначе, способность сравнить и предпочесть варианты поведения, сознательно определить свою позицию обуславливают *свободу морального выбора личности и ее личную ответственность* за него.

Бывают, правда, ситуации, применительно к которым можно говорить о свободе выбора и при наличии, казалось бы, единственного варианта поступка. В жизни человека неизбежны такие положения, когда опыт выбора на всех прошлых жизненных «перекрестках» диктует ему лишь одно решение по принципу «не могу иначе», не допускающее перебора всех формально возможных вариантов поступка.

Определив исходные понятия нашего подхода к теме, вернемся вновь к разнообразию сюжетов из приведенных описаний ситуаций выбора. Промолчать или ответить? Куда пойти учиться? Кого взять с собой в путешествие?

Оперировать ли больно? Брак по любви или расчету? Действительно, «вопросы-громады» и «вопросы-карлики», «вопросы-океаны» и «вопросы-капли». Можно ли навести в этом многообразии определенный порядок, как-то классифицировать все эти ситуации? Если да, то исходя из каких оснований? И как особенность той или иной ситуации влияет на поведение личности?

Мы уже сделали первые шаги в попытках классификации такого рода: выделили выбор системы моральных ценностей и отдельных поступков, отметили их специфику и связь, которую еще неоднократно будем выявлять и оценивать. Следующая задача - применительно к видам ситуации морального выбора на уровне поступка - определение *субъекта* и *объекта* ситуации морального выбора.

В приведенных описаниях акт выбора совершался отдельным человеком, и поэтому субъект здесь - в первую очередь индивид, выбирающий определенный поступок. Родители и руководители, учителя и политики - люди разных социальных ролей и в разных сферах жизни - производственной и непроизводственной, личной и общественной - каждый из них вовлекается в ситуацию выбора: должен принять решение, совершить действие, подвергнуть его суду своей совести, каждый, таким образом, субъект активности и ответственности и тем самым субъект морального выбора. В этом случае мы и говорим о ситуации *морального выбора личности*.

Однако субъектом ситуации морального выбора может быть и коллектив людей, формирующий нормы взаимоотношения своих членов, класс, стремящийся изменить или сохранить свое социально-политическое положение, нация, общество в целом, решающее вопрос о перспективах своего развития.

Уже в этом самом общем описании субъекта морального выбора содержится информация и о многообразии его *объекта*. Сюда можно отнести такие моральные феномены, как выбор единичного поступка и идеалов, «замысла жизни» и линии поведения, «цели-смысла» и средств ее реализации.

Но ведь в одном ряду у нас оказались ситуации очевидно неодинаковые. И не только потому, что здесь и «выбор морали», и «выбор поступка», но и выбор очень разных поступков. Правомерно ли это?

В процессе социометрического исследования, проведенного учеными-психологами, каждому из группы испытуемых предложили выбрать себе человека, с которым он хотел бы вместе работать в одной бригаде, либо пригласить к себе на день рождения, либо поселиться вместе и т. д. Ученые обнаружили различную степень влияния ситуации на выбор, совершенный участниками исследования. «Одно дело - выбрать партнера для игры в домино, и совсем другое - ответить на вопрос: «Кого бы ты взял с собой в разведку?»¹. Квалифицируя критерии выбора, подобные первому, как слабые, а подобные второму, предполагающие выбор для очень важной деятельности, как сильные, специалисты-психологи тем самым дают одно из оснований и для анализа моральных ситуаций - *значимость* выбора. Мы должны иметь в виду основополагающую значимость такого рода выбора как «готовность вообще следовать требованиям нравственности», без которой нравственные веления и оценки не имеют над личностью никакой силы и без которой нет морального выбора в конкретных ситуациях². Речь здесь снова идет о «выборе морали». Но важно увидеть и *значимость поступка*. Причем между выбором в ситуациях разной значимости существует и обратная связь: выбор моральных ориентаций, конечно, важнее, чем профессиональное самоопределение, но ошибка в предпочтении какой-либо специальности может повлиять на отношение человека к моральным ценностям - к труду, семейному долгу и т. д.; нелюбимая профессия, например, прямо скажется на трудовой деятельности человека, ее качестве, творчестве.

Объективная и субъективная ценность выбора поступка может быть конкретизирована как *общественно* и *лично* значимая. В этом случае можно выделить еще один аспект такого, отмеченного выше, основания для классификации ситуаций морального выбора, как ее масштаб: *масштаб объекта и субъекта*. Масштаб этот в социальном «пространстве» может быть различным - от судьбы человечества до судьбы личности. Аналогично и «уровень обобществления» выбора меняется в зависимости от того, насколько массовым является конкретный поступок³.

Весьма существенное основание классификации - *степень творчества* или *стереотипности* в моральном выборе личности. Очень часто выбор человеку приходится осуществлять в повторяющихся обстоятельствах, в ситуациях, которые хорошо известны ему по личному опыту, доступны для решения на уровне рассудка, а то и просто для действия по привычке. Иное дело - необходимость морального творчества, поиска новых, нестандартных решений, нарушающих сложившийся шаблон поведения, требующих от личности мобилизации всего нравственного потенциала, проявления высокой степени моральной культуры.

Итак, *значимость, масштаб, уровень сложности* - вот три основания, по которым можно выстроить типологию ситуаций как морального выбора мировоззренческого ранга, так и выбора поступка. Если же свести их в некоторое *целостное основание*, классифицировав ситуации в единстве их объективных

---

¹ Коломинский Я. Человек среди людей. М., 1973, с. 57.

² См.: Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1974, с. 335-336.

³ См.: Новиков К. А. Свобода воли и марксистский детерминизм. М., 1981, с. 107-109.

и субъективных моментов, то можно сделать вывод не только о том, что высокий масштаб *объекта* морального выбора во многом обуславливает выбор менее высокого (выбор «замысла жизни» - единичные поступки), выбор *субъекта* такого масштаба, как класс или социальная группа, - выбор личности, но и о том, что индивидуальная ситуация морального выбора воплощает в себе существенные черты ситуаций выбора группы, класса, общества в целом.

«Индивид есть *общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни - даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, - *является* проявлением и утверждением *общественной жизни*»¹.

Как видим, диапазон объективных возможностей выбирать и решений субъекта может быть весьма неодинаковым в зависимости от разных критериев. Но принципиальная особенность ситуации морального выбора определяется кардинальными *социальными* факторами. Именно они обуславливают границы диапазона нравственных решений, направленность возможностей, веер вариантов, напряженность ситуации, наконец, порождают те или иные ситуации морального выбора, которых не могло быть в иных социальных обстоятельствах.

Рассмотрим этот вопрос более внимательно, подвергнув его социально-исторической конкретизации.

По-видимому, понятие «выбор» возникло на самых ранних стадиях формирования нравственности. Но независимо от того, является ли оно ровесником человеческой морали или нет, можно с полным основанием считать, что веками и целыми тысячелетиями абсолютное большинство людей не вовлекалось в ситуацию морального выбора вследствие запрограммированности поведения определенными социальными условиями. Только высокий уровень развития социальной свободы привел к расширению круга субъектов и объектов морального выбора.

Социальная обусловленность морального выбора выражается прежде всего в характере *объективных возможностей* поступать так или иначе, ибо человек может выбирать «всегда только между определенными вещами, входящими в круг его жизни...»². Формальное многообразие вариантов в значительной степени ограничивается социальными условиями, местом человека в системе общественных отношений. Анатолий Франс иронически сопоставляет «свободу выбора» богатого и обездоленного человека в капиталистическом обществе: миллионер и нищий одинаково вольны спать под мостом, но первый все же «выбирает» жизнь во дворце, тогда как второй - под мостом.

Не менее убедительный пример - жизненные пути молодежи в современном буржуазном обществе. Социологи отмечают, что выбор профессии, связанный с получением образования, *фактически* носит там ярко выраженный классовый характер. Механизмы регулирования шансов доступа к образованию, не всегда очевидные, приводят к тому, что дети низкооплачиваемых рабочих, крестьян, эмигрантов и некоторых других групп населения из социальных «низов» испытывают всю тяжесть преград на пути к образованию, к успешному обучению в школе, вузе³.

Принципиальную особенность имеют ситуации морального выбора в ус-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 119.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 304.

³ См.: Шубкин В. Начало пути, 22-23.

ловиях социалистической общественной системы.

Последовательное расширение объективных возможностей для человека стать господином обстоятельств создает реальную предпосылку более свободного морального выбора. Построение социалистического общества предоставило трудящимся массам неизмеримо более широкий - в сравнении с обществом отчуждения - диапазон средств для реализации своих целей. Уничтожение классовых антагонизмов, общие интересы и цели жизни исключают коренные различия в возможностях выбора. Совпадение объективных условий морального выбора, однотипность (но не тождественность) ситуаций выбора повышают роль такого элемента обусловленности возможностей, как нравственное окружение личности - нравственный климат коллектива и всего общества в целом. И не случайно КПСС в своих решениях нацеливает на всемерное содействие формированию гармонических отношений между людьми, создание атмосферы дружбы, сотрудничества, доброжелательности, порядочности¹. Такая общественная обстановка благотворно влияет на развитие личности, на проявление ее творческой активности, в том числе и в сфере нравственности, в частности создает благоприятные условия для морального выбора. Социальная обусловленность обстоятельств, сложившихся в ситуации морального выбора, неразрывно связана с мировоззренческой, моральной определенностью решения человека, с *изнутри идущей детерминацией поступка*. Как бы ни были различны варианты решений, они всегда отражают ценностную ориентацию человека, заключены в диапазон нравственного и безнравственного.

Разумеется, принятие личностью самостоятельного (без подсказки извне) решения о наиболее предпочтительном варианте поступка - такое же необходимое условие свободы морального выбора, как и объективная возможность поступать так или иначе. Однако учет *нравственной допустимости* возможных альтернатив обуславливает решение не меньше, чем осознание объективно недопустимых возможностей выбора в определенных социальных обстоятельствах. Вспомним еще раз выбор Сократа. Ведь он был продиктован именно нравственной позицией, а не просто обстоятельствами. Они-то как раз искушали Сократа к бегству и, таким образом, к спасению жизни, а запрещало побег, диктовало отдать предпочтение требованиям чести сознание *нравственной* невозможности поступить иначе.

В этой связи мировоззренческий ярус морального выбора личности, обретенное в ее нравственных исканиях «стратегическое самоопределение», тот самый «выбор морали», о котором говорилось выше, являются фундаментальной составляющей в определении и реализации «траектории поведения» личности. Обеспечивая человека средствами самоориентации, выполняя «дирижерскую» функцию в регуляции поведения, оформляясь в убеждения личности, выводящих ее на определенную нравственную позицию, мировоззренческие представления «выстраивают мост» между свободой выбора - выбором систем моральных ценностей, принятием норм нравственности как своих - и моральными принципами, представлениями о смысле жизни, идеале, счастье².

Следует, однако, особо подчеркнуть, что и мировоззренческие основания выбора поступка не «даны» человеку, а сами являются объектом и результатом его выбора: «программируя» конкретные решения, эти основания склады-

---

¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 49, 60, 63.

² См.: Ландесман П. А., Согомонов Ю. В. Мировоззренческие ориентации морального выбора. - Моральный выбор. М., 1980, с. 302.

ваются в процессе нравственных исканий личности, ее нравственного становления.

Нравственные искания, смыслообретения и смыслоутраты сопровождают человека на всем его жизненном пути; их влиянию в той или иной мере подчиняется поведение не только человека молодого, незрелого, пока еще выбирающего важнейшие цели жизни, но и личности сложившейся, уже обретшей свое мировоззрение, выстроившей линию поведения, сверяющей с этой линией каждый новый поступок. Нельзя не согласиться с мыслями, высказанными по этому поводу И. С. Коном: «Самоопределение личности не заканчивается с юностью, оно продолжается всю жизнь. В каждый момент человек принимает решения, выбирая тот или иной образ действий, и сознание того, что этот выбор нельзя «переиграть» и что он затрагивает не только тебя, но и других, придает ему, пожалуй, даже больший драматизм, чем тот, который типичен для юноши с его незрелым негативизмом или не менее незрелой стабильностью. Зрелость выступает как некая определенность только по отношению к «неоформленности» юношеского порыва. Взятая в другом ракурсе, она тоже динамический процесс, со своими трудностями и противоречиями. Личность, как и история, всегда остается незаконченной, незавершенной, она есть проекция, творчество, поиск»¹.

Итак, мы попытались очертить панораму ситуаций морального выбора, упорядочить все многообразие ситуаций, выделить те из них, которые будут в последующем предметом специального рассмотрения. Характеристика ситуаций морального выбора личности раскрывает преимущественно объективную его сторону – *возможность выбирать*. Обращение к субъективной стороне – *способности выбирать* – подводит нас к традиционной для этики, но от этого не потерявшей своей актуальности проблеме *активности субъекта в определенных обстоятельствах, мере ответственности за выбор*.

2. ОБЪЕКТИВНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

...В институт пришло тревожно-недоуменное письмо от выпускника, недавно приступившего к трудовой деятельности. Молодой человек, впервые попавший на производство, столкнулся с проявлениями бесхозяйственности и бюрократизма. Возмущенное нравственное чувство привело его к попытке немедленно, одним ударом покончить с этим злом: на ближайшем собрании молодой инженер произносит страстную, бескомпромиссную речь. Однако его постигла неудача: никто не поддержал выступавшего, хотя перед собранием критические настроения проявлялись у многих коллег. «В чем дело?» - спрашивает бывший студент своего преподавателя.

В изложении «пострадавшего» информация была, видимо, односторонней, а реакция на поражение - слишком горячей. Поэтому на его письмо надо было ответить так, чтобы не погасить нравственной активности человека, только еще начинающего свою трудовую жизнь, но в то же время показать, что неудача в борьбе со злом отнюдь не заложена в самом стремлении активно ему противостоять, а зависит от зрелости, мудрости этой борьбы. И преподаватель написал своему ученику, что, скорее всего, он действовал без учета сло-

---

¹ Кон И.С. Социология личности. М., 1967, с. 184.

жившейся в данном коллективе нездоровой нравственной атмосферы, когда многие люди, сознавая ненормальность существующих отношений, успели привыкнуть, приспособиться к ним; кое-кого статус-кво по ряду причин, может быть, даже устраивает, а другие предпочли занять позицию стороннего наблюдателя. Потому-то и важна зрелость активной позиции, умение разобраться в ситуации, найти верный путь противостояния злу, что своей безуспешностью попытка борьбы может укрепить иллюзию моральной допустимости и практической неразрешимости сложившихся в коллективе нездоровых отношений; нужно не отчаиваться после поражения, а сделать из него должные выводы.

Эта житейская ситуация, а подобных ей встречается немало, демонстрирует типичную форму *активности, игнорирующей объективные обстоятельства*. В обыденном языке это явление получило нарицательное наименование «донкихотство». За заимствованным из литературы образом стоит тип выбора, в котором активность во имя долга и идеала выступает как безусловная добродетель, поднимающаяся над обстоятельствами и последствиями действия.

Перед каждым человеком, вовлеченным в ситуацию выбора, возникает проблема поиска такого варианта, который сочетал бы в себе, с одной стороны, решимость стремления к добру, с другой - учет объективных обстоятельств. Альтернативные формы подходов к этой проблеме выражаются в позициях «мудрой бездеятельности» и «бездумной активности». История человеческого общества и нравственного прогресса показывает нам всевозможные разновидности этих позиций, выявляет их роль в моральном выборе конкретных людей, подводит к выводу о единстве разумности и активности как подлинно нравственной мудрости. Но попытаемся сами прийти к этому выводу, обратившись к литературным источникам. Поскольку при этом нам придется оперировать художественными образами, предварительно сделаем два замечания - о роли моделей ситуации морального выбора и об истолковании применительно к такой ситуации образов, имеющих историко-культурную традицию.

Художественная литература в данном случае выступает не как поставщик занимательных примеров, но как *отражение действительности*, схватывающее существенные стороны нравственной жизни. Особое внимание необходимо обратить на то, что ситуации выбора, прежде всего нравственные конфликты, в произведениях искусства часто представлены в «очищенном», обобщенно-типизированном виде, а потому для этического анализа они выступают не как «случай из жизни», а как модели, аккумулирующие суть реальных ситуаций морального выбора¹.

Что же касается трактовки того или иного литературного образа - в нашем случае речь пойдет о Дон Кихоте и Гамлете, - то следует отметить не только различие, но даже полярность истолкования нравственного смысла этих персонажей как в истории, так и в наши дни. И дело, разумеется, не просто в субъективном произволе толкователей, а в многогранности самих феноменов «гамлетизм» и «донкихотство», из которых каждая историческая ситуация отбирает, абсолютизируя, отдельные черты. Естественно, в этом случае речь идет скорее о *типах нравственных позиций*, чем о конкретных героях литературного произведения, о нарицательном значении литературных образов. Соответственно можно говорить о разных историко-культурных традициях и о пре-

---

¹ Подробнее об этом см.: Днепрова В. Литература и нравственный опыт человека. Л., 1970.

дпочтениях, отдаваемых тем или иным толкователем одной из них¹.

Поэтому, характеризуя поведение героя сюжета, которым мы начали свои рассуждения, следует отметить, что возможна, разумеется, и такая трактовка «донкихотства», когда в оценке позиции личности акцент делается не столько на игнорировании объективно сложившихся обстоятельств ситуации выбора, сколько на способности человека превозмочь свой страх перед этими обстоятельствами, свои опасения за личное благополучие, частные интересы, то есть подняться над обстоятельствами. Именно такое поведение героя восхищает многих читателей классического романа и вызывает нравственное удовлетворение при оценке современных последователей Дон Кихота, в противоположность людям слишком осмотрительным, способным на сколько-нибудь ответственный шаг лишь при стопроцентных шансах на успех. Однако, думается, что такие акценты должны лишь заставить нас более глубоко учитывать *мотивы* донкихотского стиля активности в моральном выборе, но не отказываться от критики *результатов* активности такого рода.

Если попытаться проанализировать эти мотивы, то обнаружится, что «донкихотство» является во многом понятной и естественной реакцией не только на приспособленчество, пассивность, возведенную в ранг добродетели на том основании, что она обеспечивает человеку благополучие и комфорт, но и на поведение людей, настолько озабоченных рациональным анализом всех последствий своей активности в ситуации выбора, что из боязни ошибиться и опорочить нравственную цель они не решаются на выбор. «И вянет, как цветок, решимость наша в бесплодьи умственного тупика»², - говорит Шекспир о такой позиции, получившей название «гамлетизм».

Почему речь о Гамлете? «Нам показалось, что все люди принадлежат более или менее к одному из этих двух типов; что почти каждый из нас сбивается либо на Дон-Кихота, либо на Гамлета. Правда, в наше время Гамлетов стало гораздо более, чем Дон-Кихотов; но и Дон-Кихоты не перевелись», - писал в прошлом веке И.С.Тургенев и считал само собою разумеющимся, что «всякому лестно прослыть Гамлетом, никто бы не хотел заслужить прозвание Дон-Кихота...»³.

Однако один из парадоксов современной нравственной жизни заключается в том, что рациональное время внесло в оценку обоих типов активности весьма существенную поправку: «донкихотство» стало достаточно популярно именно в наши дни. Характерно, что в дискуссии о рационализме в морали, проведенной на страницах «Комсомольской правды» в 1972-1973 годах, у читателей газеты полную поддержку нашла песня Дон Кихота из спектакля «Человек из Ламанчи», в которой есть такие слова:

Я иду, даже если не вижу пути
И не знаю, куда я приду.
Я иду, ибо кто-нибудь должен идти
За людей и себе на беду!

---

¹ Наиболее типичные, на наш взгляд, трактовки «гамлетизма» и «донкихотства» даны в кн.: *Козинцев Г.* Наш современник Вильям Шекспир. Л. - М., 1962.

² *Шекспир В.* Гамлет, принц датский. М., 1975, с. 88.

³ *Тургенев И. С.* Собр. соч. В 12-ти т. М., 1979, т. 12, с. 194, 198.

Ни направленность против скептицизма и пассивности в сложной ситуации выбора, ни убежденность в необходимости самоотверженного служения людям не могут вызвать возражения. Однако налицо односторонность, абсолютизация роли искренности и смелости в выборе, излишняя уверенность в самодостаточности этих моральных качеств. Да, именно в искренней убежденности в правоте своего дела и видел нравственную ценность «донкихотства» И. С. Тургенев: «...нам кажется, что главное дело в искренности и силе самого убеждения... а результат - в руке судеб. Они одни могут показать нам, с призраками ли мы боролись, с действительными ли врагами, и каким оружием покрыли мы наши головы...»¹. Но осуществление намерения определяется, конечно, не судьбой, а в первую очередь способностью человека «принимать решения со знанием дела». И человек, не видящий пути и не знающий, куда он придет, при всех своих искренне благих намерениях нередко оказывается в стороне от действительной борьбы за счастье людей. Стремление к добру - необходимое, но недостаточное условие положительно-нравственной деятельности. Реализация активной позиции предполагает единство нравственных целей и средств их достижения.

Но дает ли надежную гарантию от ошибок в моральном выборе противоположный «донкихотству» нейтрализм с мотивами «гамлетизма»? Подчеркнем еще раз, что этот тип активности требует отказа от вмешательства в ситуацию выбора не просто из-за слабоволия или неумелости; напротив, сам Гамлет, например, достаточно энергичен и ловок, он устраняет мнимых друзей с помощью ими же подстроенной ловушки, организует спектакль-разоблачение. Колебания Гамлета противоположны неуверенности невежды, нерешительность которого порождена незнанием и неспособностью. Именно *многознание* заставляет Гамлета опасаться ошибки в выборе².

Для оценки позиции нейтрализма в ситуации выбора требуется дополнить аргументы из области искусства социальными фактами, стоящими за литературными образами.

Абсолютизация нейтрализма гамлетовского типа весьма характерна для многих представителей буржуазного общества. «Если хочешь заслужить ад, достаточно не вылезать из своей кровати. Мир несправедлив; раз ты его приемлешь - значит, становишься сообщником, а захочешь изменить - станешь палачом»³. В этом суждении одного из персонажей Ж. П. Сартра выражен действительный момент ситуаций выбора в обстановке социального и морального отчуждения, когда выполнение норм и требований буржуазной морали ведет к фактической аморальности и в решении житейских вопросов, и в сложных проблемах мировоззрения. Поэтому сами условия, склоняющие человека к безнравственному выбору, порождают стремление уклониться от него, занять позицию «*последовательного имморализма*». Причем имморализм такого рода, как подчеркивает исследователь философии экзистенциализма Э. Ю. Соловьев, «не был продиктован индивидуалистической расчетливостью, не был ни цинизмом, ни эпатажем, ни способом избавиться от ответственности. Он с самого начала базировался на ясном этическом постулате: быть моральным - безнравственно, ибо в условиях преступного и обесчеловечившегося общества

---

¹ Тургенев И. С. Собр. соч. В 12-ти т., т. 12, с. 199.

² См.: Щербаков К. Обретение мужества. М., 1973, с. 194-195; С чего начинается личность. М., 1979, с. 12-13.

³ Сартр Ж. П. Пьесы. М., 1967, с. 240.

мораль есть гарантия безответственности, шкурничества и духовной нечистоплотности. Избежать соблазна этой удобной и выгодной морали есть долг человека и первейшее условие сохранения личного достоинства»¹.

А вот русская разновидность Гамлета - Илья Ильич Обломов. Пассивность Обломова - антитеза буржуазной практичности Штольца: в альтернативе гамлетовского толка «делать или не делать?» он выбирает неучастие как способ отрицания активности на службе идеалам царской России. Его нежелание действовать в современном ему обществе глубоко мотивировал в своих дневниках М. М. Пришвин: «Никакая «положительная» деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя... Всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты, а только деятельность, в которой личное совершенно сливается с делом *для других*, может быть противопоставлена обломовскому покою». Ни Гончаров, ни его герой не могли сформулировать иного пути противостояния активности «мертво-деятельных», по выражению Пришвина, людей типа Штольца.

Задачей такой своеобразной формы выбора, как «уклонение», является, таким образом, сохранение личного достоинства, нравственное «спасение души» личности. Не в силах изменить обстоятельства и активно противостоять им, человек стремится не дать этим обстоятельствам поработить себя, изменить свой нравственный облик. Характерна в этом отношении нравственная позиция героев Э. Хемингуэя. Ее точно описывает тот же Э. Ю. Соловьев: «Реальная задача, которую хемингуэйевский герой решает в условиях кризиса, это вовсе не вопрос о том, «как делать революцию». Это вопрос о том, как остаться честным, не оказаться вовлеченным в недостойные человека действия, не быть завербованным разносторонне безнравственным обществом... Как выстоять, как сохранить человеческое достоинство, когда все принуждает к тому, чтобы потерять его, опуститься, принять спасительную позицию равнодушия и безответственности. Простая, казалось бы, вещь - быть честным и искренним. Хэмингуэй показал, что нет вещи сложнее»².

Но при всех своих преимуществах в конкретных ситуациях морального выбора нейтральная позиция в условиях морального и социального отчуждения в конечном счете и в лучшем случае оказывается лишь трагическим предпочтением меньшего зла, которое навязано личности буржуазным обществом. Эта позиция еще дает возможность принять решение о том, «чего нельзя делать ни при каких обстоятельствах», но оказывается весьма слепой и беспомощной, когда речь идет о необходимости *активной борьбы со злом*. Основная слабость нейтрализма заключается в том, что он зарекается от владения социальной и нравственной необходимостью в принципе. В современных же условиях революционного преобразования мира, когда имеется возможность и потребность активной деятельности личности, нейтралистское уклонение от выбора во многих случаях можно квалифицировать как действие исторически и нравственно регрессивное.

Более того, отказ от выбора, стремление «умыть руки» в определенных

---

¹ Соловьев Э. Цвет трагедии - белый. - Искусство нравственное и безнравственное. М., 1969, с. 77-78.

² Соловьев Э. Цвет трагедии - белый. - Искусство нравственное и безнравственное, с. 114.

ситуациях может обернуться и преступлением против нравственности. «Люди, умывающие руки» умывают их в крови - этот лейтмотив ряда пьес Б. Брехта хорошо передает нравственный смысл позиции нейтрализма. Если нельзя отложить решение и цель должна быть достигнута безотлагательно, то отказ от выбора оказывается своеобразной формой выбора, вмешательством особого рода: уклонился от активного противостояния злу - объективно встал на его сторону, способствовал укреплению его позиций. Вспомним, как в период внутрипартийной борьбы за Брестский мир Троцкий выдвинул «нейтральный лозунг»: «Ни мира, ни войны». А положение было тяжелое. России в то время необходима была передышка, чтобы победить буржуазию внутри страны и приступить к социалистическому строительству. Такую передышку, доказывал В. И. Ленин, может дать немедленный мир с Германией и ее союзниками. Но на переговорах в Брест-Литовске Троцкий, возглавлявший советскую делегацию, не выполнил указание партии и правительства и, следуя своему лозунгу, заявил, что Советская Россия мира не подписывает, войну прекращает, армию демобилизует. Такой «выход» из ситуации обернулся тем, что решение вопроса фактически было отдано в руки германского империализма: Германия, как известно, прервала мирные переговоры и вскоре развернула наступление на русско-германском фронте. Советской России пришлось принять условия мира, гораздо более тяжелые, чем брест-литовские, - такой ценой обернулось «невмешательство» в ситуацию. «Пусть знает всякий: кто против немедленного, хотя и архитяжкого мира, тот губит Советскую власть»¹, - писал тогда Ленин. Решительная позиция, занятая в вопросе о мире вождем революции, помогла отстоять Советскую власть в России. Его выбор, затрагивающий коренные интересы пролетариата, всех трудящихся, был не только моральным, но и классово-политическим выбором.

Анализ нейтралистской формы нравственной деятельности показывает, что нельзя формулировать проблему активности в ситуации морального выбора в виде вопроса «вмешиваться или не вмешиваться?». Достойные цели и соответствующие средства - условия, определяющие нравственность жизненной позиции, позиции активной, действенной. С этой точки зрения в условиях устранения социальных антагонизмов и причин отчуждения ни «донкихотство», ни «гамлетизм» не являются оптимальными жизненными позициями.

«Донкихотство» и «гамлетизм» представлены нами как равно односторонние крайние формы решения проблемы активности. В определенном смысле это правомерно: крайности сходятся. Не случайно авторы сценария «Берегись автомобиля!» заставляют своего героя Юрия Деточкина (модель современного Дон Кихота) играть на сцене народного театра роль... Гамлета (!). «Спектакль вызвал нездоровый ажиотаж в судебных и следственных кругах. Все пришли поглазеть на парня, который крадет машины и одновременно играет «Гамлета»².

И все же оценка «донкихотства» и «гамлетизма» как односторонне-крайних позиций требует - в дополнение к уже сказанному выше об историко-культурной традиции - еще одного уточнения. Конкретно-исторический анализ обоих типов поведения показывает их социальную обусловленность и соответственно различное историческое значение. В изменяющихся исторических об-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 367.

² Брагинский Э., Рязанов Э. Зигзаг удачи. Убийство в библиотеке. Берегись автомобиля! М., 1969, с. 92.

стоятельствах и моральных ситуациях «предыстории человечества» важное значение имело акцентирование активности то «донкихотского» типа (напомним вполне актуально прозвучавшую речь И. С. Тургенева в защиту «донкихотства»), то типа «гамлетовского» (не менее актуальной была критика «донкихотства» Н. А. Добролюбовым).

В то же время, представляя собой альтернативные вершины нравственной свободы в условиях антагонистических обществ, «гамлетизм» и «донкихотство» не должны трактоваться как ориентиры нравственной деятельности в социалистическом обществе вследствие метафизической односторонности этих позиций. Поэтому встречающееся в критической литературе и в публицистике утверждение полезности «донкихотства» и в наши дни вряд ли без оговорок можно признать правомерным. Трудно, например, согласиться с заявлением, что именно Дон Кихоты, с их «безумными идеями», презирающие мещанское благополучие, по велению сердца едут на Ангару, в Кара-Кумы, штурмуют космос, стремятся проникнуть в тайны материи, двигают общественный прогресс. И дело, разумеется, не в толковании литературного образа, а в необходимости четкого осознания вредности любых метафизических решений моральных проблем.

Современные защитники «донкихотства» ссылаются на авторитет А. В. Луначарского, который в свое время говорил, что, «когда социализм начнет осуществляться, очень многие пламенные утописты, Дон Кихоты, фантасты найдут применение для своего героического романтизма...»¹.

Действительно, в ряде своих работ А. В. Луначарский объяснял поражение «донкихотского» типа активности тем, что герой Сервантеса переносил принципы, целесообразные при коммунизме, на «суровую подготовительную эпоху»², и утверждал эту идею не только в статьях, но и в художественном творчестве. В драме «Освобожденный Дон Кихот», посвященной теме революционной борьбы, один из персонажей, студент дон Валтасар, говорит Дон Кихоту: «Ах, Дон Кихот, вы не годитесь в граждане истекающей кровью голодной Республики... Но когда придем мы в обетованную землю, когда снимем мы кровавые жаркие доспехи, вот тогда-то позовем вас, бедный Дон Кихот, вот тогда скажем мы: войдите под завоеванные нами кущи помочь нам творить добро»³.

На наш взгляд, такая точка зрения весьма уязвима. «Донкихотство» как метафизический принцип «на все времена» не адекватно действительности. Принципы морали должны быть всегда диалектичными - «и вчера и сегодня». Метафизичность не превращается в диалектику от того, что ее переносят в будущее. И если «донкихотский» тип поведения был непригоден «вчера», он не избавится от своих недостатков и «сегодня», при пересаживании на «благоприятную почву». Тем более что социалистическую действительность никак нельзя считать благоприятной почвой для «донкихотства». Ведь она требует от личности не просто благих намерений, а единства намерений и результата, целей и средств, доведения слова до дела.

Подлинная активность в ситуации морального выбора предполагает - и это особенно очевидно в современных условиях реального воплощения социалистических идей - стремление увидеть максимум альтернатив, весь диапазон вариантов решений, избегая при этом узколобого фанатичного выбора по прин-

---

¹ Луначарский А. В. Собр. соч. В 8-ми т. М., 1964, т. 4, с. 141.

² Там же, т. 1, с. 387.

³ Луначарский А. В. Пьесы. М., 1963, с. 519.

ципу «либо - либо» там, где ситуация содержит широкое поле возможностей, и, сохраняя принципиальную линию выбора, настойчиво и последовательно осуществлять нравственную цель. Нерассуждающей активности «донкихотского» типа, неизбежно порождающей разочарования при каждом случае поражения, противостоят не эгоистическая пассивность и не бесконечные колебания рефлектирующего «гамлетизма», эти антиподы действительно моральной активности, а способность совершать правильный выбор, «принимать решение со знанием дела».

Для осмысления проблемы активности в моральном выборе важное методологическое значение имеют критические замечания В. И. Ленина его корреспондентам, жаловавшимся на неудачи в своей борьбе со злом. Отвечая на письмо М. Ф. Соколова, отчаявшегося в безуспешной борьбе с бюрократами, Ленин пишет: «...где доказано, что Вы правильно боролись, искусно? Бюрократы - ловкачи, многие мерзавцы из них - архипроходи. Их голыми руками не возьмешь. Правильно ли Вы боролись? по всем ли правилам военного искусства *окружили* «врага»?»¹. И. К. Ежову, сетовавшему в своем письме на неудачу в борьбе с волокитством, Ленин отвечал: «Эта борьба трудна, слов нет. Но трудное не есть невозможное. Вы опускали руки, а не боролись, не исчерпали всех средств борьбы»².

Анализируя субъективные аспекты ситуации морального выбора, мы обращаем внимание на *способность* личности принимать моральные решения. Именно этот элемент ситуации в наибольшей степени обеспечивает превращение возможности морального выбора из «вещи в себе» в «вещь для нас».

В противоположность характерным для метафизических концепций этики позициям фатализма и волюнтаризма, выдвигающим дилемму обусловленности морального выбора личности либо только обстоятельствами, либо только решением субъекта, марксистская этика исходит из диалектического представления о связи необходимости и свободы. Применительно к сфере нравственности это означает, что объективная обусловленность морального выбора не исключает свободы морального решения, более того, субъективная способность выбора - зависимость поступка от роли и разума личности, от ее самостоятельности и сознательности в предпочтении определенной возможности и в отказе от другой - не менее важный элемент ситуации, чем объективная возможность выбирать.

Три положения классиков марксизма-ленинизма имеют решающее значение для этого вывода.

Во-первых, ленинское решение «конфликта» между детерминизмом и нравственностью: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»³.

Во-вторых, формула Ф. Энгельса о законе, управляющем «бытием... человека»: «Свобода воли означает... способность принимать решения со знанием дела»⁴.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 194.

² Там же, т. 53, с. 217.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 116.

В-третьих, характеристика К. Марксом позитивного потенциала свободы человека: человек «свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность...»¹.

Эти общие философские положения классиков марксизма-ленинизма требуют конкретизации применительно к проблеме морального выбора личности. Так, может возникнуть вопрос о правомерности распространения общесоциологического определения свободы, данного Ф. Энгельсом, на индивидуальные поступки. Всегда ли выбор требует научного познания обстоятельств? Очевидно, что в элементарных по степени трудности решения ситуациях, в поступках, масштабы последствий которых не имеют большого социального значения, человек руководствуется здравым смыслом, действует по привычке. *Научное* же познание обстоятельств для принятия решения не является повседневной потребностью. Однако «знание дела» - норма выбора как в ситуациях социального масштаба, так и в житейских, обыденных обстоятельствах.

Следует, конечно, подчеркнуть, что свобода морального выбора личности характеризуется «познанием необходимости» прежде всего в ее моральном содержании, это способность принимать решение в соответствии с *нравственной необходимостью*, с существующими в обществе системами моральных норм и ценностей, отражающимися в сознании человека в виде цели, которую он *должен* реализовать в поступке.

Выбор, игнорирующий познание объективных возможностей, выбор вопреки нравственной необходимости - это лишь формально свободный выбор, «усеченная свобода», на деле являющаяся лишь произволом аморальности. Справедливо отмечено, что «безнравственное поведение не может рассматриваться в полном смысле как умное, то есть соответствующее глубинной объективной логике событий. Оно может быть расчетливым, изворотливым, сообразительным, хитрым, внешне логичным, но соответствующим нравственной истине, подлинно разумным его назвать нельзя»².

Социальная детерминация морального выбора с точки зрения марксистско-ленинской этики совершается не вопреки индивидуальному решению личности, а посредством его: в ситуации выбора обстоятельства и решение субъекта взаимосвязаны как элементы одного целого, *составляя объективную и субъективную стороны свободы*. Принимая решение, человек превращает нравственную необходимость из внешней причины в самодетерминацию, возлагает на себя бремя ответственности за выбор целей и средств, за преобразование ситуации, за ее достойное разрешение. Мало просто «угадать» нравственную необходимость и правильное решение, ее выражающее. Свобода морального выбора личности - свобода активно *преобразовывать* обстоятельства во имя прогрессивных целей. Поэтому объективная *возможность выбора* и субъективная *способность выбирать* - *необходимые и достаточные* элементы ситуации морального выбора личности.

Ситуация выбора не оставляет человеку возможности равнодушно, спокойно, размеренно «проживать время», расслабленно «взирать со стороны», она не дает человеку права на созерцание - она требует *ответа*, ответственного *решения и действия*.

Такая позиция определяет и подход к проблеме ответственности за выбор.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 145.

² Давидович В. Е. Грани свободы. М., 1969, с. 182.

В истории домарксистской этики и в современных буржуазных теориях морали при всем многообразии вариантов можно выделить две наиболее крайние позиции в вопросе об ответственности, выражающие *фаталистическую и волюнтаристскую* точки зрения на свободу выбора. Первая из них, основываясь на отрицании свободы выбора, подчиняет поведение личности обстоятельствам, сводя, таким образом, ее собственные возможности к роли «винтика» социального механизма. Из такой трактовки вытекает и отрицание моральной ответственности человека, «освобождение» его совести и от «вины», и от «заслуги» за тот или иной поступок. Обыденное «моя хата с краю», более рафинированное «от меня ничего не зависит», наконец, ссылка-оправдание «так делают все» - вполне закономерное следствие фаталистических взглядов в житейских моральных представлениях, приводящее и к фактической социальной пассивности, и к активному аморализму.

Фаталистическую концепцию ответственности взяли на вооружение адвокаты фашистских преступников на Нюрнбергском процессе. Спекулируя на этой концепции, одних своих подзащитных они пытались оправдать тем, что за выполнение приказа якобы несут ответственность не подчиненные, а те, кто отдает приказы; с тех же, кто занимал высшие посты в рейхе, пытались снять ответственность ссылками на «волю всего народа», «избирающего» своих «вождей». Фактически оказывалось, что вопрос об ответственности конкретных носителей морали фашизма, совершивших преступления против человечества, и не должен ставиться.

Нюрнбергский трибунал отверг как ложный аргумент об оправдывающей роли обстоятельств, подчеркнув, что важен не факт наличия приказа, а вопрос о том, был ли практически возможен моральный выбор. История дала нам много примеров, демонстрирующих возможность сопротивления фашизму - от организованной подпольной борьбы до различных форм саботажа. Многие из мужественных людей - участников Сопротивления, сознательно выбравшие альтернативу активного противостояния фашизму, погибли, но не сдались.

Определить свою действительную роль в ситуации, понять смысл предлагаемых ею вариантов выбора, осознать свою ответственность за поступок совсем не просто. Искушение укрыться за «силу обстоятельств», «приказ», трудность прогнозирования результатов деятельности в сложной и зачастую невидимой цепочке связей поступков одного человека, разных людей, целых групп нередко оказывается весьма велико. Но тем значительнее прозрение, тем важнее отказ от ложной позиции «винтика». И в этом случае действительно «лучше поздно, чем никогда».

...6 августа 1945 года майор Изерли командовал самолетом, несущему атомную бомбу, выход на цель - Хиросиму. В 1947 году Изерли вернулся на родину, где его ждала слава национального героя и счастье хорошо обеспеченной жизни. Но в 1950 году, вскоре после заявления президента Трумэна о работах в США над водородной бомбой, Изерли покушается на самоубийство. Еще до этого его преследовали ночью кошмары - снилась Хиросима во время атомной бомбардировки. После лечения в госпитале для душевнобольных Изерли совершает ряд уголовных преступлений.

Характерно, что ставший вором и грабителем «национальный герой» не интересуется добычей, не прячется от полиции. Его уголовные преступления были актом отчаяния человека, осознавшего свою вину за механическое выполнение приказа, свою ответственность за соучастие в атомной бомбардировке Хиросимы; они были также своеобразной формой протеста против офици-

альной морали, не только оправдывавшей эти его аморальные действия, но и поднявшей его на пьедестал героя.

Горько прозвучала оценка этого случая в письме австрийского философа Г. Андерса президенту Кеннеди: «...в том-то и дело, что Изерли не близнец Эйхмана, а его великий, отрадный для нас антипод. Он не оправдывает бессовестности механическим повиновением приказу, а, наоборот, видит в механическом повиновении приказу величайшую угрозу совести... Ведь если мы станем ссылаться на свою роль безответных винтиков и согласимся, что фраза «Мы делали то же, что и другие» - справедлива при всех обстоятельствах, мы тем самым отменим свободу нравственного решения и свободу совести, превратив слово «свободный»... в пустое и лицемернейшее заклинание. Опасаюсь даже, что мы это уже сделали...»¹.

В противоположность фаталистическому взгляду на ответственность нередко выдвигается кредо «человек отвечает за все», характерное, например, для экзистенциалистской этики, претендующей на приоритет в постановке и разрешении проблем личной ответственности.

Стимулированное протестом против соглашательства, любых попыток освободиться от требований нравственного долга, это кредо принимает, однако, в экзистенциализме волюнтаристский смысл, ибо основывается на абсолютном игнорировании объективных обстоятельств. «В мире нет чужого зла, все люди одинаково виноваты в его существовании». Утверждая этот экзистенциалистский тезис, выразитель авторской точки зрения в одной из пьес Ж. П. Сартра говорит: «В течение тридцати лет я чувствовал себя виновным. Виновным потому, что живу»².

Экзистенциалистская этика *гипертрофирует* ответственность личности. Можно, конечно, акцентировать внимание на благих намерениях этой концепции стимулировать моральную активность, но нельзя забывать, что нередко эти намерения вступают в противоречие с объективным результатом, которым оказывается выгораживание действительных социальных источников и конкретных виновников зла.

Уравнительный, нивелирующий подход к реальной роли личности в ситуации выбора приводит к тому, что человек, убежденный, что он «отвечает за все», абсолютизируя свою ответственность, либо практически освобождает от нее свое поведение, либо губит себя.

Герой югославского кинофильма «Убийство на площади» врач Бернарди считает себя ответственным за жизнь 300 заложников, арестованных за совершенное им убийство немецкого генерала. Бернарди решает явиться в комендатуру, хотя вполне отдает себе отчет в том, что нельзя верить обещаниям фашистов отпустить заложников в случае явки виновного, понимает, что нужен фашистам лишь как возможный информатор о партизанах. И все-таки беспокойство за заложников, к судьбе которых он невольно оказался причастным, побуждает его нарушить запрет партизанского штаба, решиться на признание и добровольно отдать себя в руки фашистов. Однако, скрыв сведения о партизанах, он не только не спас заложников, но и сам погиб.

Гипертрофированным представлениям об ответственности личности противостоит решение этой проблемы в рамках марксистской этики. Ее методологическим основанием является требование *меры ответственности*, со-

---

¹ Ответственность (Дело Изерли). - Иностранная литература, 1962, № 8, с. 231.

² Сартр Ж. П. Пьесы, с. 95.

Ответствующей *мере активности* в ситуации морального выбора личности.

В этой связи проведем своего рода «заочную дискуссию» в рамках марксистско-ленинской этики по поводу истолкования формулы: «Я отвечаю за все». «Формула «ты отвечаешь за все», которая сто лет назад была лишь романтической или риторической фразой (если иметь в виду не узкий слой передовых людей, а широкую массу), ныне стала оперативной формулой совести»¹ - пишет литературовед В.Д. Днепров. «Принцип «равной ответственности» всех и каждого обычно выдвигают с добрыми намерениями, дабы стимулировать гражданскую активность, но нередко он служит средством демагогии, выгораживания действительных виновников зла. Если я одинаково отвечаю за все – значит, я ни за что конкретно не отвечаю»², - пишет социолог и психолог И. С. Кон.

Казалось бы, каждый автор вполне оправданно, согласно своим задачам, выделяет свой аспект подхода к проблеме ответственности: расширение степени ответственности, с одной стороны (В. Днепров), и конкретизация ответственности в соответствии с ролью личности – с другой (И. Кон). Тем не менее первая точка зрения обязательно должна быть дополнена второй – без такой корректировки она может породить *нарушение меры* ответственности в решении нравственных проблем.

В действительности личность отвечает за свои действия в меру свободы морального выбора, то есть за то, что она объективно *могла* (соответственно обстоятельствам ситуации) и субъективно *должна* (в соответствии с нравственной необходимостью) была выбрать и реализовать в действии. Таким образом, возможность и способность выбирать прямо определяют меру нравственной ответственности.

Уже упоминавшийся Э.Ю. Соловьев сравнил марксистский и экзистенциалистский подходы к проблеме ответственности за выбор и убедительно показал, что при всей своей беспощадной ригористичности к разным формам безответственного поведения (малодушию, трусости, предательству и т. П.) экзистенциализм не смог правильно решить эту проблему из-за своего пренебрежения к мировоззренческой и практической способности личности принимать решения.

В центре концепции личности, созданной К. Марксом, «несомненно, стоит проблема *познавательной* ответственности. Именно она придает марксовой постановке вопроса последовательность и остроту, которой мы не встретим даже в самых ригористических современных теориях вины, в том числе и в экзистенциалистской. Если разобраться, экзистенциализм знает только один вид безнравственности: неподлинное поведение, или поведение, противоречащее внутренним убеждениям и достоверностям. Как этическое учение, он принципиально исключает оценку самих очевидностей, с которыми соотносится поступок... Экзистенциализм, беспощадно строгий ко всем проявлениям малодушия и ко всем его рационализациям, оказывается предельно снисходительным по отношению к неведению. От экзистенциального обвинения почти всегда (а особенно в тех сложных случаях, когда речь идет о социальной ответственности) можно отделаться с помощью своего рода «когнитивного алиби»: я, мол, не знал этого; я искренне верил в то, что внушали; я считал достоверным то, что все считали достоверным, и т.д. Представление о личности, из которого исхо-

¹ Днепров В. Литература и нравственный опыт человека, с. 263.

² Кон И. С. Люди и роли. – Новый мир, 1970, № 12, с. 187-188.

Дил Маркс, исключает подобные оправдания. Оно предполагает, что человек ответствен не только перед своими убеждениями, но и за свои убеждения, за само их содержание»¹.

Нравственная активность личности – это поступки человека, способного возлагать на себя ответственность не только за то дело, которое ему поручено, но и за то, которое никто не поручает, которое является нравственной инициативой. Самовозложение ответственности – необходимое условие свободы выбора.

3. НРАВСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ: АЛЬТЕРНАТИВЫ ВЫБОРА

...Ситуация сложилась очень трудная. При обходе караульных постов командиром полка царских войск, в составе которого нес службу прапорщик Бестужев, были задержаны раненый декабрист и матрос мятежного корабля, пытавшиеся скрыться от преследования за границу. Полковник Киселев, жестокий и наглый, издевательски обходится с изнуренным до беспомощности арестованным офицером и оскорбляет проявившую к нему сочувствие невесту Бестужева Анну. Вступившись за них, Бестужев вызывает командира полка на дуэль. Но дуэль может сорвать план побега арестованных и самого прапорщика с невестой. «Он сжал голову ладонями и задумался: как быть с дуэлью? Если он будет завтра убит на дуэли, то побег не состоится, арестованного офицера и матроса отправят с первой оказией в Петербург и там повесят. Этого нельзя допускать. Если он откажется от дуэли, то его сочтут трусом. Киселев предаст его военному суду за тяжкое оскорбление полкового командира, побег будет сорван, позор ляжет на его голову и отравит последние дни. Оставалось одно: оттянуть дуэль до совершения побега, остаться в Мариегамне и стреляться. Это означало крушение всех его тайных мыслей о бегстве с Анной и жизни, полной радости и скитаний»².

Этот сюжет из «Северной повести» К. Паустовского дает нам наглядный пример ситуации морального выбора: личность поставлена перед необходимостью принятия решения об определенном варианте поступка. В этом сюжете с очевидностью представлены и основные элементы ситуации морального выбора: объективная возможность выбора из нескольких вариантов и способность субъекта к нравственной активности, к принятию решения и его исполнению. Причем связь этих элементов, их взаимозависимость определяют поступок.

Но это не простая ситуация морального выбора, а наиболее сложный ее вариант - *нравственный конфликт*. Его особенность заключается в том, что сознание вовлеченного в такую ситуацию человека констатирует *противоречие*: осуществление каждой из выбранных возможностей поступка во имя какой-либо нравственной нормы одновременно ведет к нарушению другой нормы, представляющей для этой личности определенную моральную ценность. Конфликтная ситуация требует от личности совершить выбор между сталкивающимися ценностями в пользу одной из них и в ущерб другой и только через

---

¹ Соловьев Э. Ю. Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса. - Вопросы философии, 1968, № 5, с. 24-25.

² Паустовский К. Собр. соч. В 6-ти т. М., 1957, т. 2, с. 214.

разрешение этого противоречия реализовать свою нравственную цель. Сложность морального решения в конфликтной ситуации заключается не столько в том, что человек не знает нравственных норм или не желает следовать им в своих поступках, а в необходимости *разрешить их столкновение*.

Конфликтная ситуация порождает активные искания нравственного сознания личности, создает напряженность ее внутреннего мира, возбуждает моральную рефлексию.

Острота, обнаженность проблемы морального выбора в конфликтной ситуации иногда порождают представление о том, что любая ситуация выбора конфликтна уже только потому, что требует предпочтения одного варианта поступка другому и тем самым личность должна «порешить» иные варианты. Действительно, выбор всегда означает предпочтительное решение, но из этого вряд ли следует, что все ситуации выбора конфликтны, то есть *ведут к резкому, взаимоисключающему столкновению нравственных ценностей и обязательно требуют принесения в жертву одной из них*. Точнее, на наш взгляд, говорить о конфликтности как качестве лишь *определенного класса ситуаций* морального выбора.

И для этической теории, и для воспитательной практики важно отличать конфликтность морального выбора, то есть реальные нравственные конфликты, от таких мнимо конфликтных столкновений и противоречий моральных норм, которые обусловлены не ситуацией выбора, а неправильным, догматическим или релятивистским, истолкованием той или иной нормы, ее применением без учета конкретных условий нравственной жизни. Из-за такого рода неспособности субъекта понять механизм функционирования норм морали, неумения творчески соотнести их с особенностями ситуации возникающие противоречия оказываются неразрешимыми.

В качестве иллюстрации подобного неразрешимого противоречия воспользуемся рассказом Л. Андреева «Правила добра». В основе его сюжета парадокс: черт решил учиться добру у попа. «Два года сидел черт над книгами и мучительно доискивался: что есть добро и как его делать так, чтобы не вышло зла... Какими же словами можно описать отчаяние и последний ужас несчастного дьявола, когда, подведя последние итоги, не только не нашел в них ожидаемых твердых правил, а, наоборот, и последние утратил в смуте жесточайших противоречий. Подумать только, какие оказались итоги: когда надо, - не убий; а когда надо, - убий; когда надо, - скажи правду; а когда надо, - солги; когда надо, - отдай; а когда надо, - сам возьми, даже отними... И так до самого конца: когда надо... а когда надо, - и наоборот. Не было, кажется, ни одного действия, строго предписанного попоком, которое через несколько страниц не встречало бы действия противоположного, столь же строго предначертанного к исполнению; и пока шла речь о действиях, все как будто шло согласно, и противоречий даже не замечалось, а как начнет дьявол делать из действий правило, - сейчас же ложь, противоречия, воистину безумная смута»¹.

Характерно, что и реакцией персонажей рассказа Андреева на нравственное противоречие явилось догматическое и релятивистское отношение к правилам его разрешения. «...Как начал я с умом читать эти ваши книги, так только одни противоречия и вижу... А мне такого ответа надо, чтобы годился он на все времена и для всяких случаев жизни, и чтобы не было никаких противоречий...» - требует дьявол. «Не для нас с тобой эти слова. И вообще не нужно

---

¹ Андреев Л. Повести и рассказы. М., 1957, с. 477, 496.

ни слов, ни толкований, ни даже правил. Вижу я, что иногда хорошо любить, а иногда хорошо и ненавидеть; иногда хорошо, чтобы тебя били, а иногда хорошо, чтобы ты и сам кого-нибудь побил. Вот оно, сударь, добро-то... Нету правил. Нету и нету»¹, - отвечает отчаявшийся поп.

По-видимому, именно в отождествлении противоречивости нравственных норм, вызванной недиалектическим отношением к ним, и собственно нравственных конфликтов кроется одна из причин настороженного отношения некоторых глубоких мыслителей к вопросу о сложности решения конфликтных ситуаций, о необходимости особого к ним подхода. Думается, отсюда и мотив предупреждения, прозвучавший у Л.Н. Толстого: констатация нравственных противоречий «показывает то, что человек, занятый этим, не хочет следовать нравственному правилу»², и диагноз Гегеля: затруднения в разрешении конфликтных ситуаций выбора «скорее следует приписать злой воле, которая ищет лазеек для уклонения от своих обязанностей, знать которые ведь вовсе нетрудно...»³.

Толстой и Гегель опираются на действительные факты маскировки морального оппортунизма и беспринципности ссылками на противоречивость ситуаций и правил поведения. Из этого, однако, не следует, что надо вообще отказаться от учета специфики конфликтных ситуаций морального выбора. А для правильного отношения к таким ситуациям необходимо определить их источник и существенные черты, связать формальную классификацию типов конфликтных ситуаций с анализом социальных обстоятельств, породивших нравственные конфликты и определяющих пути их разрешения.

Для немарксистских этических концепций характерно утверждение о том, что нравственный конфликт - либо аномалия в нравственных отношениях между людьми, либо роковая неизбежность, неустранимая из человеческой деятельности. В соответствии с тем, что принимается за источник нравственных конфликтов, решается и вопрос об отношении к ним и о способах их разрешения. Философы, рассматривающие мораль как абсолютную гармонию интересов общества и личности, считают достаточным средством предотвращения несогласия интересов, ведущего к конфликтам, просветительскую деятельность. Другие уповают на искания морального сознания личности, на субъективные решения. Сторонником позиции «одиночества решений» человека в конфликтных ситуациях был, например, А. Швейцер: «В этических конфликтах человек может встретить только субъективные решения... Мы будем жить в согласии с истиной, если глубже прочувствуем конфликты. Чистая совесть есть изобретение дьявола»⁴.

Марксистская этика рассматривает нравственные конфликты как специфическое выражение социальных противоречий - объективных противоречий общества и человеческой деятельности. Конкретно-исторический подход к проблеме морального выбора, представление о социальной обусловленности выбора и лежит в основе выдвигаемой в марксистской этике *типологии* конфликтных ситуаций.

К нравственным конфликтам обычно относятся *два типа* столкновения ценностей: неантагонистические конфликты в рамках одной моральной систе-

---

¹ Андреев Л. Повести и рассказы. М., 1957, с.478, 486.

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. В 90-та т. М., 1957, т. 41, с. 351.

³ Гегель. Соч. М. - Л., 1935, т. 8, с. 28.

⁴ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973, с. 315.

мы (одной классовой морали) и между ценностями различных систем морали (в первую очередь моральными ценностями антагонистических классов).

Пример антагонистического типа нравственно-конфликтной ситуации - противостояние ценностей буржуазной и социалистической морали. В ситуации, требующей от человека принятия решения о предпочтительности одной из этих моральных систем, нравственный конфликт выступает как идеологическое выражение социальной непримиримости двух общественно-экономических формаций. Не менее наглядный пример и противостояние ценностей религиозной и атеистической морали.

Социальная основа нравственного конфликта в рамках социалистической морали принципиально иная. Обязанности перед женой и детьми - и требования служебного долга; интересы своего трудового коллектива - и интересы смежников; стремление внедрить новую технологию - и риск потери в зарплате... Должное и сущее. Идеал и практикуемая норма. Зрелая моральная позиция и житейски приспособленная установка. Конфликт во всех этих случаях является вариантом неантагонистического типа, ибо он выражает неантагонистические противоречия личности и общества, личности и коллектива, межличностные противоречия.

Такой тип нравственного конфликта точно характеризует ситуация, в которой оказались герои романа А. Авдеенко «В поте лица своего...». В цехе организовано социалистическое соревнование. Его победителем в трудной борьбе стала бригада молодых сталеваров под руководством Александра Людникова. Однако награду вручают другому - ветерану комбината Шорникову, отмечающему 40-летие своей работы в этом коллективе. Таково решение жюри, принятое под влиянием профсоюзного деятеля Тестова - любителя показухи, карьериста. Но, даже отвлекаясь от явно неморальных мотивов, которыми руководствовался Тестов, можно представить себе колебания вполне достойного человека - начальника цеха Полубоярова:

« - Правда, что Шорникову дали первое место? - спросил Саша.

Дымя трубкой, Полубояров кивнул.

— Правда, что его показатели ниже показателей моей бригады?

— Ненамного...

— Почему же все-таки он первый, а моя бригада на втором месте? Как могло получиться такое, Николай Петрович? Как же вы, человек справедливый, честный, допустили несправедливость? Дело ведь не только в том, что это по нашей бригаде бьет. Бьет по завтрашнему дню цеха! Веру в соревнование подрывает...

— Обстоятельства могут быть сильнее меня, Александр...

— Не знаю таких обстоятельств, которые бывают сильнее людей, стоящих на принципиальных позициях!

— Пойми, Александр, я не твой противник. Жюри, присудившее первое место Шорникову, уверено, что поступило принципиально правильно.

— Где же принципиально, когда нарушен главный принцип нашей жизни - каждому по труду?

— В жюри практические люди, а не философы. Они по-житейски просто решили проблему: Людникову еще жить и жить, работать и работать, а Шорникову... В общем, я сначала был против того, чтобы Шорникову отдавать твое законное первое место, а потом... навалились на меня со всех сторон, уговорили ознаменовать производственной победой юбилей старика, его выхода на пенсию - и я сдался. Вернее, даже понял, что нельзя иначе. Действительно, у тебя

все впереди, а у Ивана Федоровича все позади...

— Вопреки своей совести, да?

— Нет. Я уже тебе сказал: сомневался, но убедился, что так надо»¹.

Решение начальника цеха Полубоярова - итог колебаний и сомнений человека, видящего столкновение нравственных норм, взвешивающего аргументы «за» и «против» выбора каждого из вариантов поступка. Как видим, решение это не освобождает совесть от нравственного беспокойства, но в то же время является именно *решением*, выбором, поступком человека, сохраняющего свое достоинство. Залог этого - в объективной возможности найти фундаментальные *основания* для согласования интересов конфликтующих сторон.

Характерная особенность нравственной жизни общества развитого социализма как раз и заключается в том, что подавляющая часть конфликтов в ситуации морального выбора утрачивает здесь антагонистический характер, столкновения добра и зла происходят на принципиально иной основе, в условиях совпадения высших интересов личности, коллектива, общества в целом. Общность социальных позиций, возникшая в результате развития социалистических общественных отношений и формирования новой исторической общности людей с единой идеологией, едиными фундаментальными нравственными ценностями, порождает и принципиальное совпадение нравственных позиций членов общества. На основе такого совпадения и разрешаются конфликтные ситуации: столкновение между существующим уровнем морали и требованиями нравственного идеала, между различными видами обязанностей, между долгом и склонностью личности и т. п. Возможность успешного разрешения противоречий этого типа придает *личной ответственности* за выбор особую значимость, требует от каждого человека максимальных усилий в принятии моральных решений «со знанием дела».

Отождествление двух основных типов нравственных конфликтов, построение типологии конфликтных ситуаций без учета различия антагонистических и неантагонистических противоречий между нормами и принципами чреваты искажением сути ситуации, усугублением остроты конфликта.

Примером ошибочного применения правил, пригодных для определенного типа конфликтных ситуаций, к ситуациям прямо противоположного типа может служить ответ французского писателя и философа-экзистенциалиста Ж. П. Сартра на вопрос его ученика: уйти ли ему на войну с фашистами и оставить дома мать, для которой он единственная опора и надежда, или остаться с матерью, тем самым нарушив гражданский долг? Сартр ответил, что оба решения этой конфликтной ситуации в нравственном отношении равноценны.

Такой ответ вполне естествен для тех, кто разделяет волюнтаристскую концепцию морального выбора, но он абсолютно неприемлем с точки зрения марксистской этики. Сартр уравнивал противоположные типы конфликтных ситуаций, требующие принципиально различных оценок. По логике подлинно морального выбора отказ уйти в Соппротивление и оказать ему посильную поддержку - это действие в пользу фашизма, а потому недопустимо как выбор в пользу зла. Реальная сложность конфликтной ситуации - трудность расставания с матерью - преодолевается предпочтением долга перед отечеством как более высокой нравственной ценности. История знает множество примеров именно такого разрешения нравственных конфликтов.

Поэтому и важно осознание непоправимой губительности ошибки в опре-

---

¹ Авдеенко А. В поте лица своего... - Новый мир, 1978, № 2, с. 163-164.

делении типа конфликтной ситуации: человек, принимающий моральное решение, может допустить компромисс, уничтожающий моральные ценности, а может и не увидеть разумного компромисса. Нравственный конфликт антагонистического типа требует бескомпромиссного решения, в неантагонистической ситуации допустимы, а иногда даже целесообразны компромиссные решения, смягчающие жертву ценностями, сводящие ее до минимума - «меньшего зла».

В конфликтной моральной ситуации с большой отчетливостью обнаруживается *нравственная обязанность* человека свести до минимума отрицательные последствия выбора между сталкивающимися ценностями, нравственное требование найти оптимальное решение конфликта.

Может ли этика как «практическая философия» помочь человеку, выработав соответствующие рекомендации поведения в конфликтной ситуации? И если может, то в какой мере допустимо использовать в этических исследованиях, нацеленных на такие рекомендации, методы моделирования, формализации, разрабатываемые, в частности, в теории игр, которая обосновывает количественные критерии оптимизации решений конфликтных ситуаций.

Поиски этикой новых путей в исследовании нравственных конфликтов и применение методов теории игр (как, впрочем, и любых методов, заимствованных из других наук) представляются правомерными как проявление одной из тенденций развития современного научного знания: переход от только качественного анализа ситуаций еще и к количественным оценкам, к установлению точных закономерностей в тех случаях, когда это помогает управлению нравственными процессами с помощью прикладных этических исследований. Однако поиски такого рода имеют строгие границы, жесткие пределы. Следует учитывать, что введение новых методов для познания моральных явлений может дать исследовательский эффект при условии, что оно «всякий раз должно быть тщательно обосновано, а его эффективность продемонстрирована в лаборатории конкретно-исторического анализа»¹.

Каков же подход теории игр к конфликтам? Она разделяет все конфликтные ситуации на игры со строгим и нестрогим соперничеством. В первом случае достижение цели одной из конфликтующих сторон оборачивается непрерывным уничтожением цели противоположной стороны; такая победа за счет полного поражения противной стороны называется игрой с нулевой суммой. В игре с нестрогим соперничеством для целей противоположных сторон допустимы компромисс, взаимные уступки; ненулевая сумма - итог такой игры. Для каждого типа конфликтных ситуаций предлагается количественная характеристика победы или поражения сторон - принцип «максиминного» («минимаксного») поведения, выражающий стремление обеспечить оптимальный результат в самой сложной ситуации и соответствующий набор вариантов средств (стратегий)².

Следует отметить, что предлагаемый теорией игр принцип «максимина» имеет свои аналоги в истории этики. Нравственный опыт человечества издавна выработал правило «наименьшего зла» или «наибольшего добра», в котором отражено стремление сориентировать выбор человека в конфликтной ситуации на оптимальные с нравственной точки зрения средства.

Однако возникает вопрос: можно ли использовать в этике критерии и

---

¹ Утверждение активной жизненной позиции. - Коммунист, 1978, № 6, с. 105.

² См.: Льюис Р. Д., Райфа Х. Игры и решения. М., 1961; Воробьев Н. Н. К вопросу о философской проблематике теории игр. - Кибернетика, мышление, жизнь. М., 1964.

принципы теории игр, отвлекающейся от нравственных характеристик ситуаций исключаящей в своих формализованных моделях конфликтов моральные аргументы? Гарантирует ли количественный критерий теории игр - «максимин» - моральную принципиальность разрешения конфликтной ситуации? Иначе говоря, не попадает ли исследователь проблемы нравственного конфликта в собственно конфликтную ситуацию, осознавая, что освобождение моделируемого конфликта от второстепенных деталей, приводящее к отчетливому представлению о его сущности, может оставить за пределами модели такие черты ситуации, без которых содержание конфликта искажается?

Весьма часто эти вопросы вызывают негативное отношение, предлагается даже признать формализованные модели конфликта и принципы выбора «проклятыми критериями» и отказаться от их применения. Такая позиция - крайняя форма реакции на чрезмерные притязания сторонников математизации гуманитарных проблем. Думается, однако, что категорический запрет неконструктивен.

Что же касается необходимости *качественного контроля* за применением количественных критериев, то это хорошо осознают и специалисты в области теории игр, и этики. Еще Н. Винер обратил внимание на проблему морального поражения в конфликтной ситуации, возникающего в том случае, если победа, достигаемая с помощью количественных критериев теории игр, не корректируется нравственной оценкой цены этой победы¹.

В поисках путей сочетания этических критериев решения конфликтной ситуации с критериями количественными исследователи приходят к двум точкам зрения: либо оставлять эти критерии *за пределами* формализованных моделей, рассчитывая, что моральная позиция исследователя все равно получит отражение при выборе той или иной модели², либо вводить их *в самую модель*, в правило построения математических игровых структур, разрешая или запрещаая тот или иной способ решения конфликта³.

На наш взгляд, необходимо использовать достоинства обоих подходов, сочетая этические и операционные критерии. Такое сочетание критериев при моделировании конфликтной ситуации снимает вопрос *о возможности в принципе* формализовать нравственные конфликты.

Если мы в конфликтной ситуации выбираем определенный вариант решения, то нам необходимо иметь какое-то обоснование того, что некоторая стратегия выбора является лучшей и именно поэтому необходимо поступать так, а не иначе. Существует множество вариантов конфликтных ситуаций, но уже выделение двух основных типов конфликтов (антагонистических и неантагонистических) достаточно, чтобы поставить вопрос: возможно ли *общее правило* разрешения конфликтных ситуаций, если каждый конфликт имеет свои особенности?

На создание такого правила в истории этики претендовали многие мыслители. И. Кант, например, считал, что общим правилом является сформулированный им категорический императив: «...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать,

---

¹ См.: Винер Н. Творец и робот. М., 1966, с. 36,70. 89

² См.: Смолян Г. Л. Принципы исследования конфликта. - Вопросы философии, 1968, № 8, с. 36.

³ Титаренко А. И. Мораль и политика. М., 1969, с. 86.

чтобы она стала всеобщим законом»¹. Критики категорического императива справедливо возражали, что он не может быть универсальным, в частности, потому, что его можно истолковать как повеление не делать другому того, чего не желаешь, чтобы делали тебе, а такое повеление допускает и аморальные поступки, поскольку некоторые люди вовсе не возражают, чтобы с ними поступали столь же аморально, как и они сами. Однако из относительности кантовского правила не следует, что выведение общего принципа, которым можно было бы руководствоваться при разрешении нравственных конфликтов, вообще невозможно.

В марксистской этической литературе предпринимаются попытки выработать теоретические рекомендации, способствующие преодолению нравственных конфликтов. В поисках рекомендаций такого рода необходимо опираться на общий принцип - построение *иерархии нравственных ценностей*, системы предпочтений (общественный долг, например, рассматривается как более высокий по сравнению с частным) с учетом *диалектики абсолютного и относительного* в применении любой нравственной нормы (из нормы, предписывающей говорить правду, исключают, например, смертельно больных).

Особую роль играет *социальная профилактика* нравственных конфликтов, разработка комплекса мер по устранению их конкретных причин - усовершенствование управления народным хозяйством, улучшение материального благосостояния трудящихся, учет последствий научно-технической революции и т. д.

Проиллюстрируем действие принципа иерархии ценностей в разрешении ситуации нравственного конфликта, обратившись к циклу рассказов писателя-фантаста А. Азимова «Я робот». (Разумеется, «мораль роботов» не более чем ограниченная модель человеческой морали; однако характерный для жанра научной фантастики метод научно-художественного анализа обогащает эту модель.)

В сознание азимовских роботов заложена программа из трех законов роботехники: 1) робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред; 2) робот должен повиноваться командам, которые дает ему человек, кроме тех случаев, когда эти команды противоречат первому закону; 3) робот должен позаботиться о своей безопасности, поскольку это не противоречит первому и второму законам.

...Робот Спиди получил задание принести селен из озера. Но там таилась опасность для жизни робота. Повинуясь приказу человека (второй закон роботехники), Спиди идет к озеру. Но третий закон (забота о собственной безопасности) заставляет его нарушить второй закон и вернуться назад. В обычных условиях такого с роботами случаться не должно, ибо второй закон выше третьего, но в данном случае робот был специализированным, в его программе третий закон был задан особенно строго. Возникла типичная конфликтная ситуация: один закон гонит робота вперед, другой - тянет назад, и робот начинает кружить (рассказ так и называется «Хоровод») вокруг озера, оставаясь на той линии, где существовало спасительное равновесие. И только тогда, когда робота поставили перед необходимостью спасти человека, которому угрожала смертельная опасность (выполнять первый закон), он перестал кружиться².

Нравственный конфликт не просто заостряет и потому отчетливо

---

¹ Кант И. Соч. В 6-ти т. М., 1965, т. 4, ч. 1, с. 260.

² См.: Азимов А. Хоровод. - Три закона роботехники. М., 1979.

выявляет проблемы ситуации морального выбора. За этой его «служебно-методической» ролью стоит более весомая - конфликтность ситуации выбора повышает *личную ответственность* субъекта за разрешение нравственного противоречия. Именно поэтому в оптимизации морального выбора личности, практического достижения такого качества активной жизненной позиции, когда единство слова и дела, намерений и результатов становится *повседневной нормой поведения*, большую роль играет формирование способности личности, которую Ф. Энгельс назвал способностью «принимать решения со знанием дела»¹.

Как реагировать на нравственные конфликты? Стремиться «искоренить»? А может быть, конфликты необходимо «культивировать»? Эти вопросы люди, оказавшиеся в конфликтной ситуации, адресуют специалистам - философам, этикам, ожидая не простого ответа, но и «технологии» решения конфликтных ситуаций.

Ответы можно поискать в литературе, и окажется, что важнейшим условием *отношения* к конфликту как к факту нравственной деятельности, условием его компетентного решения является отказ от крайностей, выражающихся либо в консервации существующих нравственных отношений, морального климата в коллективе, либо в искусственном раздувании конфликтов, искажающих нормальный характер отношений между людьми. Труднее найти именно «технологии», те правила «практической философии», в которых нуждаются многие люди. Из-за отсутствия или недостаточности исследований прикладного характера подобного рода рекомендации ученых нередко эклектически сочетают абстрактные сентенции и эмпирические советы и потому не обеспечивают культуры морального выбора, совершенствования способности решать конфликтные ситуации.

Важность *исследования* нравственных конфликтов сейчас уже ни у кого не вызывает сомнения. Но если анализ происхождения нравственных конфликтов, их классификация представляют собой *теоретический* интерес этики, то задача *практики* нравственного воспитания, формирования активной жизненной позиции личности — помочь совершенствованию способности принимать и исполнять моральные решения, оптимально разрешать нравственные конфликты. Поэтому этика должна не только ставить своей целью раскрытие механизмов конфликтной ситуации или иерархизацию нравственных норм, но и доводить свои поиски до этико-прикладных исследований и, таким образом, заботиться о формировании культуры морального решения.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 116.

ПО СОВЕСТИ И РАЗУМУ

1. «...СО ЗНАНИЕМ ДЕЛА»

«В слове «решил» наряду с академическим «представляется возможным» должны четко прослушиваться и металлические нотки «быть по сему». Все дело в правильной пропорций «академизма» и «металла». Каким же должно быть это важное соотношение? Пополам? Один к двум?..

Ответа на этот вопрос вы не найдете ни в одном учебнике - для каждого решения должна быть своя пропорция. Впрочем, некую общую закономерность можно все же уяснить: «Семь раз отмерь, один - отрежь». «7:1», не наоборот. Расчетному началу решений, «отмерам» отдается явное предпочтение.

Так ли, однако, поступаем мы с вами, уважаемый читатель, когда жизнь заставляет нас решать? Стараемся ли мы сдерживать неукротимое желание «отрезать» сразу, без каких-либо расчетов, просто исходя из так называемого здравого смысла, «на глаз»?»¹.

Это обращение ученого-математика к читателю касается дела, которым ежедневно занимаются массы людей в любой сфере деятельности, - *принятия решения*. Назвав свою статью «7:1 в нашу пользу», он приводит в качестве эпиграфа поговорку «Семь раз отмерь, один - отрежь». Но имеет ли отношение такое требование к сфере *моральных* решений? И если да, то в *какой мере*?

Вспомним еще раз, что ситуация морального выбора и образуется как раз в том случае, когда человек (субъект выбора) поставлен перед необходимостью принять решение об определенном варианте поступка. Условием *разрешения* ситуации является зависимость выбора поступка от решения субъекта, его способность предпочесть положительную нравственную ценность и определить оптимальные пути ее воплощения в действительность. Анализ конфликтных ситуаций уже показал нам, что в выполнении этого условия большую роль играет такой уровень способности принимать решения, как «знание дела». Именно поэтому моральное решение можно рассматривать как ключевой акт *интеллектуальной фазы* морального выбора.

В этической литературе очень мало специальных работ о субъекте морального выбора как лице, принимающем решение. Да и сам термин «лицо, принимающее решение» (ЛПР) возник не в этике, а в литературе по теории управления. В последние годы принятие решения человеком становится объектом особой теории, призванной вскрывать и обобщать объективные законы человеческих решений независимо от сферы деятельности². Освоение предлагаемых теорией управления и теорией принятия решения человеком подходов к проблеме необходимо и для этического анализа. В рамках этих теорий решение определяется как выбор из нескольких альтернатив, совершенный человеком сознательно и в соответствии с определенной целью³, то есть посредством знакомых уже нам понятий: «выбор», «альтернатива», «сознательность», «цель». Однако просто перенести на моральные ситуации выводы и дефини-

¹ Абчук В. 7:1 в нашу пользу. - Юность, 1979, № 2, с. 99 - 100.

² См.: Принятие решения человеком. Тбилиси, 1967; Проблемы принятия решения. М., 1976; Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979.

³ См.: Гурней Б. Введение в науку управления. М., 1969, с. 357-358; Гвишиани Д. М. Организация и Управление. М., 1972, с. 134-258; Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. М., 1972, с. 27, 32; Социальная психология. М., 1975, с. 102-107.

ции теории управления и теории решений нельзя. Это очевидно уже хотя бы потому, что употребление понятий «сознательность» и «выбор» в их отношении к решению неоднозначно, а то и противоречиво.

Но так ли уж важны дефиниции, коль скоро наши рассуждения о моральном выборе ориентированы преимущественно на *практическую* сторону проблемы? Оказывается, важны. Дело в том, что нестрогое, неточное определение понятия «решение», скажем отождествление его с выбором (а именно так чаще всего определяется решение в рамках упоминавшихся теорий) или всего процесса решения с одним из его этапов - принятием решения, может привести к искажению существа дела, к смешению таких разнопорядковых явлений, как рационально осознанное решение, или бессознательное поведение (инстинктивное, импульсивное, необдуманное действие), или выбор, совершенный на уровне чувственных форм человеческого сознания.

Отсюда следует вывод: *во-первых*, нельзя отождествлять решение со всеми элементами акта выбора, правильнее ограничить его сферу только интеллектуальной фазой, рациональным моментом деятельности сознания; *во-вторых*, необходимо различать всю процедуру решения и один из ее этапов - принятие решения. Учитывая эти уточнения, моральным решением более точно будет называть *рациональную процедуру морального сознания, осуществляющего выбор альтернативы поступка во имя определенных нравственных целей*.

Задача оптимизации моральных решений предполагает оптимизацию каждого из элементов, этапов этой процедуры, таких, как анализ ситуации морального выбора, выявление ее проблемности (стереотипности), сравнение альтернатив, оценка вариантов решения и, наконец, принятие решения.

Во многом эта задача корректируется *типом (видом)* решения. И здесь мы снова должны обратиться к опыту исследователей управленческого решения. Из предлагаемых ими вариантов классификации решений попытаемся выделить те, которые применимы и к решениям моральным.

Наиболее распространенным основанием деления видов решений является «информационное». В зависимости от количества и качества информации выделяются решения: 1) в условиях определенности (когда относительно каждого действия известно, что оно неизменно приводит к некоторому конкретному исходу); 2) в условиях риска (если каждое действие приводит к одному из множества возможных частных исходов, каждый из которых имеет известную вероятность появления; при этом предполагается, что принимающему решение эти вероятности известны); 3) в условиях полной неопределенности (когда то или иное действие или оба действия имеют своим следствием множество возможных частных исходов, но вероятности этих исходов совершенно неизвестны или даже не имеют смысла)¹.

В классификации решений исследователи выделяют и уже знакомые нам по анализу ситуаций выбора решения *личные и коллективные* (групповые). В свою очередь, решения личности подразделяются на официальные - неофициальные, разовые - массовые, конформные - творческие.

Своеобразная классификация - выделение решений информационных, организационных, оперативных. «Принятие решения о том, «Что правда?», будем называть информационным решением... Организационные решения отвечают на вопрос «Каким быть?»... Оперативные решения отвечают на вопрос

---

¹ См.: Льюс Р. Д., Райфа Х. Игры и решения, с. 34-35.

«Как действовать?»¹. Однако фактическим основанием деления здесь оказываются не виды, а этапы самого процесса решения.

Наиболее приемлемой представляется классификация, конкретизирующая «информационное» основание деления с точки зрения *качества* решения. Чем же определяется это качество? Существует точка зрения, что «если человек не настолько извращен и запутан, чтобы принимать решения себе во вред... то качество его решений определяется, по существу, одним обстоятельством - величиной горизонта. Чем человек умнее, чем более его способности, тем дальше он рассчитывает свою стратегию и тем увереннее предсказывает последствия своих действий»². Думается, что более точной и четкой является «качественная» характеристика решений с помощью двух параметров - *цели* и *компетенции*. С точки зрения компетентности все решения принято расчленять на три класса: решения «традиционного характера», решения, основывающиеся на здравом смысле, и профессиональные решения.

Итак, в специальной литературе мы обнаружили подходы, которые представляются плодотворными и для анализа моральных ситуаций. Однако результаты исследования человеческой деятельности с точки зрения субъекта как лица, принимающего решение (ЛИР), в рамках теории управления требуют известной корректировки при применении их к моральной деятельности. Начать с того, что в повседневной деятельности собственно моральные решения чаще всего принимают не профессионалы, а люди, не являющиеся специалистами в науке - управленческой или этической, и их компетентность, конечно, не может всегда и везде отождествляться с научно обоснованной профессиональной деятельностью. В то же время в нравственные ситуации вовлекаются все люди, и поэтому каждый человек имеет свое представление о том, «что такое хорошо и что такое плохо» в нравственной деятельности. В определенном смысле можно сказать, что в своих поступках каждый человек «сам себе этик». Необходимо поэтому выяснить роль здравого смысла в моральном решении личности, определить показатели качества решения на уровне здравого смысла, степень компетентности такого решения, что дает оно для повседневной практики, для обыденного сознания и действия.

Специфика связи этики со своим предметом - моралью, а обыденного морального сознания с его теоретическим уровнем заключается в их своеобразной интеграции в одно целое, во взаимопереходе научного знания морали в нормативное содержание, а нравственных исканий личности в сфере мировоззренческого обоснования поведения - в своеобразную «житейскую философию». И все же каждый человек является «этиком» лишь на уровне здравого смысла. В этом заложена возможность существования односторонних, а потому иллюзорных представлений о том, что нравственная мудрость не является ни особым знанием, ни особым умением, а гарантируется повседневным опытом и обыденным сознанием. Подобные представления преувеличивают роль здравого смысла, отождествляя его с культурой морального решения.

В научной литературе наиболее распространено толкование здравого смысла как стихийного отражения в сознании человека, в его взглядах повседневной житейской практики, позволяющего противостоять предрассудкам, трезво относиться к различным догмам и мифам, решать конфликтные ситуации с позиций практичности, «сметки» и т.п. Однако в рамках этого толкования

---

¹ Дружинин В. В., Конторов Д. С. Идея, алгоритм, решение. М., 1972, с. 50-55.

² Теплов Л. Что считать. М., 1970, с. 267.

при внимательном рассмотрении обнаруживаются подходы, точки зрения, во многом противоречащие друг другу.

Одна из точек зрения на здравый смысл отличает его от научного знания лишь *количественной степенью*, считая его своего рода аналогом эмпирического уровня науки. Так, рассматривая здравый смысл как «рабочую концепцию реальности», необходимую для принятия разумных решений в повседневной жизни, американский ученый Т. Шибутани сравнивает различие между помощью, оказанной при несчастном случае врачом и прохожим - непрофессионалом, и утверждает, что это «различие между здравым смыслом и научным знанием только в степени»¹. Однако различие между здравым смыслом и научным знанием не просто количественное, но и *качественное*. В то же время это не качество «живого созерцания»; здравый смысл, скорее, *донаучное сознание*.

Маргинальный статус здравого смысла, то есть его положение как своего рода промежуточного этапа между научным знанием, разумом и предрассудком, приводит нередко к противоречивой и даже противоположной оценке его возможностей - он рассматривается то как союзник культуры морального выбора, то как ее основной антагонист. По образному выражению Ю. Каграманова, «у здравого смысла есть свой «кондуитный список», куда занесены многие его прегрешения...»².

Но начнем с положительных сторон. В «банк достоинств» здравого смысла вообще и применительно к морали особенно можно заложить его первооснову - аккумулированный нравственный опыт, Здравый смысл в морали формируется под воздействием повседневной деятельности, житейского опыта людей и призван обслуживать потребности обыденной моральной практики. Он отражает реальный опыт моральной деятельности и именно благодаря этому может противостоять моральным заблуждениям и предрассудкам. В этом плане здравый смысл является альтернативой моральной наивности и непрактичности и может, говоря словами И. Канта, «достигнуть высокой степени правильности и обстоятельности...»³.

На перепутьях морального выбора под влиянием сложных, зачастую противоположных требований и прогнозов («направо пойдешь... налево пойдешь...») нередко возникает ощущение безнадежной антиномии, запутанности связей добра и зла и настроение опереться на старый добрый здравый смысл - он «не подведет», он «выведет». И действительно, благодаря своей «фильтрующей», «корректирующей», «иммунизирующей» способности в ситуации столкновения с новой информацией здравый смысл отвергает информацию избыточную или вредную, обеспечивает поддержание своеобразного нравственного равновесия между моральным опытом личности и сложившимися обстоятельствами. Но здесь-то и заложено основное противоречие: в «банке пороков» здравого смысла оказываются как раз те его качества, которые мы выше оценивали как «достоинства», оказываются в роли «продолжения достоинств».

Являясь «производной накопленного опыта», здравый смысл несет в себе и весь отрицательный груз такого опыта, условий его формирования и ситуаций его реализации. Он эффективен в стандартных моральных ситуациях, поскольку сложившиеся в результате опыта многих поколений представления

---

¹ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969, С. 12.

² Каграманов Ю. Без знамени. М., 1979, с. 121.

³ Кант И. Соч. В 6-ти т., т. 4, ч. 1, с. 226.

здорового смысла прошли проверку временем и оказались полезными в моральной деятельности. Однако в проблемных ситуациях, выходящих за рамки обыденного опыта, здравый смысл дает противоречивые рекомендации, становится предрассудком. Причина этого заложена в противоречивости тех условий, которые делали здравый смысл полезным, в его стихийном формировании в процессе борьбы традиций и моральных привычек, с одной стороны, и динамики эмпирических обстоятельств - с другой. Противоречивость этих источников стала особенно наглядной в процессе развертывания научно-технической революции, когда моральные традиции и привычки расшатываются под натиском проблемных ситуаций современной нравственной жизни и потому затрудняется возможность аналогии с традиционными шаблонами моральных решений.

Общеизвестно, например, изменение форм социального контроля над нравственной деятельностью человека, переехавшего из сельской местности в город, а такая миграция типична для научно-технической революции. Традиционный, веками складывавшийся образ жизни, жизнь каждого человека «на миру», непосредственная реакция родственников, соседей, всей деревни подчиняли своему строгому влиянию поступки личности, заключали ее поведение в определенные рамки. Условия жизни в городе иные. Большая автономность людей в быту, более узкий диапазон их общения вне рамок профессиональной деятельности создают возможности для более свободного проявления индивидуальной воли, самостоятельности решений, а тем самым накладывают на личность большую ответственность.

Не менее очевидно изменение масштабов решений, принимаемых руководителями современных промышленных предприятий, и влияния результатов этих решений на деятельность смежных производств, связанных общим планом, продукцией. Наконец, все большее превращение науки в непосредственную производительную силу изменило ситуацию научного поиска, поставив перед учеными новые проблемы профессиональной этики.

Научно-техническая революция обуславливает повышение нравственных требований к личности во всех сферах общественной жизни и деятельности. В этом плане любопытное толкование самого термина «НТР» приводится в одной из статей на страницах «Литературной газеты»: «Надо Точнее Работать, - говорят инженеры. Время, когда Нет Тривиальных Решений, - пишут ученые». Современный человек должен уметь принимать творческие решения, разрешая нравственные ситуации. К списку черт «современного толкового человека» необходимо поэтому отнести нравственную подготовленность к неожиданной ситуации, «способность воспринять ее не как ЧП, а как вполне естественное состояние». Кроме того, требуется такое качество, как умение в изменяющихся обстоятельствах отклоняться от привычного образа Действий, от «инструкции», умение четко различать, находишься ли сейчас в стандартной обстановке, когда можно и нужно опереться на опыт стандартных действий, или же в обстановке неожиданной, когда этот опыт надо срочно менять¹.

Об ограниченных возможностях «сказочной эрудиции» и традиционных решений в современных ситуациях морального выбора говорит и специально подчеркнутое в этических исследованиях историческое изменение роли различных регуляторов в моральном выборе, а именно *возрастание роли*

---

¹ См.: *Имянитов И.* Типичная нетипичная ситуация. - Литературная газета, 1975, 25 июня.

рациональных элементов морального сознания в зависимости от его перехода к более высокой структуре, за которой стоит новое историческое положение личности в обществе, изменение ее культурно-психологических характеристик. В результате социального и нравственного прогресса на смену ритуализированным стереотипам поведения, характерным, скажем, для эпохи феодализма, приходит развитая моральная рефлексия¹. Повышение значения рациональных регуляторов выбора обусловлено как изменением самих ситуаций морального выбора, отражающих прогресс социальных условий человеческой жизни, так и развитием самого нравственного сознания соответственно потребностям новых ситуаций. Научно-техническая революция в этом смысле служит своеобразным ферментом, катализатором повышения роли морального решения, возрастания важности его функций.

Нельзя в этой связи не обратить внимания на противоречивость встречающихся в научной литературе и публицистике оценок специфики моральных ситуаций в условиях научно-технической революции. Явное непонимание сути дела, рассуждения типа: «При чем тут НТР? Дураки и недобросовестные люди были всегда. Нужно ли сваливать на НТР все наши недоработки и просчеты?» - соседствуют здесь с преувеличением влияния научно-технической революции, неверной интерпретацией самой сути ее воздействия на нравственную деятельность.

Вряд ли можно согласиться с теми, кто, пусть даже и с самыми благими намерениями, стремится к «спасению» автономии морали путем утверждения неподвластности моральных решений обстоятельствам научно-технической революции². В то же время представляется неправомерным и мнение о том, что в противоположность ситуациям, предшествовавшим научно-технической революции и допускаям принятие решений «без всякого научного обоснования, просто на основе опыта и здравого смысла», в современную эпоху этот опыт уже непригоден³.

Влияние научно-технической революции на моральные решения обусловлено прежде всего возрастанием удельного веса проблемных ситуаций, а также масштабы принимаемых решений, что, в свою очередь, требует повышения моральной ответственности за эти решения.

Итак, в современных условиях, подчеркнем это еще раз, с особой отчетливостью обнаруживается, что вместе с достоинствами здоровый смысл обременен и «продолжениями достоинств» - недостатками, отражающими узость житейского опыта личности, ограниченность обыденного восприятия ситуаций. Такое качество здравого смысла требует *принципиально отличать его от культуры морального решения*, критиковать «самоуверенность» здравого смысла в морали, разрушать его претензии на «всезнание».

Сферу компетентности моральных решений здравого смысла можно определить по аналогии с его общей оценкой, данной Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге»: «...здоровый человеческий рассудок, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится выйти на широкий простор исследова-

---

¹ См.: *Титаренко А. И.* Структуры нравственного сознания. М., 1974, с. 114-120.

² См.: *Аннинский Л.* Человек в бульдозере. - Молодой коммунист, 1974, № 7.

³ См.: *Грекова И.* «Ведро вверх дном», или знания не только для экзамена. - Литературная газета, 1975, 1 октября.

ния¹.

Теперь самое время вернуться к нашему заключению о *компетентности* как важнейшем условии верного морального решения. Это качество нужно и профессионалам управленцам, от решений которых зависят важные сферы нравственной жизни общества и личности, и каждому человеку, ибо все мы родители и руководители, воспитатели и избиратели и, таким образом, прямо или косвенно тоже управляем, управляем собой и другими людьми, решаем и потому отвечаем за достоинство и результаты своих решений. Компетентность решения - требование морального выбора в не меньшей степени, чем управленческой деятельности. Возрастание значимости этого качества моральных решений и доли профессиональных решений, выделяемых с точки зрения компетентности среди других видов решений, объективно обусловлено увеличением числа проблемных моральных ситуаций, что характерно для современной моральной деятельности, нравственной жизни общества в условиях научно-технической революции.

Определив «пределы полезности» здравого смысла, естественно поставить вопрос о *способах* обеспечения компетентности решений - о развитии культуры морального решения. В этой связи необходимо выявить критерии рациональности морального решения и его отношение к нравственному чувству, другим регуляторам сознательного и бессознательного выбора.

2. РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР: «ЗА» И «ПРОТИВ»

«Мой сын инженер. Как он сам себя называет, «технарь». Меня и раньше поражала его раздраженно-ироническая реакция на любые нравственные темы, казалась дикой, но я склонна была относить ее за счет разницы поколений. Однако в последнее время я убедилась, что дело совсем не в этом. Подросла дочь, поступила на филологический, и вот началась непрекращающаяся война между ней и старшим братом. Она непрерывно (надо или не надо) апеллирует к совести. Он же пожимает плечами и требует, чтобы она дала четкое, желательно математическое, определение понятия «совесть». Каждый нетерпим к другому. Спор идет уже внутри примерно одной возрастной группы, и, честно сказать, обе позиции лично мне не нравятся. Очень они крайние... Вот и задумываешься над тем: какой же из типов мышления более созвучен нашему времени?»

В этом человеческом документе - выдержке из письма в газету - с достаточной четкостью продемонстрирована сложившаяся в обыденном моральном сознании альтернатива соотношения в нравственной деятельности аргументов разума и чувства. Наиболее отчетливо острота этой проблемы проявляется как раз в ситуации морального выбора.

...На отдаленную турбазу, где небольшая группа случайно встретившихся людей спасается от непогоды, на машине врываются четверо хулиганов. Они сбили мотоциклиста, он в тяжелом состоянии, а негодяи не дают отправить его в больницу, пока не будет отремонтирована машина, на которой они смогут скрыться...

Это сюжет пьесы «Ночная повесть». Автор опубликованной в «Комсомольской правде» рецензии на постановку этой пьесы видит задачу создателей

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 21.

спектакля в том, чтобы «проиграть» каждый из возможных в этом случае вариантов выбора. В числе прочих вариантов он выделяет и тот, когда человек поставлен перед необходимостью принять одно из двух решений: «поступить так не только опасно, но и нерационально, нецелесообразно, скорее всего бессмысленно» или «все так, но поступить иначе я тем не менее не могу». И действительно, персонажи пьесы совершают поступки (или не совершают их) в соответствии с одним из этих вариантов, проявляя мужество или трусость, самоотверженность или «пассивный нейтралитет». Ситуация требовательна к вовлеченным (вольно или невольно) в нее людям, не дает уклониться от того или иного решения. Но какое из них нравственно? Вопрос скорее риторический, сложность же - в *мотивах* и *аргументах* выбора.

Рецензент считает правильным второе решение, утверждая, что, «если по всем расчетам ты не можешь, не в силах сделать то, что требует от тебя долг человека и гражданина, значит, надо плюнуть на расчеты и лезть на рожон, даже рискуя без видимой пользы сломать себе шею»¹.

Конечно, задачи рецензии иные, чем научной статьи, и потому некоторые суждения автора во многом полемичны в ущерб строгости. Однако они представляют интерес, поскольку мы вплотную сталкиваемся здесь с широко распространенной как в обыденном моральном сознании, так и в теоретических исследованиях точкой зрения на соотношение требований разума и совести в моральном выборе как *непримиримых, взаимоисключающих, альтернативных* феноменов. Моральный выбор по логике «и не могу иначе», решение человека, принятое без надежды на реальный успех в схватке с заведомо превосходящими силами зла, спасающее нравственное достоинство личности, категорически противопоставляются здесь рациональности поступка как взаимоисключающие друг друга.

Длительное время моральное сознание личности, а позднее и научная этика констатируют конфликт «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»². Добавим к рассуждениям автора рецензии в газете характеристику, данную философом. «Каждый из нас чуть ли не с детства постигает, что доводы ума далеко не всегда согласуются с велениями сердца, а голос совести частенько входит в конфликт с выкладками рассудка. Каждый знает, что иногда «обстоятельства» подталкивают нас на поступок, противоположенный нашей совести, нашему чувству доброты и порядочности; и наоборот - желание сделать человеку «добро» упирается в неодолимую силу «обстоятельств»... Ясно, что такое противоречие воспринимается нами как разлад, раздвоенность...»³.

Можно было бы согласиться с подобным описанием конфликта, ограничившись лишь подчеркиванием его обострения в наше время, в условиях научно-технической революции, придающей разрешению конфликта особую значимость. Однако в констатации противоречия «ума» и «сердца» нередко допускаются оценки, объективно возвышающие позицию одной из «сторон»: выкладки рассудка таким образом противопоставляются совести, что подлинно моральный выбор оказывается атрибутом лишь нравственного чувства, с которым отождествляется совесть, в то время как рациональные решения объявляются морально неустойчивыми перед обстоятельствами или в лучшем случае

---

¹ Щербаков К. «Последний миг борьбе отдать...» - Комсомольская правда, 1966, 24 декабря.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. М.- Л., 1949, т. 5, с. 7.

³ Ильенков Э. В. Гуманизм и наука. « Наука и нравственность. М., 1971, с. 407.

просто внеморальными аргументами. Попытаемся беспристрастно взвесить аргументы «за» и «против» рационального решения. Начнем - вслед за традицией - с аргументов «против».

Факт появления в наши дни «половодья чувств» при обсуждении проблем морального выбора можно понять и объяснить. Это естественная реакция на реальную опасность распространения морального нигилизма. Нельзя не разделить мотивы тех, кто озабочен подлинностью морального сознания личности и выступает против нигилизма в принятии моральных решений. Однако озадачивает *способ*, которым некоторые авторы - ученые и публицисты - пытаются бороться с опасностью морального нигилизма. Речь идет об *оценке путей*, позволяющих обеспечить «профилактическую работу» по предупреждению этой опасности. Своего рода *гарантию* положительной нравственности выбора эти авторы видят в «антирационализме» - в отказе от рационального элемента морального решения - и потому освобождают моральное сознание личности от непозволительной роскоши - обязанности «подсчитывать» последствия своего поступка¹.

Характерные для позиции «антирационализма» аргументы использует в своих рассуждениях публицист и критик, рецензирующий спектакль «Ночная повесть». Он считает, что моральный выбор человека в известном смысле всегда нерасчетлив, вернее, находится за гранью будничного расчета. «Здесь как ни крути - всего не предусмотреть, и самой главной, самой надежной гарантией было и остается человеческое сердце...»². Иными словами, в качестве *единственно возможной* нравственной альтернативы решению на уровне «будничного расчета» выдвигается нравственное чувство.

Превращенная в моралистический штамп «разум понимает, а сердце протестует», такого рода позиция получила широкое распространение. Вот, например, данная в литературно-критическом анализе оценка морального решения, принятого героем романа Веркора «Люди или животные?»: «Порыв Дуга Темплора благороден, может, казалось бы, вызвать только сочувствие. Этого, однако, не происходит. Разум читателя на его стороне, а чувство протестует»³.

Такого рода аргументы невольно заставляют вспомнить слова Гёца - персонажа пьесы Сартра «Дьявол и господь бог»: «Вы, реалисты, все на один лад. Когда вам больше нечего сказать, вы начинаете говорить языком, взятым напрокат у идеалистов»⁴.

Рассмотренная нами позиция заключается, таким образом, в настороженном отношении к рациональным процедурам морального выбора, а иногда даже в категорической оценке их как нравственно несостоятельных. «Рационализму» в моральном решении она противопоставляет такой регулятор, как нравственное чувство, отождествляемое с совестью.

Попытаемся еще раз вдуматься и «вчувствоваться» в мотивы защиты нравственного чувства, упования на его надежность и действенность. Вспомним пьесу Ж. Ануя «Антигона», сцену спора царя Креона и Антигоны после ее

---

¹ Примеры «антирационалистической» позиции такого рода можно найти на страницах газет и журналов, посвященных дискуссиям о науке и нравственности, о деловом человеке и т. п., а также в таких книгах, как: Культура чувств. М., 1968; Искусство нравственное и безнравственное. М., 1969; Моральный выбор. М., 1980.

² Щербаков К. «Последний миг борьбе отдать...» - Комсомольская правда, 1966, 24 октября.

³ Гей Н., Пискунов В. Мир, человек, искусство. М., 1965, с. 26.

⁴ Сартр Ж. П. Пьесы, с. 224.

неудачной попытки похоронить брата Полиника, попытки, за которую ей в соответствии с указом царя грозит смертная казнь.

«КРЕОН. Ты хочешь повторить свой нелепый поступок? Но у тела Полиника стоит стража, и даже если тебе удастся засыпать труп землей, его опять откопают, ты прекрасно знаешь. Что ты можешь сделать? Только обломаешь ногти и дашь себя снова схватить?»

АНТИГОНА. Да, «ничего другого, я знаю. Но это по крайней мере в моих силах. А делать нужно то, что в твоих силах».

Царь убеждает Антигону в том, что ее поступки явно нерациональны, бесполезны. Он советует ей признать необходимость примирения с обстоятельствами, и тогда ей станет «легче жить».

«КРЕОН. У тебя вся жизнь впереди... Все остальное не в счет... Ты будешь еще больше презирать меня, но когда-нибудь - это ничтожное утешение в старости - ты поймешь, что жизнь, вероятно, все-таки счастье».

АНТИГОНА. Как вы все мне противны с вашим счастьем! С вашей жизнью, которую надо любить, какой бы она ни была. Вы, словно собаки, облизываете все, что найдете. Вот оно, жалкое, будничное счастье, надо только не быть слишком требовательным! А я хочу всего, и сразу, и пусть мое счастье будет полным, иначе мне не надо его совсем!»¹.

Этот диалог убеждает, что рациональные аргументы морального выбора могут привести к «мудрому оппортунизму», который, став мировоззрением и отлившись в принцип, неизбежно заведет в «трясину подлости и предательства»; «Антирационалистская» позиция и нацелена именно на предохранение морального выбора от расчетливости, ведущей к смирению с аморальными обстоятельствами, к компромиссу со злом, от «логики», по которой человек может заявить: «Я поступил подло, но зато разумно».

История, литература, публицистика дают нам многократное подтверждение высказанной Антигоной истины о расчетливости в духе Креона, ставшей культом и питающейся доводами эгоистически понимаемой целесообразности. Человек, удобно устроившийся рядом со злом, расчетливо выбравший свою позицию потому, что считает сложившиеся обстоятельства и смирение с ними в порядке вещей, человек, чья жизнь превращается в непрерывное дезертирство, цепь компромиссов, сделок с обстоятельствами и своей совестью, - такой человек неизбежно приобретает равнодушное отношение к злу, поддается его влиянию, заражается его трупным ядом и тем самым становится соучастником зла². Этот порочный круг, неизбежный путь от нейтралитета к подлости, сумела разглядеть Антигона: не принимая рациональные доводы царя, она боится себя от нравственного падения. Разумеется, что критику такого рода рационализма необходимо всячески поддерживать, а ее аргументы пропагандировать.

Ну а теперь обратим внимание и на другую сторону дела, на то, как реализуются гарантии, приписываемые нравственному чувству. Для этого рассмотрим несколько примеров, показывающих, чем может обернуться антирационалистская концепция на практике.

Вспомним антимонополистическое движение молодежи на Западе, известное как движение «новых левых». При всей его многослойности, неоднородности участников движения объединяло то, что во многом оно питалось именно непосредственным нравственным чувством, которое не принимает и не

¹ Ануй Ж. Пьесы. М., 1969, т. 1, с. 305, 315-316, 317,

² См.: Соловьева И. Спектакль идет сегодня. М., 1966, с. 163-166.

хочет мириться с аморализмом буржуазной действительности, отрицает ее решительно, радикально, бескомпромиссно и... большей частью безрезультатно. Негативные социально-политические и нравственные эмоции, пренебрегающие теорией и рациональным анализом обстоятельств, часто заводили этих молодых людей в трясину авантюризма, как это, например, было во Франции в 1968 году. Нравственное чувство подсказало молодым людям, что плохо в жизни, но само по себе оно оказалось слепым и беспомощным, когда встал вопрос о борьбе со злом; здесь надо было знать, за что конкретно ты борешься, какими средствами можно достигнуть успеха. Порабощенные эмоциональным порывом, лишённые позитивной программы, четких социально-политических и нравственных ориентиров, многие участники движения в период непосредственного столкновения социальных сил приходили к тезису «все позволено».

Психология одиночества обернулась безудержной активностью, конечно же подталкиваемой «голосом сердца», авантюристическим стремлением достигнуть цели любой ценой и любыми средствами.

Подчеркнем, что подобная метаморфоза происходит весьма часто именно с людьми нравственно чистоплотными, даже морально щепетильными. Внутреннюю логику такого превращения убедительно показал Э. Ю. Соловьев в исследовании творчества Э. Хемингуэя, при рассмотрении уже знакомой нам концепции «последовательного имморализма». Герои Хемингуэя руководствовались безусловной нравственной позицией. Все их отношения к действительности определялись непосредственным нравственным чувством, которое само «в своей абсолютной простоте не нуждается ни в каких обоснованиях и опирается на прямые свидетельства совести». При этом нравственные требования приобретают негативный характер - «чего нельзя делать ни при каких обстоятельствах».

Примечательна парадоксальность поведения тех, кто пытается ограничиться нравственными чувствами в качестве регуляторов морального выбора и негативными императивами в качестве правил выбора. «Нравственное чувство - лучший советчик, когда нужно решить вопрос о том, чего не следует делать, каким требованиям существующего общества нельзя подчиниться. Но оно не дает сколько-нибудь ясного ответа на вопрос, как изменить мир. Когда этот вопрос ставится, нравственное сознание рисует лишь отдаленные идеалы желаемого, прямое и немедленное воплощение которых может приводить к самым жестоким авантюрам, к нереалистическим, а потому бесчеловечным результатам»¹.

Опираясь на непосредственное нравственное сознание, герои Хемингуэя оказались способными быстро распознавать извращение форм революционной борьбы (макиавеллизм и т.п.), но, желая революции как таковой и не интересуясь даже шансами на ее победу, на успех, они готовы были проводить революцию любыми средствами, превращая ее, таким образом, в свою противоположность: «Безразличие к вопросу об успешности революции легко превращается в безразличие к ее целям»².

Обратимся теперь к экспериментально-исторической ситуации, в которой

---

¹ Соловьев Э. Цвет трагедии - белый. - Искусство нравственное и безнравственное, с. 111.

² Соловьев Э. Цвет трагедии - белый. - Искусство нравственное и безнравственное, с. 112.

оказалась иррационалистическая экзистенциалистская этика, выдвинувшая концепцию «иммунитета к интеллектуальному искушению». Широкое влияние экзистенциалистской этики в оккупированной фашистами Франции объяснялось «ситуационной достоверностью» этой концепции в определенных исторических обстоятельствах, когда массы людей видели единственный выход в борьбе без надежды на успех. Рациональные аргументы рассудительных капитулянтов невозможно было опровергнуть с помощью очевидных фактов¹. Трудно было что-либо возразить, скажем, на утверждение, что немцев - 80 миллионов, а французов - в два раза меньше. «Логика была права. Война для нас означала разгром»², - казалось бы, подтверждает аргументы капитулянтов французский писатель-антифашист Антуан де Сент-Экзюпери.

Однако писатель говорит о такой логике, о таком разуме, который «лишен сущности», и выступает против искушения уступить доводам подобного «разума», прямым путем ведущего либо к коллаборационизму, либо к самоубийству. На чем же основывалось массовое вступление французов в Сопротивление, как совершился этот моральный выбор? По велению нравственного чувства и вопреки «интеллектуальному искушению»: «...разве должна была Франция ради того, чтобы избавить себя от поражения, не принимать боя? Не думаю. И Франция интуитивно пришла к тому же решению: никакие увещевания не заставили ее уклониться от боя. Дух в нашей стране одержал верх над Разумом»³, - заключает Экзюпери.

Казалось бы, это очень серьезный аргумент против «рационализма». Но дело в том, что именно в силу обусловленности успеха морального выбора, совершенного по велению нравственного чувства, *определенной исторической ситуацией* с изменением ситуации «иммунитет к интеллектуальному искушению» потерял «ситуационную достоверность», а вместе с ней и свою прогрессивность. Произошло это, как только «стало наглядным действие мощных исторических сил, которых не учитывала рациональная коллаборационистская калькуляция. На востоке началось уверенное наступление Советской Армии, надежда на открытие второго фронта стала реальным историческим ожиданием. Новая ситуация лишила доводы коллаборационистов эмпирической убедительности. Капитулянтская идеология терпела, если можно так выразиться, «гносеологическое банкротство». Но тем самым терял свою достоверность и экзистенциализм - стоическая ересь внутри господствующей религии приспособленчества. Победы русских превращали Сопротивление в исторически оправданное и исторически целесообразное действие»⁴.

Оценка истории неоспорима, и история лишает этику «антирационализма» права на *безусловные* императивы выбора. Да и все рассмотренные нами проявления позитивной программы «антирационалистской» точки зрения позволяют констатировать противоречивость возможностей нравственного чувства, опровергая взгляд на него как на гарантированный, безусловный регулятор морального выбора.

Для осознания противоречивого значения нравственного чувства и опасности абсолютизации его роли в выборе важное методологическое значение

---

¹ См.: Буржуазная философия XX века. М., 1974, с. 244-246.

² Сент-Экзюпери Антуан де. Соч. М., 1964, С. 363.

³ Сент-Экзюпери Антуан де. Соч., с. 363.

⁴ Соловьев Э. Ю. Экзистенциализм (Статья вторая). - Вопросы философии, 1967, № 1, с. 133-134.

имеет критика В. И. Лениным «революционеров чувств». В ответ на обвинения в пренебрежении велениями совести в вопросе о заключении Брестского мира Ленин говорил: «Мир невероятно тяжел и позорен... Да, этот мир представляет из себя тягчайшее поражение и унижает Советскую власть, но, если вы, из этого исходя, этим ограничиваясь, апеллируете к чувству, возбуждаете негодование, пытаетесь решить величайший исторический вопрос, вы впадаете в... смешное и жалкое положение...»¹.

Очевидно, что речь здесь идет не о противопоставлении чувства разуму, а о том, что голос чувства не должен быть самодовлеющим, о необходимости *согласования велений совести и аргументов разума*.

Общая для различных проявлений «антирационализма» логика оценки возможностей чувства в моральном выборе выражается в попытках найти «высшего судью», «советчика», считая единственно достойным такой роли «голос сердца». Ненамного смягчает такую крайность «антирационализма» признание типа «дилетантизм разума - болезнь не менее вредная и опасная, чем дилетантизм чувствований»².

Чтобы не противопоставлять одной крайности другую, мало стремиться к «деловому соглашению» между «рационалистами» и «антирационалистами». Представляется равно неприемлемым любой поиск «панацеи», «высшего судьи», «последней инстанции» в моральном выборе. Иными словами, автор этих строк - противник не только абсолютизации роли нравственного чувства, но и преувеличения роли разума. Именно поэтому он не может причислить себя к «рационалистам», которые, по определению, уповают только на рациональные регуляторы выбора, и уж конечно не предлагает «заменить совесть разумом», ибо совесть - *целостный феномен*, который не сводится только к нравственному чувству, а включает наряду с ним и разумное начало.

Подчеркнем: речь должна идти не о «деловом соглашении», когда просто отмечается значимость *и* того *и* другого регуляторов морального выбора. Вопрос о роли и границах этих регуляторов должен быть поставлен *конкретно*, с указанием меры «ситуационной достоверности» каждого из них. Только такая постановка вопроса позволит отказаться от ложной дилеммы «рационализм - антирационализм» и найти реальные пути *целостного критерия* для ситуаций морального выбора.

3. РАССУДОК, РАЗУМ, ИНТУИЦИЯ

Чтобы выявить действительную роль рационального решения вне дилеммы «рационализм - антирационализм», необходимо обратить внимание на то, что сторонники «антирационалистской» позиции, утверждая приоритет нравственного чувства, чаще всего противопоставляют его не столько рациональному механизму нравственного сознания в целом, сколько рассудку, который в этом случае неправомерно отождествляется с разумом (а нравственное чувство - с чувственной интуицией). Это побуждает специально остановиться на вопросе о «*ситуационной достоверности*» трех регуляторов морального выбора личности - *рассудка, разума, интуиции*.

Чем же отличается рассудок от разума? В чем особенности этих типов мышления человека?

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 101.

² Культура чувств. М., 1968, с. 9.

Ф.Энгельс подчеркивал, что рассудок оперирует по строго заданной схеме, шаблону, без осознания самого метода, его границ и возможностей, в то время как разум стремится выйти за пределы сложившейся системы, раздвинуть ее границы¹.

Вспомним, как Л. Н. Толстой описывает сцену военного совета в Филях в романе «Война и мир». «Бенигсен открыл совет вопросом: «Оставить ли без боя священную и древнюю столицу России или защищать ее?» Последовало долгое и общее молчание... - *Священную древнюю столицу России!* - вдруг заговорил он (Кутузов. - В. Б.) , сердитым голосом повторяя слова Бенигсена и этим указывая на фальшивую ноту этих слов. - Позвольте вам сказать, ваше сиятельство, что вопрос этот не имеет смысла для русского человека... Такой вопрос нельзя ставить, и такой вопрос не имеет смысла. Вопрос, для которого я просил собраться этих господ, это вопрос военный. Вопрос следующий: «Спасенье России в армии. Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения? Вот на какой вопрос я желаю знать ваше мнение»².

Обратим внимание на кажущийся парадокс: за явной психологической невыигрышностью трезвой позиции Кутузова намного больше нравственного смысла, чем за внешне благородным порывом чувства Бенигсена. Почему? На наш взгляд, вариант решения, предложенный великим русским полководцем, отличается стратегической - и военной, и моральной! - *целесообразностью* выбора, основанной на способности выйти за пределы стереотипного решения, преодолеть очевидно шаблонные пути поступка. И правда истории оказалась на его стороне.

Требование рассудка - однозначность суждений и оценок. Пределы эффективности рассудочного решения определяются элементарностью, стереотипностью ситуации морального выбора. Если использовать для аналогии характеристику Ф. Энгельсом роли здравого смысла в историческом познании, то можно сказать, что для индивидуального морального сознания рассудочные решения правомерны в границах «домашнего обихода».

Антирассудочная направленность аргументов «антирационалистов» вполне убедительно подкреплялась фактами, свидетельствующими о несостоятельности рассудочных решений во многих ситуациях морального выбора. Но можно ли на этом основании считать рассудочное решение бесполезным и вредным *безусловно*, исключать его из регуляторов выбора *в принципе*? Нет, рассудочное решение может оказаться несостоятельным лишь *за пределами своих возможностей*.

Моральная деятельность не сводится сплошь к проблемным ситуациям. Значительная часть ситуаций представляет собой весьма простые задачи для решения. И в этих ситуациях специфическая характеристика рассудочного мышления - действие по шаблону вполне обеспечивает успешность решения. В элементарности ситуации заключается и возможность перерастания автоматизма рассудка в привычные решения на уровне неосознаваемого: усвоенные первоначально при участии сознания, стереотипные решения могут становиться автоматическими, и в дальнейшем выбор совершается без работы морального сознания. Для нашей темы особый интерес представляют как раз те сте-

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф, Соч., т. 20, с. 537—538.

² Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22-х т. М., 1980, т. 6, с. 286.

реотипные решения рассудка, которые стали привычными *после* их сознательно-рационального усвоения, в результате «многократно повторенного проблемного поведения»¹. Поэтому мы не рассматриваем вопрос о тех правильных решениях, которые стали автоматическими в результате бессознательного усвоения.

Успешно выполняя свои функции в элементарных ситуациях, рассудочная процедура морального решения (как на уровне сознательном, так и неосознаваемом) перестает быть эффективным регулятором в проблемных ситуациях, отличающихся новизной и противоречивостью обстоятельств, неподвластных стереотипному, шаблонному решению. Так, кстати, и было в ситуации, возникшей на военном совете в Филях. Ограниченностью шаблонного подхода и объясняется неверная позиция Бенигсена. Однако из несостоятельности рассудочного решения перед лицом проблемных ситуаций вовсе не следует его абсолютная бесполезность. Более того, успешное выполнение рассудком своих функций в элементарных ситуациях освобождает разум от ненужной работы, переключая его с тактических задач на стратегические, сохраняет его *творческий* потенциал.

Способность разумного элемента человеческого сознания к творчеству, потенциал *разума как типа мышления* проявляется в стремлении осознать противоречивость ситуаций, выйти за пределы шаблонного рассудочного подхода. В этом смысле Ф. Энгельс считал важным гегелевское различие рассудка и разума и его утверждение о том, что только диалектическое мышление разумно². Формально-логической ограниченности рассудка разум противопоставляет способность целостного осознания ситуации, отражения ее противоречий и возможностей.

«Дуэт голосов» рассудка и разума - очень важное качество нравственного сознания личности. Его способность подключить тот или иной регулятор к ситуации выбора определяет ее разрешение; от взаимосвязи рассудка и разума в этическом мышлении личности во многом зависит *уровень культуры поступка*.

Интересный пример разноголосья рассудка и разума, их существования в отрыве друг от друга и соответствующего поведения приводит в одной из своих работ П. В. Копнин. Это «дуэт» Дон Кихота и Санчо Пансы. Когда Рыцарь Печального Образа дает наставления своему оруженосцу, вступающему на пост губернатора, он разумен, его просветленный ум выходит за пределы рассудочных представлений своего времени о таких нормах нравственности, как благородство, честь и т. п. Но Дон Кихот безрассуден и потому не отличает свой идеал - Дульсинею от некрасивой крестьянки, считает, что Россинант - настоящий рыцарский конь. Наоборот, рассудительность Санчо позволяет ему серьезно, трезво понять, что ветряная мельница - это никакой не великан, постоянный двор - не замок, его устраивает губернаторство... Но он неразумен, не может даже мечтать ни о чем таком, что выходит за пределы рассудка, ему достаточно фантазировать лишь о сытой жизни.

Для более точного представления о взаимосвязи и специфике рассудка и разума рассмотрим их не просто как способы мышления (соответственно

---

¹ См.: Кемеров В. Е. Философские и социологические предпосылки теории мотивации. - Вопросы философии, 1972, № 5, с. 49.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 537-538.

формально-логический и диалектико-логический), но и как *специфическое отражение целей и средств человеческой деятельности*. Такая традиция существует в марксистско-ленинской философской литературе и позволяет глубже понять и характерные черты рациональной сферы сознания в целом, и конкретные ролевые функции ее составляющих.

П.В. Копнин показал, что особенностью разумного поведения личности является его *целенаправленность*, а вопрос о рациональном и иррациональном встает тогда, когда оцениваются результаты деятельности человека с точки зрения их соответствия или несоответствия поставленным целям¹.

Рационализированная рефлексия выполняет целенаправляющую функцию по отношению к другим элементам морального сознания благодаря тому, что во внутренний мир личности вводится дисциплинирующее мировоззренческое начало. Соединяя остальные части и механизмы сознания в «единую целостность», рациональные слои его играют активную целеориентационную роль².

В эту традицию вписывается и подход к рассудку как инструменту, рассчитывающему *технологии деятельности*, а к разуму - как *регулятору целей этой деятельности*, подчиняющему себе рассудок в качестве средства. Если, отражая в своем сознании мир, человек может целенаправленно действовать, то это - проявление рассудка. Когда же процесс отражения включает не только сам объект, но и знание человека о нем, отношение к нему и дает поэтому возможность регулировать деятельность в целом, это - проявление разума. Раскрывая сущность данного подхода, В. Н. Сагатовский приводит такое образное сравнение: «Царство рассудка без разума напоминало бы автоматический цех, где хорошо отлажено все, кроме одного, - пульта управления. Разум без рассудка - это бессильный экстаз проповедника-утописта. И только их единство дает нам подлинно человеческое думание, результативное и отвечающее за свои результаты»³.

Таким образом, выполняя специфические функции, рассудок и разум в моральном сознании личности не заменяют, а *взаимодополняют* друг друга и только в таком единстве обеспечивают культуру нравственной деятельности в целом, верное моральное решение в особенности. В своей совокупности способности рассудка и разума оказываются *необходимыми и достаточными* для принятия моральных решений и в элементарных, и в проблемных ситуациях. Успешно выполняя свои алгоритмические функции, рассудок уступает место разуму, способному к моральному решению в тех ситуациях, которые не получили отражения в нравственном опыте человека.

Обязательным условием культуры морального решения является наличие в его процедуре и механизма *интуиции*, обеспечивающего правильный выбор в тех случаях, когда отсутствие достаточной информации не позволяет рационально проанализировать ситуацию.

Характерной особенностью действия нравственной интуиции является «способность видеть целое раньше его частей»⁴. Это позволяет в ситуациях,

---

¹ См.: Копнин П. В. О рациональном и иррациональном. - Вопросы философии, 1968, № 5, с. 119-120.

² См.: Титаренко А. И. Специфика и структура морали. - Мораль и этическая теория. М., 1974, с. 26-27.

³ Сагатовский В. Вселенная философа. М., 1972, с. 129.

⁴ Николаичев В. О. Осознаваемое и неосознаваемое в нравственном поведении личности. М., 1976, с. 71.

не дающих возможности, исходя из общего правила, принять конкретное решение, учесть специфические обстоятельства и совершить верный поступок. Кроме того, следует подчеркнуть скоростной характер действия механизма интуиции. Это позволяет мгновенно предоставить сознанию матрицы ситуаций и решений, хранящихся в подсознании, и тем опередить ход рациональных соображений¹.

...Во время войны инженеру - командиру саперного батальона - было приказано срочно построить переправу. Экстренность задания потребовала пустить в дело телеграфные столбы, а нехватка гвоздей вынудила крепить их проволокой. Увидевший этот «мост» командир танковой части не решился на переправу: «Я по нему свои машины не пущу». Тогда обычно флегматичный комбат саперов вспыхнул: «Я сам буду стоять под мостом!» И спустился к речке. Командир танкистов, крепко выругавшись, вскочил в «тридцатьчетверку» и первым въехал на шаткий настил. Когда последний танк оказался на той стороне, комбат вышел из-под моста. Двадцатисемилетний человек, он посидел в этот день как лунь...

Представляется, что описанная ситуация весьма наглядно демонстрирует и иллюстрирует специфику интуитивного решения в его сравнении с рассудочным выбором. И для большей точности в анализе и оценке этой ситуации приведем комментарий к ней журналиста, весьма удачно мотивирующий выбор комбата: «В благородстве есть своя высшая дальновидность. В безрассудном на первый взгляд поступке безотказно срабатывает этический алгоритм, заложенный в сознание воспитанием, опытом предшествующих поколений. Так было, на мой взгляд, в истории с комбатом. Можно, конечно, с помощью арифметики подсчитать, что комбат не имел права на риск. Ибо уж если бы рухнул мост, то пусть бы погиб только один танк, чем и танк, и комбат. Ведь жизнь командира саперов в тот момент была дороже дорогого. Он обязан был построить другой мост, в итоге - переправить танки... Ну, а не встань тогда комбат под мост? Не сорвалась ли бы переправа? Не затянулась ли? Рискнули бы сами танкисты на путь через «гибельный мост»?»².

Итак, интуиция - это способность к творческому решению нестандартной ситуации в условиях, не позволяющих спокойно найти в процессе рационального анализа оптимальный вариант поступка. В дополнение к этим особенностям интуиции, достаточно обстоятельно исследованным в этической литературе, имеет смысл поставить проблему *возможности* и *необходимости* интуитивного решения. Возможность и необходимость интуитивного решения определяется не просто потребностью в быстроте выбора или отсутствием очевидной информации для взвешивания «за» и «против», но *проблемностью* ситуации выбора. Интуиция как бы «замещает», компенсирует недостаток информации и времени, а также невозможность для человека действовать стереотипными способами и предлагает выбор, казалось бы «иррациональный», но в действительности разумный.

Последнее обстоятельство - *разумность* интуитивного выбора - важно особо подчеркнуть в связи с тем, что в рамках «антирационалистической» позиции интуиция нередко трактуется как альтернатива рациональному механиз-

---

¹ См.: Лапина Т. С. Проблемы индивидуальной нравственности. - Мораль и этическая теория, с. 125.

² Жолондковский О. Прилично ли быть практичным? - Комсомольская правда, 1972, 11 октября.

му сознания. Вот пример аргументации такой позиции: «...многие решения в области морали приходят мгновенно, как бы без раздумий, доказательств и взвешивания «за» и «против», без долгой внутренней борьбы, колебаний и сомнений, оценки последствий, проверки умозаключений о правильности избранного варианта решения. Такого рода «рационализм» нередко вообще безнравствен и просто недопустим с моральной точки зрения; он воспринимается как признак шаткости моральных позиций и слабости воли»¹.

Представляется, что вполне оправданное при намерении выделить и обосновать интуитивный регулятор выбора такое истолкование скоростного характера интуиции приводит к «зряшному отрицанию» рационального решения, к уже рассмотренной ложной дилемме чувственного и рационального в нравственном сознании.

Тем не менее распространенность такой позиции побуждает провести сравнение интуиции с рассудком и разумом с целью выяснения границ ее достоинств. Именно границ «ситуационной достоверности» интуитивного решения, ибо уверенность во всеисильности интуиции неправомерна ни фактически, ни методологически. Акцентируем внимание на трех моментах.

Во-первых, интуиция не может быть панацеей от аморальности поступка, от издержек «рационализма» уже только потому, что таким спасителем не является ни один из элементов морального сознания личности.

Во-вторых, нравственную интуицию неправомерно отождествлять ни только с чувством, ни только с разумом. Конструктивным представляется представление об интуиции как *единстве чувственного и интеллектуального аспектов*². Ученым еще только предстоит строго определить специфические и интегральные черты чувственной и интеллектуальной интуиции. Особая трудность - в характеристике *моральной интуиции* (в отличие, например, от интуиции в научном познании). Но для нашего разговора о моральном решении важен уже факт существования интеллектуальных процедур интуитивного выбора. В этом плане интересно рассуждение А. И. Титаренко, который, подчеркивая условность различения двух видов интуиции, тем не менее фиксирует оба вида: «Если даже в науке трудно различить интуицию чувственную и интеллектуальную, то в морали такое различие еще более условно, ибо сама мораль есть синтез – и в этом тоже своеобразие ее как особого способа освоения мира - чувственного и рационального, конкретного и абстрактного. Это такое чувственное, где есть своя логика, не менее «железная», чем формальная. Это такое рациональное, которое само оперирует эмоционально-волевыми ансамблями»³. Поэтому, даже не имея пока обстоятельных разработок проблемы интуиции в морали, можно заключить, что отказ от отождествления интуиции только с чувственным или только с рациональным элементом сознания, представление о ее особом - «промежуточном» - статусе в структуре морального сознания не позволяют ограничивать сферу эффективности интуитивного выбора либо только элементарными, либо только проблемными ситуациями.

Отсюда вытекает *третий* из акцентируемых нами моментов - применительно к ситуации морального выбора важно соотносить решение с *интеллектуальной интуицией*. Только в этом случае удастся проанализировать вопрос

---

¹ Коновалова Л. В. Мораль и познание. М., 1975, с. 70.

² См., например: Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике. М., 1963.

³ Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания, с. 243.

о роли интуиции именно в моральном *решении* (отвлекаясь от роли ее чувственной разновидности в ситуации, где сознание не включает рациональный механизм и где потому нет собственно *акта решения*). Такой подход позволит избежать как недооценки, так и абсолютизации роли интуитивных решений и тем самым искаженного представления о функциях и границах иных регуляторов морального выбора.

Интуиция, рассудок и разум - взаимосвязанные моменты этического мышления человека. Неправомерно поэтому их безусловное противопоставление или отождествление, но можно и важно говорить о преобладании роли какого-либо из них в различных типах ситуаций и об их взаимопереходе. «Выход за пределы» шаблона, с которым сопряжено интуитивное решение, может иметь не только очевидное положительное, но и отрицательное значение, если будет преувеличена роль интуиции и отвергнута роль рассудка в моральном решении.

Еще Гегель отмечал, что отрицание рассудка приводит к скептицизму и софистике, которые разрушают рассудочное, неспособное устоять против них, но при этом и сами не идут дальше рассудка¹. Экзистенциалистская этика, например, в борьбе против рассудочных решений объективно создала новый рассудочный шаблон, ибо требование принимать решения только интуитивно и есть «дурная рассудочность», о которой говорил Гегель.

Преимущество интуитивного решения перед рассудочным не безусловно. Интуиция питается информацией, которая может привести и к аморальному выбору вследствие неверного понимания долга, неадекватной оценки обстоятельств, способностей личности и т. п. Это касается как той информации, которую личность накапливает эмпирически, так и той, которую она усваивает теоретически. В этом смысле нельзя не согласиться с выражением: «Принятие решений - это и наука, и искусство». Действительно, решение будет тем более правильно, чем удачнее сочетается в нем и то и другое.

Итак, моральное сознание личности, аккумулируя нравственный опыт человечества, систематизирует его и создает рассудочные шаблоны для стереотипного поведения, вполне эффективные для обычных моральных ситуаций. Для решения проблемных, в том числе и конфликтных, ситуаций моральное сознание вырабатывает творческие элементы - разум и интеллектуальную интуицию. Таким образом, моральное сознание выступает как *сложная программа*, сформулированная на уровне рассудка и в то же время обладающая творческой способностью к разрешению проблемных ситуаций и нравственных противоречий, когда не срабатывает рассудочный шаблон и нужен поиск нового решения (в свою очередь, по мере накопления опыта личности найденные ранее на уровне разума и интуиции решения могут становиться новым шаблоном, превращаться в рассудочные). Эффективность решений личности в различных ситуациях нравственной жизни базируется на том, что моральное сознание дает *оптимальное сочетание традиционного и творческого* элементов, вырабатывает соответствующие процедуры и механизмы для принятия решений и в элементарных, и в проблемных ситуациях.

В нашу задачу не входило специальное исследование роли нравственных чувств в регуляции морального выбора; речь о них шла лишь в связи с определением границ и функций морального решения. Тем не менее необходимо отметить, что *культура чувств* - одна из важнейших характеристик нравствен-

---

¹ См.: Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 210.

ного сознания личности. Нравственная воспитанность - способность к «моральному резонансу», сопереживанию, сочувствию, нравственная чистота чувств - не менее важная черта поведения личности, чем культура морального решения.

Формирование культуры нравственных чувств, их глубины и тонкости - важнейший резерв совершенствования моральной культуры личности и межличностных отношений. Такие нравственно-психологические качества личности, как способность к взаимопониманию, отзывчивость, ощущение сопричастности, обеспечивают солидарность людей, их общение, улучшают морально-психологический климат в коллективе, сплоченность его членов. Эмоциональная сторона нравственной деятельности, нравственные чувства по-своему характеризуют моральную позицию личности, раскрывая степень ее *субъективной готовности* принимать и выполнять нравственные требования¹.

Нравственное сознание личности в целом характеризуется единством этических суждений, рациональных решений и глубоких искренних чувств. Однако практика морального выбора знает различные варианты соотношения чувственного и рационального элементов сознания: согласованность, соответствие повелений обоих элементов; нравственное чувство опережает рациональное решение в выборе поступка; нравственное чувство отстает от рационального регулятора поступка.

Подчеркивание роли морального *решения*, важности рациональных элементов морального сознания не означает изгнания чувств из числа регуляторов морального выбора. Этого делать не нужно, да и просто невозможно. Любой нормальный человек совершает верный выбор на основе нравственного чувства, пока не столкнется с трудностями, требующими рациональной регуляции. Разумеется, исследователям еще предстоит более углубленно изучить вопрос о механизмах, помогающих человеку справиться с экстремальной нравственной ситуацией, о функциях и формах интуиции в этом случае, о роли этики в повышении культуры морального решения, короче, о том, чем и как этическая наука может помочь личности - ее совести и разуму, рассудку и интуиции, ее моральному сознанию в целом - возвыситься до уровня нравственной мудрости.

Завершая разговор об этом, хочется привести слова Н. Г. Чернышевского: «...доказывать, что геройский поступок был вместе умным поступком, что благородное дело не было безрассудным делом, вовсе еще не значит, по нашему мнению, отнимать цену у геройства и благородства»². И действительно, анализ проблемы рационализма в морали показал ложность дилеммы «подлый ум - святое чувство» и ее варианта «подлый ум - глупая совесть». Любая претензия на сведение совести к нравственному чувству и тем самым противопоставление морального решения велениям совести несостоятельны ни теоретически, ни практически, ибо совесть говорит разными «голосами»: как «голосом сердца», так и «голосом разума».

В решении вопроса о регуляторах моральной деятельности мы отказались от поисков «панацеи», «избавительницы», «абсолютной гарантии» и т. п. Но если все же и искать такую «последнюю инстанцию», то не в разуме, не в чувстве и вообще не в мире сознания, а в практике человека, в его целеустрем-

---

¹ См.: Титаренко А. И. Культура нравственного общения. М., 1979.

² Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. В 3-х т. М., 1951, т. 3, с. 241.

ленной и целесообразной деятельности. Это побуждает обратиться непосредственно к сфере нравственного поведения, в которой материализуется духовная сфера нравственного мира личности, слова превращаются в дела, намерения - в результаты, обратиться к сфере выбора поступка как реального взаимодействия требований нравственности и социальной целесообразности.

НРАВСТВЕННОЕ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОЕ

1. ВЫБОР ПОСТУПКА

...В зал ожидания Воркутинского аэропорта ворвалась пьяная компания. Среди пассажиров, ожидавших посадки на самолет, было лишь двое мужчин. Один из них сумел с помощью женщин выдворить хулиганов, но и сам получил немало синяков. Другой никакого видимого участия в борьбе с хулиганами не принял. «Трус!» - бросил ему с возмущением первый, не ведая, конечно, что перед ним нейрохирург, который спешит на ответственную операцию и потому не просто не хочет, но считает себя не вправе, повинясь импульсивному эмоциональному порыву, ввязываться в драку и рисковать своими руками...

Два решения, два поступка в одной и той же ситуации: один человек решил активно вмешаться, другой - уклонился. Можно предположить, что аргументы выбора поступка у каждого из этих людей весьма различны: для первого любое уклонение от активности безнравственно; второй позицию нераздумывающего, нерассуждающего противостояния злу не разделяет, считает неоправданной.

«Что это, - может спросить читатель, - еще один - теперь уже персонафицированный - пример спора «рационалиста» и «донкихота»?» На этот раз у нас другая задача - ввести вопрос о роли рациональных критериев выбора в более фундаментальную проблематику *соотношения требований нравственности и целесообразности*.

Каждый из нас может оказаться в ситуации, иллюстрирующей старый философский спор: поступать нецелесообразно, но повинясь внутреннему зову совести, или подчинить «голос сердца» разуму, подсказывающему целесообразность действий применительно к конкретным обстоятельствам. Выбирать ли свой путь в зависимости от реальных условий, или без страха и упрека следовать безусловному велению идеальных ценностей? В истории этики эти два способа регуляции морального выбора приняли благодаря И. Канту форму вопроса о соотношении двух императивов - *категорического* (безусловного повеления, которое могло бы стать всеобщим законом в любых моральных ситуациях) и *условного* (повеления, учитывающего практические цели и средства в конкретных ситуациях). В зависимости от того, рассматривался ли моральный выбор в качестве автономного от человеческой практики акта сознания и деятельности или же обуславливался целесообразной регуляцией социальной деятельности в соответствии с реальными возможностями и средствами, собственно моральным считался только категорический императив, а условный относился к внеморальной сфере (первый случай). Или же категорический императив отвергался в принципе, в то время как условный императив либо отождествлялся со всеми регуляторами морального выбора, либо рассматривался в качестве одного из них (второй случай).

В соответствии с этими трактовками сама проблема целесообразности морального выбора требовала от этических концепций, ответа на вопрос о том, следует ли считать задачей морального решения заботу лишь о чистоте целей, отдавая выбор средств на откуп внеморальному условному императиву, или же эта забота должна быть распространена и на средства, и потому условный императив является аргументом и критерием морального решения. И наконец, если признать условный императив моральным аргументом, то следует ли из

такой позиции, что в моральном выборе «цель оправдывает любые средства»?

Отражая реальную поляризацию нравственных и утилитарных ценностей в обществе отчуждения, буржуазная этика представила проблему соотношения нравственного и целесообразного в выборе личности в виде неразрешимой антиномии формально-безусловного долга, с одной стороны, и утилитарной целесообразности - с другой. «...Либо в моральной деятельности важны цель и результат, и тогда нравственность становится делом утилитарной целесообразности; либо нравственность находится вне каких-либо «практических» соображений, и тогда она есть слепое повиновение, не задающее вопроса «для чего?». Либо индивид подчиняет свои действия «практическому расчету», но тогда для него становятся обременительными общие нормы, предписываемые моралью. Либо он повинуетя навязываемым ему извне нормам, традициям, диктатам, канонам, но в таком случае он уже не способен постичь смысла предъявляемых к нему требований»¹. При всем многообразии попыток решения этой дилеммы общим для различных буржуазных этических концепций явилось размежевание на два метафизических лагеря, две «линии»: отождествление нравственного и целесообразного (утилитаризм) и столь же безусловное их противопоставление (кантианство). Разумеется, на протяжении долгой истории немарксистской этики проблема целесообразности в моральном выборе приобретала различные модификации. В конкретных исторических условиях прогрессивное значение для науки и практики имело и выдвижение критерия целесообразности в моральном выборе (в этике «разумного эгоизма», например), и протест против утилитаристской беспринципности в приспособлении к существующим буржуазным отношениям (в этике «абстрактного гуманизма», например). Аргументы, с помощью которых показывали несостоятельность позиции своих оппонентов противники «презренной пользы» и сторонники ее тождества с добром, не только представляют исторический интерес, но и позволяют извлечь определенные уроки для позитивного решения проблемы.

Дилемма нравственного и целесообразного - объективная проблема буржуазной морали и буржуазной этики. Поэтому все попытки ее разрешения в рамках немарксистской науки могли привести и приводили лишь к очередному воспроизведению противоречия. Метафизические концепции не способны подняться до понимания того непреложного факта, что противопоставление нравственного и целесообразного не должно быть абстрактно-безусловным. Очевидно, что разрешение этой дилеммы возможно лишь в рамках морали и этики общества, преодолевающего отчуждение, то есть в рамках коммунистической морали и марксистской этики.

Классики марксизма-ленинизма разработали теоретические принципы и практические рекомендации последовательного осуществления единства нравственного и социально-целесообразного в человеческой деятельности по созданию самого прогрессивного и гуманного общества - коммунистического. Марксизм учит, что важнейшим условием устранения морального отчуждения является устранение отчуждения социального. Только в процессе и в результате революционного уничтожения буржуазных общественных отношений может сформироваться личность, которая, говоря словами Маркса, «властвует над всякой вещью...»². Причем средства революционной борьбы с буржуазным

---

¹ Дробницкий О. Г., Кузьмина Т. А. Критика современных буржуазных этических концепций. М., 1967, с. 59.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 285.

строем марксизм искал не в отказе от ориентации моральных принципов на социальную целесообразность, а в изменении самого человека в процессе борьбы с условиями, порождающими отчуждение личности.

Именно поэтому марксизм не отбросил критерий социальной целесообразности вместе с его извращенным толкованием в утилитаристской этике и буржуазной практике. Он вскрыл социальные и гносеологические корни заблуждений сторонников утилитаристской концепции, доказал несостоятельность представлений буржуазных философов о «вечности» конфликта нравственного и целесообразного, представлений, извращенно отражающих реальные социальные и моральные антагонизмы капитализма, убедительно показал, что концепция автономной от практики морали не может служить действительной альтернативой утилитаризму.

В буржуазном обществе ориентация морального выбора на целесообразность чаще всего оборачивается предпочтением частного интереса. Только с ликвидацией капиталистических общественных отношений складываются необходимые социальные условия для совпадения интересов всего общества и каждого отдельного человека и тем самым создается основа для развития единства нравственного и целесообразного. «Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше...»¹ - писал В. И. Ленин. Эти ленинские слова подтверждают принципиальное положение марксистской этики о социальной обусловленности морали возможностями и потребностями человеческой практики, вне которой она не существует. Опираясь на это положение, нетрудно определить и место критерия целесообразности в моральном выборе.

Утверждение обусловленности морали практическими потребностями не апология сущего, а опора на прогрессивные элементы действительности, в которых «зреет будущее». Такая мораль стратегична, она целесообразна, поскольку в настоящем представляет интересы будущего, и в случае нравственного конфликта выбирает вариант, верный не в «формально-экономическом», а «во всемирно-историческом смысле»².

Проблема соотношения критериев социальной целесообразности и нравственной ценности применительно к ситуации морального выбора личности конкретизируется в форме вопроса о *структуре поступка*, предполагая выявление соотношения таких элементов поступка, как *мотив* и *намерение*, с одной стороны, *средства* и *результат выбора* - с другой. В традиционной историко-этической терминологии эта проблема формулируется как отношение *мотива* и *последствий* в поступке.

По мере усложнения нравственных отношений между людьми в процессе исторического развития моральное сознание человека стало обнаруживать подчас весьма значительное несовпадение мотива и реальных последствий выбора. Оказалось, что один и тот же мотив может приводить к различным последствиям, а разные мотивы способны вызвать тождественные результаты. Возникло тревожное сомнение: а должна ли нравственная ценность мотива совпадать с такой же ценностью последствий поступка? Встал вопрос: возможно ли по ценности одного из этих элементов поступка выносить суждение о ценности другого? И чему в случае их расхождения отдать предпочтение - мотиву или последствиям?

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 184.

Если *практические* трудности проблемы заключаются в фактах рассогласования мотивов и последствий (в форме доведения до абсурда такое несоответствие отражено в известной басне о медведе, с самыми благими намерениями убивающем муху на лбу хозяина с помощью дубины), то *теоретические* содержатся в противоречивых представлениях о сущности поступка и отношении его структурных элементов.

Теоретические трудности оказываются преодолимыми, если отказаться от трактовки морального выбора как *акта только духовной деятельности*, предшествующего поступку и предопределяющего практическое действие, и рассмотреть природу поступка как *целостного акта выбора*. Такой подход позволяет избежать одностороннего противопоставления морального поступка и целесообразного действия, увидеть в поступке систему *определенным образом организованных элементов*, где мотив и последствия диалектически взаимосвязаны. Попытаемся обосновать эту позицию, сравнив ее с иными.

Прежде всего требуется определить место *мотива* среди других элементов поступка, его роль в структуре поступка. От того, включается ли мотив в эту структуру или выносится за ее рамки, зависит и решение вопроса о сравнительной ценности мотива и последствий морального выбора.

Что считать *собственно моральным* элементом поступка - таков основной вопрос, вокруг которого ведется дискуссия о структуре поступка. Причем большинство сторонников разных точек зрения объединяет то, что они пытаются определить этот элемент, разделяя все практические действия людей на *два вида: действия-операции и действия-поступки*. При этом считается, что действия-операции применимы для достижения любых целей (так, эффективная трудовая операция может быть результатом действия как эгоиста, корыстолюбца, карьериста, так и действия коллективиста; производственная травма не отличается от раны, нанесенной хулиганом). Однако выводы из такого подхода делаются совершенно различные.

Одна из позиций исключает «действия-операции» из сферы нравственности вообще, из поступка в частности. Фактически те, кто придерживается этой позиции, сводят мораль лишь к ее духовной стороне. Само понятие «поступок» оказывается в этом случае вне сферы действия этики. Тем самым снимается и проблема собственно морального элемента поступка, ибо вся «собственно мораль» заключена исключительно в *мотиве*, побудившем совершить то или иное действие. (Скажем, побудительным мотивом трудовых достижений могут быть аморальные карьеристские, корыстолюбивые соображения, а может быть сознание личностью своего долга перед коллективом, обществом.)

Более распространенной, правда, является другая, менее категоричная позиция - выделение в поступке в качестве структурных элементов как мотива, так и результата. Эта точка зрения основывается на том, что «поступок в равной мере может быть определен как объективно-реализованный мотив или субъективно-мотивированный результат»¹. Однако включение результата в структуру поступка само по себе еще не ведет к выделению в поступке в качестве его структурного элемента действия-операции. В этом случае «операция», хотя именно она порождает объективный результат, неоправданно оказывается за пределами «этического анализа поступка» под тем предлогом, что не содержит «нравственно-аксиологического момента»².

---

¹ Мораль развитого социализма. М., 1976, с. 86.

² См.: Мораль развитого социализма, с. 83.

Своеобразной формой расчленения действий-операций и действий-поступков является выделение в поступке двух сторон: внутренней, субъективной (*мотив*), и внешней, практической (*действие*). В этом случае мотив рассматривается как основание действия, а поступок - как мотивированное действие, то есть действие-операция опять-таки выступает как *нейтральный* элемент поступка. Однако «нейтральность» роли операционного элемента делает весьма мистичными факты несоответствия мотива и последствий в тех случаях, когда достоинство мотива не вызывает сомнений, а внешние условия (обстоятельства выбора) не содержат помех воплощению мотива в адекватный результат.

Таким образом, очевидно, что даже включение «операции» в структуру поступка на правах ее «нейтрального» элемента не дает еще представления о поступке как *целостном акте* нравственной деятельности.

Как видим, все рассмотренные выше различные точки зрения на структуру поступка роднит недооценка роли его операционного элемента. В то же время объективный социально-значимый результат поступка есть функция именно *средства (операции)*. Таков основной аргумент за включение операционного элемента как равноправного в структуру поступка.

С учетом этого вывода традиционную проблему мотива и последствий можно скорректировать следующим описанием поступка.

Специфически моральная детерминанта в рамках структуры поступка - *моральный мотив*. Наиболее распространенным является представление о мотиве как о силе, побуждающей к поступку. Об этом говорит и этимология слова «мотив» (от латинского «*moveo*» - приводить в движение, толкать). Близкими по значению к мотиву в обыденном словоупотреблении оказываются и другие понятия, характеризующие фактор действия, - *стимул, намерение, цель*. Однако отождествление всей этой группы родственных понятий, относящихся к внутренней, идеальной стороне поступка, приводит к затушевыванию специфической роли мотива¹.

В самом деле, мотив стимулирует нравственную деятельность, но ведь не каждый стимул становится мотивом. Далее, если мотив есть *основание* поступка, то намерение - *итоговая* характеристика всей духовной стороны морального решения, в том числе и выбора при борьбе различных мотивов². Цель также следует отличать от мотива. На наш взгляд, удачной характеристикой связи цели и мотива можно считать определение последнего как «оправдательно-объяснительного целеполагания»³, указывающего на то, что мотив может обуславливать и постановку цели, и выбор соответствующих средств. Цель, таким образом, оказывается *реализацией мотива* в идеальном плане действия. Она указывает на то, *что* предстоит сделать, тогда как мотив говорит о том, *ради чего* надлежит стремиться к данной, а не иной цели.

При нравственной оценке поступка весьма важно учитывать, что характер и направленность целей и мотивов могут как совпадать, так и расходиться. Например, стремление к участию в общественной работе мы вправе расценивать как морально-положительную деятельность (при условии, конечно, положительной направленности самой активности, ее соответствия потребностям

---

¹ Попытка различения мотива с этими понятиями предпринимается в кн.: *Анисимов С. Ф.* Мораль и поведение. М., 1979, с. 37-39.

² См.: *Гусейнов А. А.* Социальная природа нравственности. М., 1974, с. 97.

³ См.: *Титаренко А.И.* Структуры нравственного сознания, с. 235

общественного развития). Однако мотивы, побуждающие личность к этой цели, могут быть как положительными (стремление бороться с недостатками, участвовать в коллективной выработке решений по управлению общественными делами, желание помочь товарищам и т. п.), так и отрицательными (карьеристские устремления, тщеславие, властолюбие).

В чем же сущность моральной мотивации? Наиболее распространенным сегодня является представление о мотиве как *внутреннем, субъективно-личностном побуждении к поступку, заинтересованности в его совершении*. Но побуждения могут быть и неосознанными, могут быть просто влечениями, на основе которых происходят произвольные действия, вынужденные реакции на какие-то внешние события (скажем, действие, вызванное испугом). Мотив - *осознанное* личностью побуждение, при чем осознанное в такой степени, что превратилось в цель деятельности. Нравственно-положительный мотив обуславливает действие, продиктованное стремлением выполнить социальную обязанность (которую личность сама считает для себя обязательной) даже в тех случаях, когда давление внешних обстоятельств принуждает уклониться от ее выполнения, и сделать это независимо от ожидаемых санкций, наград и наказаний, то есть исполнить долг *свободно и добровольно*.

Осознанность побуждения в качестве решающего признака моральной мотивации не следует истолковывать так, будто она присуща каждой и любой ситуации морального выбора. Мы уже показали, что наряду с проблемными моральными ситуациями, где неизбежна рационально осознанная мотивация, существует стереотипная нравственная деятельность. В последней мотив выступает в специфической форме *автоматизированного побуждения* - обобщенного и закрепленного в привычке итога всего предшествующего нравственного опыта личности по рациональному разрешению проблемных ситуаций. Именно поэтому поступок может мотивироваться и *убеждением, осознанием долга, и моральным чувством, склонностью*.

Широкий диапазон потребностей и интересов личности определяет разнообразие и многосторонность мотивации нравственной деятельности. В ее мотивационном спектре присутствуют основные и второстепенные, глубокие и поверхностные, однородные и неоднородные побуждения, не говоря уже о том, что по содержанию они могут быть нравственными и безнравственными, возвышенными и низменными. В конфликтных ситуациях, а тем более в критические, переломные моменты жизни личность отдает предпочтение ведущим, главенствующим мотивам, подчиняющим себе все остальные ее побуждения или сдвигающим их в сторону.

В прямой зависимости от нравственного содержания мотива, особенно стержневого, определяется и *мера ответственности* (вины) личности за поступок: она возрастает (отягчается), если негативный по последствиям поступок имел в основании антигуманные или эгоистические побуждения, и она смягчается, если таким основанием были мотивы сочувствия, жалости и т. п. В. И. Ленин указывал на различие в «личном смысле» оценки аморальных поступков, совершенных «по слабости» и «по умыслу»¹.

В некоторых случаях возможно даже оправдание подобного поступка (проступка), если при его совершении не было обнаружено злого умысла, преднамеренности или же если внешняя (объективная) сторона поступка оказалась зависимой от неблагоприятного стечения обстоятельств и сама лич-

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 131-132.

ность не проявила безответственности. В других случаях, напротив, возможно оценить и предметно неосуществленные мотивы как способы потенциального существования добра и зла, поскольку осуществлению этих мотивов воспрепятствовали какие-то независимые от воли человека обстоятельства.

Связь мотива с целью и - через средство - с результатом и последствиями поступка позволяет определить значение мотива в общей структуре поступка: нравственный мотив - *условие нравственности поступка*. Вне нравственного мотива нет и поступка, есть лишь действие соответствующее какой-либо норме социальной регуляции. В то же время это *необходимое* условие не является условием *достаточным*, гарантирующим нравственную ценность поступка в целом. Важную роль в поступке имеет «операционная» сторона - *средства*, действия, зависящие не только от мотивов, но и от объективных факторов. Именно эту зависимость имел в виду В. И. Ленин, когда говорил об ограниченности оценки поведения только по мотивам, поскольку такая оценка не учитывает объективной, от мотивов независимой обстановки, которая и определяет судьбу мотивов¹.

Условием адекватной реализации мотивов является *целостность поступка, единство всех его элементов*.

Подход к поступку как к целостному акту морального выбора позволяет объяснить отношение мотивов и последствий, намерений и результатов как в случае их совпадения (оно обеспечено единством факторов целесообразности и ценности), так и в случае несоответствия (оно вызвано рассогласованием этих факторов).

Возможное соотношение мотива и последствий в поступке можно представить с помощью следующей схемы (отвлекаясь, разумеется, от количественной характеристики степени этого соотношения):

нравственный мотив - последствия полезны,
нравственный мотив - последствия вредны,
аморальный мотив - последствия полезны,
аморальный мотив - последствия вредны.

Целостным, гармоничным поступком, заслуживающим положительной нравственной оценки, является первый вариант. С учетом указанных выше обстоятельств иногда возможна положительная оценка второго варианта поступка. Точнее говорить в этом случае о поступках такого рода не как о противоречиях аморальных результатов и нравственного мотива, а применительно к третьему варианту поступка, не как о безнравственных мотивах, порождающих добро, а как о *рассогласовании* ценности мотива и полезности последствий. Иначе вместо целостного представления о поступке можно воспроизвести метафизическую дилемму мотива и последствий. Гармония поступка возможна, таким образом, лишь в том случае, когда мотив и последствия в отдельности выступают как необходимые, а вместе - *как необходимые и достаточные*.

Глубокая, всесторонняя оценка того или иного поступка как акта выбора возможна лишь тогда, когда он рассматривается не изолированно, а сквозь призму всего поведения личности, его направленности, морального облика личности в целом. Единство мотива и последствий достигается, закрепляется и обнаруживается не столько в одиночном поведенческом акте, сколько в целой серии поступков, выстроенных в *линию поведения*.

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 335.

Трудно правильно оценить отдельный поступок, поскольку мотивы не обладают «наглядностью». Столь же трудно судить о мотивах на основании последствий отдельного поступка. Возможны случаи, когда вне зависимости от последствий само согласное с нормой действие заслуживает нравственного одобрения. Если во время пожара кто-то бросился в пылающее здание, намереваясь спасти оставшихся в нем людей, но не сумел достигнуть цели, а сам пострадал, «нулевой» результат тем не менее не препятствует положительной оценке поступка. Ведь это действие подкрепило авторитет и нравственную силу нормы, а возвышенный мотив обрел в нем доказательную, предметную форму. Результативность отдельного поступка подчинена, как справедливо подчеркивает Ю.В. Согомонов, результативности «поддержки нормы», социальной целесообразности как общей установке, ценностной ориентации в широком смысле слова¹.

Показывая, как мораль «по-своему практична», О. Г. Дробницкий обратил внимание на то, что верность нравственному идеалу в условиях, противоречащих этому идеалу, достигается ориентацией «на образец», «принцип». «Подлинными борцами за человеческую справедливость во многом были «непрактичными»: шли на «неоправданные» жертвы и погибали в неравной борьбе, оставались честными, когда обман, казалось, сулил реальную выгоду, жертвовали собой не только ради успеха, но и «ради принципа». Целесообразность таких действий (не рассчитываемая заранее) состояла в том, что было спасено не только само дело, но и его правота в сознании позднейших его последователей»².

Последствия не только одного, но даже целой серии поступков не всегда удается правильно оценить, сопоставляя с моральными нормами. Дело в том, что, с одной стороны, довольно часто поведение личности оказывается непоследовательным, содержит в моральном плане противоречащие друг другу поступки. А с другой стороны, сама «линия поведения» может быть осмыслена и оценена лишь в сопоставлении с переменами в общественной морали. Поэтому возможны ситуации, когда вопрос о последствиях должен рассматриваться в плане отдаленных результатов. Именно с такой точки зрения В. И. Ленин оценивал деятельность И. Г. Чернышевского. Если кто-нибудь решит, что Чернышевский разбил себе жизнь, попав в Сибирь, и ничего не добился, то независимо от того, наивный это человек или откровенный реакционер, в такой оценке революционной деятельности Чернышевского проявляется неспособность понять значение поступков отдельного революционера «в связи с общей цепью революционных событий». Правильная оценка тех «внешне бесполезных, часто бесплодных» жертв, которые принес революционер, невозможна, если в стороне остается «содержание его деятельности и связь его деятельности с предыдущими и последующими революционерами...»³.

Поступок и «линия поведения» связаны как элемент и целое. Нельзя просто «сложить» отдельные поступки и «сумму» их назвать «линией поведения», равно как нельзя «выстроить» абстрактную «линию» вне поступков, из которых она только и может интегрировать «траекторию» выборов. Диалектическая связь поступка и «линии поведения» наиболее наглядно обнаруживает-

---

¹ См.: Согомонов Ю.В. Добро и зло. М., 1965, с.79

² Дробницкий О.Г. Научная истина и моральное добро. - Наука и нравственность, с. 315.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 336,

ся в «судьбоносных» ситуациях выбора.

«В экстремальных случаях, когда производится моральный выбор особо важного поступка, решающего шага в поведении, оба уровня деятельности практически настолько сближаются, что в сущностном отношении можно говорить об их совпадении. Поступок в этих случаях оказывается узловой мерой развертывания линии поведения, способом проверки ее на прочность, фактором закрепления или, напротив, векторальной смены направленности деятельности»¹.

Нельзя не вспомнить в этой связи о героических поступках, в которых как в капле воды отражается весь нравственный опыт, добытый человеком на жизненном пути. Наглядный пример этого дает биография «настоящего человека» - Алексея Маресьева. Решающую роль играют иногда в судьбе человека и поворотные поступки, означающие кардинальную смену всей прежней «линии поведения», смену общей ценностной ориентации. Таким поступком был переход одного из героев романа-трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам», Рощина, на сторону Красной Армии, на сторону революционного народа - поступок, как бы подытоживающий долгие и мучительные его нравственные искания.

Оценка поступка на основе всей «линии поведения личности, его генеральной направленности не допускает поэтому абсолютизации тех ситуаций, в которых нравственный мотив оказался не воплощенным в конкретном результате. Допустимость положительной характеристики таких поступков не означает их желательности и тем более безусловной обязательности. В основе принципа «линии поведения» лежит положение о *совпадении нравственного и целесообразного как в стратегическом, так и тактическом плане морального выбора*.

Таким образом, целостное представление о конкретном поступке как системе элементов (мотив, намерение, цель, средство, результат) и подход к конкретному поступку как отдельному звену цепи - определенной «линии поведения» - дают диалектическое понимание соотношения нравственного и целесообразного в моральном выборе. Дальнейшее развитие аргументации о роли критерия целесообразности в моральном выборе связано с исследованием проблемы цели и средств.

2. ОПРАВДЫВАЕТ ЛИ ЦЕЛЬ СРЕДСТВА?

...В редакцию популярного журнала пришло письмо. «Мой товарищ по бригаде (работаю я строителем) был несправедливо обвинен в пакости. Есть в русском языке слово «пакость», не знаю, как оно толкуется у Даля, но это что-то мерзкое, отвратительное, недостойное человека. Мы-то все знали - не мог он такого сделать, но вот человек, весьма влиятельный (пакость была сделана с его личной машиной), был убежден в обратном.

Поскольку никто меня не уполномочивал писать об этом, я не буду называть ни конкретные имена, ни фамилии. Цель моя не в раздаче: кесарю - кесарево, а богу - богово, а в том, чтобы попятить, почему справедливость потерпела поражение.

Парень этот был молодой, о таких говорят - жизнь не обкатала, кинулся отстаивать свою честь, тем более что все в бригаде к нему относились хорошо, сочувствовали.

---

¹Ландесман П.А., Согомонов Ю. В. Мировоззренческие ориентации морального выбора. – Моральный выбор, с.252.

И почти все говорили примерно в таком духе:

- Брось, плетью обуха не перешибешь...

Расхожие истины его не остановили. Он искал с обидчиком конфликта, дерзил, в общем, вел себя неумно.

В юридической консультации ему сказали, что такие пустяки суд не рассматривает и без того дел хватает.

К тому времени, когда его кто-то надоумил написать заявление в товарищеский суд, на него уже было заведено дело.

И вот его судили.

За два года его работы в нашей организации все проступки, способные его скомпрометировать, были собраны и расставлены по значимости. И их оказалось немало. Собранные за два года «в кучу», они производили впечатление. Мы все, сидящие в зале, с ужасом подумали, как же много оступается человек за свою жизнь. И каждый, наверное, представил свой груз грехов. Впрочем, за «каждого» не ручаюсь.

Парня осудили по 33-й статье, то есть объявили общественное порицание. А мы глаза прятали друг от друга, впрочем, недолго. У каждого был веский довод:

- Я говорить не умею.

- А я в очереди на квартиру.

- Сам не без греха, хоть на его место садись.

- Мне путевку нужно...

И вот пришла мне в голову такая мысль: Зло всегда зрело и наступательно, Добро, напротив, инфантильно и пассивно, а если переходит в наступление, то почему-то (вот странно!) перенимает метод и тактику Зла. Человек не рождается злым, несправедливым. Он становится таким, то есть обучается. Добру, справедливости не нужно обучать - это данность, а значит, оно не умеет себя защищать.

Нас многому учат, но нигде не учат, как отстаивать Добро и Справедливость. Против Зла мы нередко оказываемся безоружными либо берем на вооружение методы Зла, чем незамедлительно оно же и пользуется. Зло верит в свою силу и безнаказанность. Добро верит в невозможность его одолеть»¹.

Вполне понятно настроение автора письма после случая с его товарищем по бригаде. И если бы ему потребовалось только сочувствие, то можно было бы предложить прочитать стихотворение В. Казанцева:

Добру однажды не везло.
И вот, смекнув, в чем дело,
Добро подделалось под зло
И, в общем, преуспело.
А зло - давно бы знать пора, -
Не устыдясь нимало,
Всегда от имени добра
Дела свои справляло.
Неразбериха тут пошла.
Исчезли все отличья.
Добро идет в обличье зла.
А зло - в другом обличье.

---

¹ Молодой коммунист, 1979, № 8, с. 65—66.

И, чтоб распутать все дела,
Сказало зло устало:
«На свете нет добра и зла».
Но это зло сказало! ¹

Однако автор письма М. Америкин хочет разобраться в причинах парадокса борьбы со злом, выяснить ее стратегию и тактику, и потому надо сформулировать и развернуть позицию, поэтически выраженную в этом стихотворении.

Проблема морального выбора - как поступить в тех или иных обстоятельствах - здесь выявляется в новом акценте, в виде вопроса: как помочь добру победить зло, какими *средствами* защищать справедливость?

Нравственные цели и средства... Существует ли между ними неразрывная связь как между элементами одной системы - моральной регуляции, или они взаимно безразличны? Есть ли какие-либо ограничения в выборе средств для достижения нравственных целей? Определяются ли эти ограничения характером цели или характером средств? А может быть, они лежат вне соотношения нравственных целей и средств? Есть ли в системе нравственных целей объективно высшая цель, которая определяла бы ценность и способы достижения всех других целей и потому служила бы решающим аргументом морального выбора? Таков круг вопросов, составляющих стержень проблемы цели и средств. Ее разрешение и даст ответ на вопрос: «Оправдывает ли цель средства?», позволит найти верные пути выбора средств, а значит, и морального решения.

Немарксистская этика породила целый спектр концепций цели и средств в моральном выборе. Рано столкнувшись с противоречием нравственных целей и средств, буржуазное сознание на протяжении нескольких веков обращается к этой теме, трактуя ее как извечный вопрос об оправдании средств целью и решая его в диапазоне двух альтернативных подходов. Эти подходы выкристаллизовались в двух противоположных системах моральных принципов - «иезуитизма» и «абстрактного гуманизма». В сходной форме они отложились и закрепились в обыденном сознании, в публицистике на моральные темы, во многих беллетристических произведениях.

Первый из этих подходов, безоговорочно утвердительный, наиболее отчетливо выразился в этике иезуитов - католического монашеского ордена Иисуса (лат. Iesus) - и исторически связан с деятельностью их церковно-политической организации, основанной при папском престоле в XVI веке. Отсюда и название самой концепции - «иезуитизм». Ее нигилистически - релятивистский смысл выражает принцип: «цель оправдывает *любые* средства». Под «оправданием» понимается полное безразличие самой цели к нравственному характеру средств: не существует средств «подлых» и «святых», цель освящает любые из них. Ложь и предательство, яд и кинжал - все допустимо и даже желательно, если кратчайшим путем ведет к желаемой цели. И иезуиты следовали этому принципу в своей деятельности, не гнушаясь использовать для достижения политических целей такие средства, как интриги, подкупы, убийства, клятвопреступление.

В сфере политической деятельности иезуитская беспринципность в выборе средств свойственна прежде всего самым реакционным силам, поскольку исторические обстоятельства побуждают их любыми средствами стремиться

---

¹ Казанцев В. Стихи. Западно-Сибирское книжное издательство. 1971, с. 120.

продлить свое существование. Фашизм продемонстрировал миру поистине чудовищные последствия подобной аморальной практики.

Противостоящая иезуитизму позиция абстрактного гуманизма догматически утверждает автономность средств от цели, категорически отрицает способность цели быть критерием выбора средств. Сторонники этой позиции, которая рельефнее всего выявила себя в теории «непротивления злу насилием», претендуют на применение таких средств в моральном выборе, которые несли бы одно только «добро» без малейшей «примеси зла». Считая, что средства управляют целью, они тоже противопоставляют эти элементы морального выбора друг другу, но теперь уже в ущерб самим целям, руководствуясь принципом «важны только средства».

В полном соответствии с этим принципом теория «непротивления злу насилием» рассматривает ненасилие в качестве универсального свойства всех допустимых средств, оценивая его как добро вне зависимости от цели, ради которой оно применяется (насилие же объявляется абсолютным злом).

Реальная история попыток практического осуществления абстрактно-гуманистической установки на ненасилие - особенно в современную эпоху революционного преобразования старого мира - показывает, что чаще всего на базе такой установки складывается «нейтралистский» тип поведения, вдохновляемый «этикой недеяния» перед лицом активности зла, формируется позиция, по существу потворствующая злу.

Как видим, общее свойство двух противоположных концепций - иезуитизма и абстрактного гуманизма - *метафизическая односторонность*, абсолютизация роли либо цели, либо средств, ведущая к противопоставлению сторон неразрывного отношения. В скрытой форме на такую же бесплодность в теоретическом плане и безнравственность в плане практическом обречены и те способы решения вопроса об «оправдании средств», которые стараются избежать крайних выводов с помощью их примирения в фокусе пресловутой «золотой середины».

Разумеется, было бы ошибочно и несправедливо критически уравнивать две эти метафизически односторонние крайности в решении проблемы выбора средств. На стороне абстрактного гуманизма - благородство мотивов и гуманистических поисков, без которых невозможен нравственный прогресс. Не могут, например, не вызвать симпатии и уважения действия таких поборников абстрактного гуманизма, как Махатма Ганди, Альберт Швейцер, Мартин Лютер Кинг, которые неустанно пробуждали в людях совесть, направляя ее против жестокости, аморализма, деспотизма и угнетения.

Сравнивая «донкихотский гуманизм» с антигуманизмом, Э. В. Ильенков пишет: «...первое решение привлекает своим моральным благородством... Дон Кихоту - легче. Да, «обстоятельства», которых он не учитывал и не хотел принимать в расчет, оказались сильнее. Грустно, но что поделаешь? Но Дон Кихот будет жить в благодарной памяти всех благородных людей, которые рано или поздно переделают «обстоятельства». Такой исход легче. Хотя и тоже не самый приятный исход. Исход Сократа, исход Джордано Бруно. А там - Смердяков, Рудольф Гесс, Штрайхер»¹.

Практика нравственной жизни сурово и неумолимо обрекала абстрактный гуманизм на поражение в борьбе со злом. Однако даже при условии поражения предпочтительнее именно эта крайность - позиция абстрактного, но все - таки

---

¹ Ильенков Э. В. Гуманизм и наука. - Наука и нравственность, с. 409, 410-411.

гуманизма, «хоть и односторонне-беспомощного перед силой обстоятельств, но по крайней мере оправданного своим благородством принципа»¹.

Исчерпав весь спектр односторонних и эклектически-компромиссных решений, немарксистская этика осталась в рамках теоретической дилеммы, отражающей реальный антагонизм социальных отношений классово-антагонистических формаций. Предлагая два взаимоисключающих ответа — «цель оправдывает любые средства», «цель вообще не может оправдывать средства», - метафизически абсолютизирующих роль либо средств, либо цели в целостном акте нравственной деятельности, эти концепции и выражают ту альтернативу морального выбора личности в обществе отчуждения, которую можно охарактеризовать словами К. Маркса как выбор между «беспринципной силой» и «бессильным принципом»².

Дилемма цели и средств, нравственного и целесообразного преодолевается лишь в рамках марксистской этики, где моральному нигилизму, цинизму в выборе средств, с одной стороны, и ригористическому отношению к средствам - с другой, противопоставляется *диалектическая концепция* отношения нравственной цели и средств ее достижения. Для раскрытия сути этой концепции обратим внимание на основные моменты диалектического отношения нравственной цели и средств.

1. Ценность средства обусловлена нравственным характером цели, для достижения которой это средство выбирается. Или скажем иначе: цель определяет ценность средства. Но именно *определяет, а не оправдывает*. Всякие рассуждения относительно оправдания какого-то средства оказываются лишь лицемерным прикрытием безнравственных действий ссылками на благородство, возвышенность целей. Ведь средства, которые мы выбираем, являются таковыми не вообще, а лишь применительно к вполне определенной цели. В отношении иной цели то свойство предмета, вещи, которое служило ранее средством (орудием воздействия человека на другие вещи в соответствии с определенной целью), оказывается уже нецелесообразным. Целесообразность выбора *любого* средства оказывается поэтому лишь видимостью. Выбрав не соответствующее цели средство, человек достигает *не той цели*, которую перед собой ставил.

2. Результат, в котором воплощается цель, достигается благодаря средству, обусловлен его функциональной ролью. И потому выбор неадекватных цели средств ведет к нежелаемому результату, искажает природу цели. Причем эта закономерность проявляется как в том случае, когда цель выражает положительные нравственные ценности, так и тогда, когда цель явно аморальна.

3. Обусловленность нравственной ценности средства характером цели предполагает такие качества ценности средства, как *объективность и абсолютность*. Только «кажется» человеку, что он не стеснен в выборе средств: чем сильнее вера в безграничность моральной свободы, чем больше произвола в выборе средств, тем дальше оказывается результат морального выбора от запланированной цели. Игнорируя объективные свойства вещи, которые позволяют «быть средством», человек препятствует достижению своей цели². Именно поэтому в марксистской этике тезис «цель определяет средства»

---

¹ Ильенков Э. В. Гуманизм и наука. - Наука и нравственность, с. 411.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 59.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 169-173

дополняется тезисом «средства определяют цель».

4. Нравственная цель и средства не только взаимно определяют друг друга, но и *соотносительны*: любая цель в иной ситуации может выступать в роли средства и, наоборот, то, что было средством, в новой ситуации может оказаться целью. Такое понимание системы «цель - средство» выявляет несостоятельность попыток определения необходимости какого-то средства путем его соотнесения лишь с ближайшей целью, ибо, как только последняя будет достигнута, ей самой придется служить в качестве средства для более высокой цели.

5. Из этого «правила согласования целей» вытекает требование строгой *последовательности в выборе средств*. И если ближайшая цель может быть достигнута лишь ценой, уничтожающей нравственный характер более высокой цели, то такое средство достижения должно быть отвергнуто, как лишенное целесообразности. Более того, для обеспечения нравственного характера выбора необходимо не только выведение конкретной текущей цели из цели более отдаленной и высокой, но и из предыдущих, уже реализованных целей. А так как эти уже достигнутые ранее цели выводились из соответствующих средств, то необходимо пристальное внимание к каждому средству на всех этапах движения к высшей цели.

На основе анализа диалектики нравственной цели и средств можно сделать следующий вывод: *нравственно и целесообразно то средство, которое необходимо и достаточно для достижения положительно-нравственной цели, которое не противоречит более высокой и высшей цели, не изменяет их характера*.

В этом определении слиты два требования к средствам морального выбора: целесообразности и нравственной ценности. *Целесообразность средств* приобретает, таким образом, *нравственное качество*.

Диалектический подход к проблеме целей и средств помогает выявить причины их несоответствия, нередко возникающего в практике морального выбора. Такое несоответствие может быть вызвано, с одной стороны, неумением человека выбрать эффективные средства или попытками оптимизировать выбор по образцу беспринципного поведения. В этих случаях средства деформируют нравственный характер цели. С другой стороны, несоответствие это может быть обусловлено скрытым характером самой цели, по отношению к которой избранные средства целесообразны. В этом случае средства выявляют аморальный характер цели.

Первый вариант ситуации несоответствия целей и средств - неэффективность средств - своей наглядностью и очевидностью может породить иллюзию легкого его преодоления. Поэтому в обыденной моральной практике нередко попытки стихийного поиска эффективных приемов достижения нравственной цели, борьбы со злом. При этом пропагандируется своеобразная позиция «добра с кулаками», выраженная в стихотворении С. Куняева:

Добро должно быть с кулаками,
добро суровым быть должно,
чтобы летела шерсть клоками
со всех, кто лезет на добро¹.

---

¹ День поэзии 1956 - 1981. Избранное. М., 1982, с.107

Позиция «добра с кулаками» воспринимается как вполне понятная и естественная реакция на нередко еще встречающуюся в моральной практике пассивность борьбы со злом, инфантилизм, на равнодушие или трусость. Ее легко объяснить стремлением к активному и действенному противостоянию злу. Но в такой позиции может быть заложено и ее отрицание, если она приводит человека к перерождению его целей. За категоричной рекомендацией «кулаков» как универсального средства борьбы со злом в этом случае может оказаться не просто поэтическое преувеличение, а коварное правило об *оправдании целью любых средств*. За призывом такого рода - забвение того, что добро и «кулаки», нравственность целей и целесообразность средств являются двумя сторонами целостного поступка, связанными таким образом, что искажение одной из них отражается и на другой. Образцом оптимизации моральной деятельности с помощью «кулаков» нередко оказывается деятельность людей беспринципных, не гнушающихся никакими средствами. И такой арсенал «эффективных средств» пытаются использовать с искренней надеждой на успех в борьбе за достижение действительно нравственной цели!

Вспомним еще раз Юрия Деточкина - персонажа повести Э. Брагинского и Э. Рязанова (по которой был снят фильм «Берегись автомобиля!»). Начал он как Дон Кихот, бросившись «с копьем» на жуликов из торговой базы. И пострадал от их сплоченной компании - был изгнан как «не справившийся с работой». Нуждаясь в заработке, он взялся перегнать в другой город только что купленный каким-то гражданином автомобиль. По пути узнал, что машина приобретена на краденые деньги, решил изменить маршрут и доставил автомобиль к отделению милиции, прикрепив к ветровому стеклу подробную «объяснительную записку». Уверовав, что нашел универсальный, хотя и незаконный, метод борьбы со злом, Юрий Деточкин оставил у отделения милиции машину, похищенную им у другого жулика. В связи с тем, что записке не поверили и вернули машину владельцу, Деточкин решил впредь «конфисковывать» (воровать) машины у жуликов и перепродавать их, а вырученные деньги... Нет, не присваивать! Переводить на счет детского дома.

Нам мил этот бескорыстный рыцарь справедливости как антипод жуликов, с которыми он борется, и тех, кто, предпочитая «умеренность и аккуратность», не вмешивается в борьбу со злом. Мы готовы простить добродушному и по-детски наивному герою (недаром он носит фамилию Деточкин), этому современному Робин Гуду, его чудачества на киноэкране: он заставляет нас глубже заглянуть в самих себя - не покрылась ли ржавчиной наша гражданская совесть, не засосала ли нас тина обывательщины?!

Но логика борьбы Деточкина со злом не так уж по-детски наивна, а этика такой борьбы, ее средства выглядят совершенно неприглядно. Ведь, сокрушая зло, Робин Гуд - Деточкин одновременно помогает ему: какой честный человек купит краденый автомобиль?! И что еще важнее: а не усомнятся ли окружающие Деточкина люди (и он сам) в эффективности честных методов искоренения зла, не возьмут ли они на вооружение принцип «цель оправдывает любые средства»?

Классическим примером второго варианта рассогласования целей и средств является преступление Родиона Раскольникова. При поверхностном прочтении романа Ф. М. Достоевского может показаться, что и в ситуации Раскольникова речь идет о благих намерениях, которыми «вымощена дорога в ад», то есть о противоречии высокой цели и неправильно выбранных средств ее достижения. Однако писатель показал, что аморальность средства и ре-

зультатов действий Раскольникова не столько *противоречие*, сколько *соответствие* его «подпольным» целям, преступным замыслам¹.

Рассмотрим и современный пример этого варианта, что позволит нам рельефнее выявить именно *соответствие* недостойных, хотя и тщательно маскируемых (от других и даже от себя), мотивов, целей и безнравственных средств.

Двое молодых людей, Александр Б. и Михаил Е., написали в «Комсомольскую правду» письмо, в котором рассуждают о «вещной болезни», о современном мещанстве, потребительстве. Они правильно подмечают, что в стремлении многих людей жить лучше, устроить как можно комфортнее свое «гнездышко» проявляется нередко и такая позиция: «У меня есть пять пальцев, они загивают вовнутрь, значит, я должен брать только себе»; они клеймят подобную позицию как «гнилой нарыв на теле», призывая беспощадно бороться с теми, кто ее разделяет. Но посмотрим, какую же позицию занимают сами авторы письма. Вот что они пишут о себе: «Мы - люди, которым ничего не стоит в новых брюках сесть на пыльную дорогу... Джинсы «Левис» служат нам, пока не превращаются в набор отличных заплат на следующие. И мы имеем свое счастье - мы свободны, причем свободны в полном смысле этого слова. До армии, например, один из нас не работал два года и не учился, просто был свободным от мирской суеты... Он не желал, чтобы его свобода легла тяжелым бременем на плечи родителей, и не толкался в эпицентрах фарцовой толкучки, в которой практикуется обман как честного, так и нечестного. Он драл нещадно только с владельцев «замков»... Нас мало, ужасно мало, но мы высоко держим наше моральное знамя».

Однако знамя, поднятое этими двумя молодыми людьми, аморальное. Беспринципные свои поступки они оправдывают мнимо благородными намерениями и действиями, в действительности же это - закономерное порождение их безнравственных целей. Самоопределение Александра Б. и Михаила Е. в мире нравственных ценностей выразилось в уступке соблазну поставить себя над общественной моралью и жить по принципу «все позволено». Они цинично приписывают другим свои личные принципы: пальцы, загивающие «вовнутрь, к себе», принадлежат руке именно авторов письма. Ведь это не сама по себе «вещная болезнь» не устраивает их, а лишь собственное место в мире вещей, и за улучшение своих личных возможностей они готовы биться любыми средствами. Они не конфликтуют с мещанством и эгоизмом, а пробиваются вверх в рамках той же позиции.

Речь здесь не идет об оценке поведения тех людей, с которыми «борются», за счет которых «освобождаются от мирской суеты» Александр Б. и Михаил Е. Думается, что нравственная ущербность «потребительского» отношения к жизни достаточно очевидна. Но вот поступки авторов письма следует квалифицировать как самореабилитацию сознательного выбора безнравственных ориентаций в линии поведения. И в этом плане их классической литературной параллелью в определенной степени могут служить действия Родиона Раскольникова. Ведь именно герой «Преступления и наказания» безудержно стремился к реализации своих эгоистических целей, пытаясь убедить себя и других в том, что аморальные приемы, используемые им для продвижения «наверх», оправданы святостью цели.

Цель авторов письма - преуспевание в замкнутом мещанском мире

---

¹ Подробнее об этом см.: *Карякин Ю. Самообман Раскольникова. М., 1976.*

«свободных от мирской суеты». Конечно, в таком мире иначе, как путем махинаций и обмана (пусть даже только нечестных владельцев «замков»), не пробиться. И в этом смысле для достижения своих целей молодые люди избрали вполне адекватные средства. Но ведь и то и другое со знаком минус, с клеймом аморальности!

Письмо Александра Б. и Михаила Е. - своеобразная нравственная исповедь. Но при всей откровенности содержания и тона письма снисходительности оценок его авторы не заслуживают. Они сделали сознательный выбор отрицательных моральных ориентиров, оказавшись на краю нравственной пропасти, намеренно нарушили границу добра и зла. И забота о будущем молодых людей, которые могут соблазниться их примером, требует активного противостояния, непримиримости по отношению к позиции авторов письма.

Осознание смысла и форм проявления несоответствия целей и средств особенно важно применительно к ситуациям морального выбора социального масштаба - в борьбе против идейных противников марксизма, в раскрытии подлинного лица современного «левого» ревизионизма, за экстремистскими действиями которого скрываются псевдореволюционные цели, в разоблачении любых извращений и целей и средств социалистической революции.

Возможность рассогласования целей и средств в моральном выборе актуализирует вопрос о разработке этически обоснованных «императивов умения». В поисках его решения важный урок, как нам кажется, можно извлечь из буржуазной этики, породившей альтернативные концепции соотношения ценностного и целереализующего моментов в моральном выборе.

Моральная практика общества отчуждения демонстрирует массу примеров поражения людей честных в борьбе с бесчестными, принципиальных - с беспринципными. В итоге наряду с представлениями о безнравственности любого выбора, ориентированного на практику и мотивированного целесообразностью (а эти представления обрекали человека лишь на сожаление о бессилии гуманистических нравственных запретов перед эффективной аморальностью), появились попытки дополнения нравственных императивов «техническими».

Сторонники этой позиции исходили из тезиса: разумная постановка цели означает, что эта цель достижима, а вопрос о реализации цели - вопрос технический. Отсюда следует, что совершенная этика предполагает совершенную технику.

Но если посмотреть, на *каких правах* эта «техника» включается в практику моральных решений, то обнаружится, что критерий целесообразности при выборе средств исключается из этической сферы, ибо этический характер носит здесь только установление высшей цели и ее обоснование. Но разделение функции этики и «технологии» по принципу: этике - цели, «технологии» - средства, внедрение «императивов Умения» в моральный выбор на правах их «автономии» приводят к признанию допустимости нарушать критерии нравственности во имя целесообразности, то есть фактически оборачиваются проповедью (теперь уже практической) принципа «цель оправдывает любые средства».

Разумеется, «технологизация» критериев морального выбора по описанному выше методу не произвольная конструкция философского ума, а выражение реально практикуемой буржуазной морали, теоретическая формула «правил игры», навязываемых личности обществом отчуждения. Поэтому метафизическая реакция на иезуитский принцип морального выбора объективно приводила его противников к тому, что дилемма «бессильный принцип - бесприн-

ципная сила» оказывалась не простым противостоянием двух критериев, а подчинением первого второму и потому превращением его в инструмент зла.

Очевидно, что выбор оптимальных средств не может быть достигнут с помощью автономных «императивов умения». Критерии целесообразности должны быть рассмотрены как критерии *морального* выбора. Включение «императивов умения» в рамки морального выбора в таком случае будет не в ущерб нравственному характеру цели, не вопреки ей, а *для ее реализации*. Связь ценности и целесообразности оказывается в этом случае не просто «технологической», а этической проблемой: моральный контроль не ограничивается только контролем за чистотой цели, а распространяется и на средства, представляющие с целью *одно целое*.

Такое понимание соотношения нравственного и целесообразного в моральном выборе дает возможность принципиальной критики любых попыток замены этики «технологией морали», «организационно-техническими нормами». «Рациональный» подход к морали, в котором аксиологическое начало подменяется «технологическим», выражает не намерение оптимизировать достижение добра и борьбу со злом, как этого требует практика, не стремление обосновать долг социальной целесообразностью и сделать следование долгу осознанным и ориентированным на потребности общества, а метафизическую крайность типа утилитаристской. Односторонний подход к средству, игнорирование целостного характера вещи, рассматриваемой в качестве средства,— это рациональность оппортунистического склада, «технология», чреватая иезуитизмом, релятивистским и субъективистским произволом в выборе средств.

Итак, выработка «императивов умения» может быть плодотворной только в том случае, если цели и средства рассматривать как *элементы одного целого*, в котором «цели без средств пусты, а средства без цели слепы». Разумеется, это лишь только общий вывод, общее правило. А как оно проявляет себя в практике нравственной деятельности, в конкретных ситуациях выбора? Какие дополнительные требования ставит перед личностью? Попытаемся вовлечь это правило в экстремальную ситуацию и ответить на поставленные вопросы при разборе острейшей темы - оценки «меньшего зла», отношения к риску, компромиссу в моральном выборе.

3. РИСК, КОМПРОМИСС, «МЕНЬШЕЕ ЗЛО»

Уже в сам смысл понятий «риск», «компромисс», «меньшее зло» как бы заложена та противоречивая оценка, которая дается им в обыденном моральном сознании, да и в теоретических исследованиях. При этом чаша отрицательной нравственной оценки традиционно перевешивает. Попытаемся как можно тщательнее взвесить сложившиеся оценки.

Как возникает вопрос о выборе «меньшего зла»? Единство нравственного и целесообразного наиболее трудно реализовать в ситуациях, вынуждающих человека решиться на выбор, ведущий к цели максимально дорогой ценой. Потребность оптимизировать результат поступка в конфликтной ситуации, не позволяющей применить безукоризненное средство, порождает необходимость поиска «меньшего зла». Именно в таком случае и возникает вопрос об «оправдании» средств, появляются сомнения и колебания в праве использования средств, несущих с собой отрицательные моральные последствия.

Проблема «меньшего зла» имеет различные смысловые аспекты. *Во-первых*, речь может идти о принципе выбора, который в положительном смыс-

ле выражает требование предпочтения «наибольшего добра», то есть использования средств, которые не просто реализуют цель, но и представляют собой наибольшую самостоятельную ценность. Отрицательное выражение этого требования и звучит как принцип «меньшего зла». Очевидно, что, несмотря на негативную форму выражения, этот принцип имеет вполне *позитивное содержание*: он означает, что при выборе средства надо стремиться к тому, чтобы оно было наименьшим злом, а следовательно, и наиболее возможным добром.

Во-вторых, под «меньшим злом» иногда понимается *результат согласования объективных и субъективных элементов* ситуации выбора: «В жизни личность вынуждена нередко выбирать между Сциллой собственных желаний и Харибдой объективных условий»¹. В этом случае «меньшее зло» играет роль своеобразного «баланса», требуемого неблагоприятным стечением обстоятельств.

Оба истолкования отражают реальные сложности нравственной деятельности. За кажущейся простотой требований такого рода стоит и многовековой опыт человечества, и современные тенденции применения количественного подхода к оценке результатов морального выбора. Наиболее эвристическим является *третий смысловой аспект* - рассмотрение проблемы «меньшего зла» как *компромиссного характера выбора* в ситуациях, требующих от человека *осознанной жертвы* какими-то моральными ценностями во имя сохранения ценностей высшего порядка. В таком диалектическом подходе к проблеме «меньшего зла» равное ударение делается и на позитивный, и на негативный моменты критерия выбора: меньшее, но все же *зло*; зло, но все же *меньшее*.

Иногда высказывается мнение, что от принципа «меньшего зла» «веет пессимизмом», перестраховкой, что это «трусливый критерий» и т. п.² Действительно, этот принцип, нацеленный на выбор с гарантированным результатом, диктует принимать наилучшее из наихудших решений («минимакс» или «максимин» - на языке теории игр). Но это ни в коей мере не означает абсолютизации осторожности: нравственный принцип «меньшего зла» не только не исключает активности, но и требует дерзости, риска в поступке. Но, учитывая, что рискованное действие может привести к моральным ошибкам, важно выработать нравственную позицию в отношении к *риску*.

Мы уже отмечали, что в условиях неопределенности результат поступка лишь вероятен, возможны и другие варианты результата. Поэтому, принимая решение, приходится идти на риск. Вспомним уже знакомую нам ситуацию, в которой оказался командир саперного батальона при строительстве танковой переправы. Что выделяет ее? Не только мужество решения комбата, но и его *рискованность*. На риск пошел и командир танкистов, первым въехавший на опасную переправу.

Но риск - форма проявления активности личности не только в экстремальных условиях военного времени, без него не обходятся и производственные будни.

Отвечая несколько лет назад на вопросы анкеты, предложенной социологами группе организаторов производства, нынешний генеральный директор

---

¹ См.: Табунов Н. Д. Влияние научных знаний на поведение личности. - Вопросы философии, 1973, № 11, с. 54.

² См.: Крогуш Н. К психологии конфликтной деятельности. - Искусственный интеллект и психология. М., 1976, с. 279; Воробьев Н. Н. Развитие науки и теория игр. Исследование операций. М., 1972, с. 13.

объединения «Сибкомплемонтаж» лауреат Ленинской премии В. И. Аронов выразил свое отношение к риску. На основании каких норм, инструкций и положений могли десять лет назад появиться первые блочно-комплектные промышленные объекты в нефтяном Приобье? Ни опыта, ни норм, ни расценок не было - был риск. Но в этом эксперименте родился новый индустриальный метод строительства - основной сегодня при сооружении нефтеперекачивающих и компрессорных станций на магистральных трубопроводах, при обустройстве нефтяных и газовых промыслов. Будь у колыбели этого метода не «рисковые ребята», а осторожные администраторы, тюменские нефтяники не обеспечили бы такого бурного роста нефтедобычи. Предприимчивость требует точного расчета: иду на риск, но уверен, что цели достигну. Деловая инициатива, предприимчивость стали требованиями дня и всемерно поощряются. Риск - план на пределе всех ресурсов. Но предприимчивость помогает работать в полную силу.

«Ответственность беру на себя» - это значит, что беру сверх положенного груза и вроде бы не обязательный. Рисковать и нарушать параграфы никто не прикажет. Но - беру, стало быть, могу и хочу работать в полную силу. И как сформулировал лет двадцать назад тюменский поэт-геолог:

Ну, а пределы перегрузок
Тебе подскажет твоя совесть.

Совесть тоже категория морально-этическая. Но и экономической она бывает нередко. И судят о ней по тому, ловкач ты или действительно предприимчивый работник, отдающий делу все, что можешь¹.

Война и производственные будни... Что объединяет ситуации, требующие риска на производстве и в условиях войны? Объединяет эти ситуации, а точнее, поведение их персонажей *нравственная позиция в отношении к риску, готовность к риску как условию принятия решения и реализация этой готовности, воплощение ее в деле.*

Риск в поведении человека - явление повседневное, даже будничное. Однако лишь в последнее время проблема риска стала объектом активного интереса исследователей. И если задача психологов, например, изучить закономерности восприятия личностью риска и принятия риска в ситуациях социального характера, а задача специалистов по экономике в том, чтобы соотнести хозяйственную предприимчивость, риск и прибыль², то роль этической науки - поставить и разрешить проблему риска в моральном выборе, выявить критерии оценки рискованных решений.

Поэтому речь здесь пойдет не о нравственно-психологических свойствах личности (под этим углом зрения в зависимости от склонности к риску различают перестраховщиков и смельчаков, готовность к риску одного и того же человека оценивают применительно к обстоятельствам: директор предприятия, скажем, не отваживается на принятие новаторского решения, но разгоняет свой автомобиль до скорости, граничащей с безрассудством), а о собственно нравственном аспекте проблемы риска, которая заключается в том, чтобы оп-

---

¹ См.: Комсомольская правда, 1979, 18 июля (подборка «Право на риск»),

² См.: Хозяйственный риск и методы его измерения. М., 1979; также другие работы, в которых говорится о риске в различных сферах жизни человека: Стихийные бедствия: изучение и методы борьбы. М., 1978; Райя Э. Деловой риск. Таллин, 1979.

ределить, *во-первых*, есть ли моральная альтернатива риску (допустимо ли и должно ли в определенных ситуациях выбора рисковать), и, *во-вторых*, найти критерии предпочтения оптимистической или пессимистической установки на риск.

Иногда единственной альтернативой риску объявляется трусость: «...намеренное уклонение от риска будет основано в лучшем случае на непонимании необходимости, в худшем же случае - на трусости»¹. Думается, было бы неправильно на том основании, что преодоление известного риска (в той или иной мере и форме) - необходимый атрибут человеческой деятельности в любой ее сфере, доходить до апологии риска, абсолютизации его положительного эффекта в моральном выборе. В определенных ситуациях эффект рискованного действия может оказаться прямо противоположным. Например, в ситуациях, когда приходится рисковать чужими судьбами, жизнями, не имея на то ни морального права, ни права, предписываемого служебным долгом (вспомним нейрохирурга, который не решился вмешаться в драку в аэропорту). Уклонение от выбора (а мы уже знаем, что это тоже форма выбора), в том числе и от риска, нередко не простая трусость. На это тоже требуется мужество - мужество решиться и нести ответственность за отказ от его бремени. Уклонение от риска по своему моральному статусу иногда является именно меньшим злом.

Другое дело, что бывают ситуации неопределенности, когда неуверенность в исходе должна быть преодолена установкой на разумный риск, с намерением достичь при этом не просто «меньшего зла», но «наибольшего добра». Так, видимо, и следует оценить риск комбата саперов. Такой же характеристики заслуживает и решение инициаторов блочно-комплектного метода в строительстве. Как видим, вопрос об альтернативе риску тесно связан с вопросом о его *оценке*.

В ситуации риска содержится положительная возможность сделать больше, превзойти поставленные цели, и это - своеобразный императив выбора. Такая этическая точка зрения на риск вполне совпадает и со взглядами многих экономистов: «Подчеркнем, что отклонение будущего результата от запланированного может быть связано не только с потерями, но и с дополнительной прибылью. В соответствии с этим речь может идти и о риске поступлений (выгоды), т. е. наряду с риском понести расходы существует риск получения дополнительных доходов (прибыли)»². Не опасаясь специфической терминологии, «чужеродной» для характеристики моральных «выгод и потерь», отметим, что экономический императив подкрепляет императив нравственный.

Достоинство морального решения заключается не в стремлении к безошибочности как самоцели выбора. Ошибок трудно избежать во всяком сложном деле, тем более в ситуации риска. Но нужно стремиться их свести к минимуму. Отрицательной нравственной оценки заслуживают те ошибки в выборе, которые вызваны некомпетентностью морального решения, нецелесообразностью избранных средств, породивших парадокс благого намерения и результата. Отрицательные последствия выбора не проявление какой-то вне самой деятельности человека существующей силы, а закономерный результат ошибочного решения, за который личность несет полную меру ответственности.

Разговор о риске не случайно оказался связанным с альтернативой ук-

---

¹ Вильке У. Объективные источники морального Риска. - Моральный выбор, с. 69.

² Хозяйственный риск и методы его измерения. М., 1979, с. 14-15.

лонения от выбора. Как мы уже выяснили, противоречивость конфликтной ситуации может породить «нейтралистскую» позицию, стремление «умыть руки», уклониться от решения и действия. Причем дело не только в том, что отказ от выбора может быть психологическим следствием слабоволия. «Делегирование» личной моральной ответственности кому-либо, пассивное ожидание в надежде, что конфликт разрешится «сам собою», - явление весьма распространенное. Не менее важны для анализа интересующей нас проблемы и рациональные аргументы «нейтрализма», отказывающегося от «меньшего зла» не просто из-за слабоволия, незнания или неумелости, но из-за опасений опорочить нравственный характер цели. Такие опасения опираются на определенные основания. Прежде всего это возможность нарушения *меры компромисса*, что ведет к превращению «меньшего зла» в зло абсолютное. Второе основание - озабоченность чистотой целей при односторонне-догматическом подходе к выбору средств, что оборачивается требованием использовать безусловно «добрые» и «святые» средства.

На этом основании против выбора «меньшего зла» выступают сторонники уже известной нам этической концепции абстрактного гуманизма, в том числе теории, рассматривающей ненасилие как единственно допустимое средство борьбы со злом. Они категорически отвергают насилие, основываясь на том, что, добываясь «минутного добра», оно якобы производит «вечное зло». Признав насилие безусловным злом, эта теория требует выбора «абсолютно нравственных» - ненасильственных - средств.

И в ситуациях личного выбора, и в социально-масштабных ситуациях любая абсолютизация нейтрализма, в том числе и отказ от выбора «меньшего зла», не может быть оправдана, поскольку такая позиция зарекается от активного преобразования обстоятельств, оставляя тех, кто ее разделяет, один на один с их нереализуемыми благами целями, с прекраснодоушием, с милой, но несбыточной верой, будто все само собой утрясется¹.

Проблема выбора «меньшего зла» заставляет нас вновь вернуться к вопросу о критериях оценки попыток оптимизации выбора с помощью методов и средств, взятых из арсенала безнравственных поступков, побуждает четко определить позицию по отношению к «правилам игры», которые навязываются человеку ситуацией противостояния явному и активному злу.

«Он многое знал, многое предвидел, умудренный опытом истории Гамлет, но одного не предвидел, не знал - того, что мир зла, с которым он вступил в поединок, обрушит на него не только свою силу, но и свои правила игры. И в критические моменты у него нет выбора, он вынужден принимать эти правила, как вынужден, совершая акт справедливого, святого возмездия, взять в руки напоенную предательским ядом рапиру Лаэрта»². Знакомый сюжет? Да, и не столько по художественной литературе, сколько по логике, типичной для многих рассмотренных ситуаций морального выбора.

В буржуазной литературе весьма широкое отражение получили попытки создать своеобразную «науку успеха», разработать императивы выбора, вооружающие «добро» методами зла. Исследуя «науку успеха» Макиавелли, Б. Рассел, например, пришел к следующему выводу: «Если существует наука успеха, то ее можно изучать на примере успехов порочных людей не хуже, чем на примере успехов людей добродетельных, - даже лучше, ибо примеры добиваю-

---

¹ См.: *Согомонов Ю. В.* Добро и зло, с. 83.

² *Щербаков К.* Обретение мужества, с. 198.

щихся успехов грешников более многочисленны, чем примеры добивающихся успехов святых. Однако такая наука, будучи раз установлена, пойдет на пользу святому точно так же, как и грешнику, ибо святой, если он вступает на поприще политики, точно так же как и грешник, должен жаждать достижения успеха»¹.

Конечно, чтобы не быть застигнутым врасплох и не дать подобным методам, рекомендуемым «наукой успеха», одержать победу, нужно их знать. Однако нельзя, чтобы рекомендации эти безоговорочно превратились из «информации к размышлению» в «информацию к действию». Вспомним о различии между ситуациями конфликта антагонистического и неантагонистического типа. В первом случае «правила игры», навязанные злом, могут быть приняты как «меньшее зло», во втором - совершенно неприемлемы.

Очевидно, что нельзя формулировать проблему «меньшего зла» в виде дилеммы «выбирать - отказываться», оставляя тем самым лазейку для нейтрализма или оптимизации выбора по образцу беспринципного поведения. Как оптимизировать выбор и свести к минимуму его отрицательные последствия - вот правильная постановка вопроса.

Основной смысл проблемы оценки «меньшего зла» в практике нравственной деятельности заключается в признании *допустимости компромиссов*, но только таких, которые не выдуманы трусами и приспособленцами, а отражают объективные особенности конфликтных ситуаций, своеобразно преломляют общеисторическую закономерность прогрессивного развития как преодоления определенных форм зла. В таких ситуациях надо побороть искушение решить все по логике «либо - либо», найти оптимальный путь согласования принципов с особенностями объективных условий, принять решение, не переходящее границы между тактикой и беспринципным делачеством.

Компромисс - наиболее сложный и тонкий акт морального выбора, в нем особенно велик риск уничтожения нравственного характера цели в процессе ее достижения. Однако выводом из опасений за моральный характер компромисса должно быть не догматическое его отрицание (и не релятивистское обожествление), а определение и соблюдение *меры компромисса*.

Компромиссный моральный выбор - это в первую очередь выбор так называемых *вынужденных средств*, без помощи которых нельзя разрешить ситуацию. Догматический отказ от таких средств (например, от революционного насилия, как того требует теория «непротивления злу насилием») с необходимостью ставит человека, принимающего решение, в такое положение, когда во имя того, «чтобы уничтожить возможность зла, он уничтожает возможность добра и осуществляет зло». Именно это имел в виду К. Маркс, когда предостерегал от таких «лицемерных друзей, которые, правда, заявляют о своем согласии с принципами, но сомневаются в их осуществимости, потому что мир-де еще не созрел для них, и которые даже не намерены способствовать его созреванию, а, наоборот, предпочитают в этой земной юдоли разделять общую участь всего дурного»².

Естественно может возникнуть вопрос: зачем же в таком случае постоянно напоминать о сложности и противоречивости средств морального выбора, подчеркивать неизбежность Жертв моральными ценностями при выборе «вынужденных средств», как это, например, делал В. И. Ленин в оценке Брестского мира, революционного насилия и т.п.? Вопрос этот не чисто академический.

---

¹ Рассел Б. История западной философии. М., 1959,

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 22.

Он, во-первых, связан с мировоззренческой ориентацией и практической деятельностью коммунистов по достижению их конечной цели, с правильным соотношением при этом морали и политики. Во-вторых, этот вопрос используется антикоммунизмом для злостной фальсификации марксистского учения о целях и средствах.

«...Минимальнейшим минимумом» назвал В. И. Ленин предел допустимости вынужденных средств¹. Именно в качестве средства разрыва заколдованного круга «бессильного принципа - беспринципной силы» и допустимо использование «меньшего зла». В то же время этот, казалось бы, заколдованный круг (благой цели нельзя добиться несправедливыми средствами; с другой стороны, мир зла не дает возможности применять одни только благие средства в борьбе) разрывается практически тем, что революционные партии «учатся на целом ряде проб и ошибок вкладывать в каждое применяемое средство столько от справедливой, нравственной, гуманной цели, сколько этого допускают объективные условия борьбы и прежде всего собственные наличные силы. Они учатся при первой же создавшейся возможности сводить насилие даже в отношении эксплуататорских классов к «минимальнейшему минимуму»...»².

Марксистская этика оценивает «вынужденные средства» как «меньшее зло», подчеркивая дороговую цену достижения нравственной цели, для того чтобы определить перспективу морального выбора. В идеале марксизма, когда будут устранены социальные и нравственные антагонизмы, нет места таким «вынужденным средствам», как насилие. Поэтому-то задачей марксистов В. И. Ленин считал не абстрактное отречение от «вынужденных средств» во имя «святых» (такое метафизическое противопоставление он называл софистикой), а умение через все тактические компромиссы, поскольку они объективно неизбежны, «провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче...»³.

Осознание того, что в конфликтной ситуации моральный выбор является отрешением от какой-либо ценности *во имя ценности более высокой*, необходимо, чтобы видеть отрицательный характер побочных последствий такого выбора и стремиться свести их к минимально возможным. Роль «меньшего зла» в таких ситуациях - искоренить необходимость прибегать к нему.

Разумеется, вопрос о «меньшем зле» возникает не только в ситуациях большого - социально-политического - масштаба, но и в иных сферах жизнедеятельности: в процессе организации производства, в межличностном общении и т. д. Вспомним Чешкова - героя пьесы И. Дворецкого «Человек со стороны», молодого руководителя, решившего по приходе на работу в новый коллектив уволить женщин-секретарей и некоторых инженеров, которые по своему возрасту, да и по квалификации не справлялись с работой, не соответствовали требованиям современного производства. Какое дружное противодействие вызвало это решение со стороны коллектива - ведь увольняли ветеранов завода, отдавших общему делу много сил и труда в самые трудные годы! Но чего стоило такое решение самому Чешкову?! Он принял его с болью, пошел на это, понимая, что без такой меры не удастся поправить развалившиеся дела. Позиция «меньшего зла» дает решимость действия и в то же время ограничивает

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 355.

² Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? М., 1976, с. 277-278.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 133.

решение рамками справедливости.

И еще один поворот темы. В. Шукшин в «Кляузе» показал столкновение достойных, порядочных людей с хамством, озлобленностью, склокой. И вот, вынужденные сопротивляться, эти люди, скорее всего, невольно, незаметно для самих себя переняли «средства борьбы» у своего противника. Простой сюжет показывает нам еще одну грань ситуации применения «меньшего зла» - необходимость уберечься в борьбе со злом от его тактики.

Вовлеченный в ситуацию выбора, человек может принимать решение, исходя из разных позиций: «не повреди», «рискни», «помоги», «уклонись». Перестраховка и смелость, бескомпромиссность и гибкость - любая из этих установок прямо или косвенно выражает то или иное отношение к «меньшему злу». При этом гарантией верности нравственной позиции является, как было показано выше, умение сделать ударение на каждое из слов словосочетания «меньшее зло».

Гуманизм в качестве цели определяет наиболее гуманные для определенной исторической эпохи средства ее достижения. Гуманизм марксистской этической концепции морального выбора заключается в том, что она рассматривает коммунизм как научно обоснованную систему целей, выражающих свободу и счастье человека, соответствующих им средств и адекватных результатов.

В МИРЕ МУДРЫХ ПОСТУПКОВ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

...Жизнь ставит перед Валентином Левашовым (Алькой) множество вопросов. Он полюбил девушку Юлю, а ее любовь к нему быстро прошла. И в семье у Альки не все просто: мать недовольна отцом, считает его бесхитрым, так как он не смог «пробиться» в оперные певцы. А тут еще хулиган Умпа с компанией таких же, как он сам, подонков убивает ручного лебедя...

Как во всем разобраться? Как поступить с Юлькой? Как помочь отцу с его беззащитной мягкостью? Что противопоставить кулакам Умпы? Жизнь побуждает Альку принимать решения, требует совершать поступки.

Вопросы, встающие в Алькином сознании, он умеет переводить на язык рисунка: на одной стороне улицы он нарисовал философа Диогена с фонарем и подписал: «Ищу человека». На другой стороне улицы нарисовал себя с фонарем и написал: «Ищу философа».

Алька ищет человека, который мог бы подсказать достойный поступок, правильное решение. «В тот день перед обедом в саду ко мне подошел Бон-Иван, в руках у него какая-то книжица. Он постоял рядом со мной, повертел книжицу в руках и протянул ее мне. Это был детский альбом «Раскрась сам»... Я тогда не очень-то понял Ивана Ивановича - нет, понял, я понял, что он чувствует, что со мной что-то происходит, но боится говорить об этом (вдруг я попрошу какого-нибудь бесполезного совета или что-нибудь в этом роде), и тогда он мне шутя подарил этот альбомчик. И потом так сбивчиво говорил: «Сначала я... я переоценил роль женщин в своей жизни, а потом недооценил. Недооценил! Переоценил! Недокрасил! Прекрасил! Раскрась сам! И в искусстве раскрась! И в жизни раскрась! А что такое жизнь?.. А что такое искусство?.. Кто-то сказал? Неважно кто! Ну что-то вроде: нужная краска в нужном месте!.. А жизнь? Что такое жизнь?.. Нужное слово в нужном месте!.. Нужный поступок... Кому нужный?.. Тебе? Себе?.. Твой поступок, нужный всем... И тебе в том числе!»¹.

«Есть книга «В мире мудрых слов», а вот бы книгу «В мире мудрых поступков!» - мечтает Алька. Обманчивое стремление, если за ним стоит надежда найти готовые «рецепты» на все случаи жизни. Стремление верное, если за ним - осознанная потребность сформировать *культуру нравственного сознания и поведения* личности на основе нравственной культуры общества и достичь такого ее уровня, который можно назвать *мудростью*. И Алька на правильном пути: «Мудрый поступок?.. А что такое правильный поступок? У правильного поступка могут быть варианты, а у мудрого не могут. Мудрый поступок единственно верный...»².

В этих рассуждениях молодого человека о том, что такое правильный и что такое мудрый поступок, точно подмечена основная черта деятельности нравственно мудрой личности - *оптимальность* как поступка на уровне всех его структурных элементов (на уровне сознания и действия, принятия решения и его исполнения), так и всей «линии поведения». Мудрый поступок - отражение и воплощение нравственной культуры личности, культуры морального выбора. Нравственная мудрость - высший идеал культуры помыслов, чувств и

---

¹ Медведев В. Свадебный марш. М., 1981, с. 183 - 184.

² Там же, с.184

действий человека; она аккумулирует в качествах личности знание и умение применительно к нравственной деятельности, воплотившиеся в благородной целеустремленности и оптимальной реализации морального выбора, выражается в *оптимальной готовности* личности к нравственной деятельности и соответственно в *оптимальности самой этой деятельности*.

Единство *знания, убеждения и действия*, готовность к моральному выбору и *воля, умение* его осуществить - качества сознания и поведения, обеспечивающие действительную *ценность активной жизненной позиции личности*, определяющие надежность ее «линии поведения».

Характеристика культуры поведения, в том числе и морального выбора личности, как достигшей уровня нравственной мудрости, означает, что в определенных обстоятельствах происходит переход от намерений к действиям, поставленная цель приводит к адекватному цели результату. В этом и заключается главный смысл активной нравственной позиции личности - *единства слова и дела*.

Образцом понимаемой так нравственной мудрости может служить жизнь и деятельность великих пролетарских революционеров, основоположников научного коммунизма К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Однако подчеркнем, что нравственную мудрость мы рассматриваем не как профессиональный атрибут деятельности теоретика, философа - речь идет о моральном качестве каждой личности. Нравственная мудрость - это «профессиональная этика» для каждого человека, идеал формирования нравственной культуры в житейской практике, в повседневных поступках. При этом, разумеется, не снимается проблема взаимодействия философского и обыденного сознания, этики и морали.

1. «ГЛАГОЛЫ НРАВСТВЕННОЙ МУДРОСТИ»

Нравственная мудрость?! Так ли уж однозначно это выражение? Ведь понятие «мудрость» нередко применялось в весьма противоречивых значениях. Вспоминается и «премудрый пескарь» М. Е. Салтыкова-Щедрина, и «Безумство храбрых - вот мудрость жизни!» М. Горького; созерцательность абсолютного отстранения от практических дел ради поиска «нравственной истины» и столь же абсолютная беззаботность человека, занятого поисками «благоразумных» вариантов житейской предприимчивости, в отношении «абстрактных» моральных проблем; здесь и классическое определение человека как *homo sapiens* («человек разумный»), и современный вариант определения человека— *homo agens* («человек деятельный»).

История морали и этики показывает, что применение многих из этих противоречивых характеристик к сфере нравственной деятельности человека выражает реальный антагонизм моральных ценностей в классово антагонистическом обществе. Не случайно немарксистские этические концепции в поисках эталона нравственной мудрости абсолютизировали различие элементов моральной культуры, противопоставляя такие ее элементы, как способность отличать добро от зла, правильно оценивать поступки и житейское благоразумие, умение достигать жизненного успеха; способность принимать моральное решение «со знанием дела» и умение определить меру поведения, выработать адекватную этому решению форму поступка. Лишь ликвидация социальных антагонизмов и утверждение диалектико-материалистического мировоззрения создали условия для преодоления разрыва между элементами моральной культуры как в теории, так и на практике, а тем самым и для *целостного* пони-

мания и определения нравственной мудрости.

В советской философской литературе предложено несколько характеристик мудрости. Первая делает акцент на *единстве знания и умения его применять на практике*. Мудрость в этом случае считается *личностной* характеристикой совершенного знания, предполагающей, *во-первых*, способность его эффективного применения в жизни (то есть благоразумное - достойное и предусмотрительное - поведение); *во-вторых*, способность определять общее и существенное в вещах, обеспечивающую оптимизацию достижения результатов, разрешение проблем на основе учета прошлого опыта, реалистической оценки актуальной ситуации и прогноза ее развития¹.

Вторая характеристика делает акцент на *ценностном аспекте* мудрости. Учитывая, что слово «мудрость» многозначно (многие видели ее суть и в ясном разграничении добра и зла, и в слитности знания и действия) и поэтому его смысл не может быть сведен только к знанию, а действие, не опирающееся на знание, не может быть названо мудрым, эта характеристика ставит вопрос о направленности знания на ценностные аспекты человеческой жизни. Знание не констатирующее, а *обобщающее и оценивающее*, способное стать руководством в решении теоретических проблем, может считаться причастным к мудрости².

Дают ли что-нибудь эти общефилософские подходы для понимания собственно нравственной мудрости? Наряду с очевидным их методологическим значением в самом их содержании заключен нравственный аспект человеческой деятельности.

Кроме того, в марксистской философии предприняты попытки собственно этического исследования данной проблемы. Опираясь на историю этики, некоторые авторы рассматривают мудрость как *комплексное сочетание моральных и деловых качеств личности*. Правильная оценка событий, принятие верных решений и достижение максимального успеха выводятся в этом случае из комплексного «морально-делового» качества личности, сочетающей свои интересы с общественными³. Существует и другой подход, который подчеркивает в мудрости аккумулированный опыт поколений людей, формулируемый в максимах поведения таким образом, чтобы освоить позитивные результаты духовных поисков человечества применительно к современным нравственным проблемам. Общезначимые выводы о нравственной жизни сочетают в себе индивидуально-личностный и общественный аспекты мудрости⁴.

Смысловая многозначность, разнообразная расстановка акцентов в существующих определениях нравственной мудрости требуют выделения какого-то *обобщающего признака*, позволяющего применить к нравственной деятельности личности характеристику «мудрая». Таким признаком, на наш взгляд, должна явиться *опора моральных решений личности на этическое знание и оптимальное исполнение этих решений*. Отсюда и характеристика нравственной мудрости как *высокого уровня готовности личности к нравственной деятельности и ее эффективной реализации*. Если воспользоваться известными определениями человека, то «нравственно мудрый человек» - это синтез homo sapiens («человека разумного»), homo agens («человека деятельного»)

---

¹ См.: Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972, с. 108.

² См.: Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М., 1969, с. 41.

³ См.: Блюмкин В. А. Моральные качества личности. Воронеж, 1974, с. 123.

⁴ См.: Кобляков В. П. Этическое сознание. Л., 1979, с. 51-52.

и homo morales («человека морального»).

Конкретнее раскрыть смысл этого определения можно с помощью «глаголов нравственной мудрости» (аналогия «глаголам управления», предложенным академиком В. А. Трапезниковым) - «знает», «умеет применять знания», «стремится», «эффективно действует». Соответственно конкретизируются и элементы нравственной мудрости: высший уровень культуры нравственного сознания включает *культуру этического мышления* («знает», «умеет применять знания») и *культуру нравственного чувства* («стремится»), культура нравственного поведения - *культуру поступка* («эффективно действует») и *этикет*.

Нравственная мудрость - единство и гармония знания моральных требований и их воплощения в поступках, способности найти оптимальное благородное решение и проникновенного нравственного чувства, личного неповторимого опыта жизни и усвоенного богатства моральной культуры общества. Многие аспекты этого комплексного качества, такие элементы нравственной мудрости, как культура нравственного чувства, этикет, получили достаточно подробное освещение в научной и популярной литературе. Что же касается такого элемента, как *деловитость*, позволяющего характеризовать нравственную мудрость как оптимизацию добра и минимизацию неизбежного зла (глагол «эффективно действует», то есть достигает оптимального результата), то на нем стоит остановиться особо.

Традиционные морально-психологические барьеры интеграции в нравственный мир личности качеств деловитости - это чуткие моральные индикаторы, показывающие нарушение границы, отделяющей деловитость от делячества. Но возможность такого нарушения не должна приводить к отрицанию нравственного потенциала деловитости как грани активной жизненной позиции личности в принципе. Более того, речь должна идти не просто о нравственном аспекте деловитости, об оценке ее как качества профессиональной морали, а о признании за деловитостью статуса одной из *неотъемлемых черт культуры морального выбора*.

Именно так, по-видимому, понимал деловитость А. С. Макаренко. Расширение сферы морали в социалистическом обществе он видел в том, что деловые характеристики личности (в отличие от буржуазного общества, где «мораль - это мораль, а бизнес - это бизнес») приобретают нравственное содержание. Если в буржуазном обществе деловитость, понимаемая как предприимчивость, была преимуществом отдельных людей, обеспечивая их карьеру, была «преимуществом меньшинства над большинством», то при социализме она становится достоинством, необходимым для всех граждан; превращаясь в критерий правильного поведения, деловитость становится, таким образом, явлением нравственного порядка¹.

Каковы же критерии нравственной оценки деловитости как качества личности, обеспечивающего оптимальное исполнение морального решения? Это, во-первых, принцип *целеустремленности* и, во-вторых, принцип *меры*, обеспечивающие единство ценностного и операционного аспектов нравственной деятельности. Одностороннее применение какого-либо из этих критериев, абсолютизация одного из них приводят к неточным, а то и ошибочным оценкам деловитости. На наш взгляд, нельзя считать, например, точной, адекватной, достаточной такую часто встречающуюся в нашей публицистике оценку дело-

---

¹ См.; Макаренко А. С. Соч. В 7-ми т. М., 1958, т. 5, с. 285-286.

витости, которая учитывает только ее направленность. Вот типичный образец такой оценки: «Предприимчивый человек может *брать на себя* риск первого шага, ответственности за такое, а не иное разрешение противоречия. Но может предприимчивый вкладывает в дело свои таланты и способности только для того, чтобы *брать себе* все дивиденды со своей предприимчивости. Что он *берет на себя* и что *берет себе*? В ответе на этот вопрос заключена оценка делового, предприимчивого человека - как нравственного, так и чисто делового эффекта его деятельности. Водораздел проходит именно здесь... *Себе брать - или брать на себя?* - вот критерий оценки деятельности двух равно энергичных, равно решительных, равно обаятельных, умелых, динамичных молодых людей...»¹.

В этой содержательно верной, но неполной оценке деятельности «деловых людей» не получила отражения мера качества их деловитости (мера того, что они берут на себя). Вместе с тем оптимальность нравственной деятельности предполагает исключение и избытка, и недостатка этого качества. Те крайности, в которых нередко выражался моральный выбор «донкихотского» и «гамлетовского» типа в «предыстории человечества», возможно, и были тогда эквивалентами оптимального поведения, но в современных условиях утратили свое значение признаков нравственной мудрости.

Поэтому никак нельзя согласиться с такой нередко встречающейся не только в обыденном моральном сознании и в популярной литературе, но и в некоторых теоретических работах по этике формой отрицания аморального проявления деловитости, когда добродетелью объявляются наивность и неумелость. Вполне справедливая критика делячества (так лучше назвать деловитость «со знаком минус») не учитывает в данном случае именно меры качества, фактически противопоставляя одной крайности другую.

Научная и житейская традиция не случайно фиксирует внимание на антитепах мудрости, являющихся «продолжением ее достоинств»: здесь и половинчатая умеренность; здесь и искаженная форма осмотрительности и осторожности - нерешительность, бездеятельность; здесь и «мудрствование» типа афоризмов Козьмы Пруткова.

Итак, мы выяснили *слагаемые* культуры морального выбора личности. *Потребность* в выборе, *готовность* к выбору, *мудрость* выбора. Присущи ли они человеку как природному существу, формируются ли автоматически в процессе его социализации, культивируются ли средствами нравственного воспитания и самовоспитания?

Социалистический образ жизни создает условия для формирования личности с активной нравственной позицией, повседневная норма поведения которой - единство слова и дела, сознания и поведения, намерения и результата - соответствует представлению о нравственной культуре. И все же одних этих условий явно недостаточно.

Неверно мнение о том, что нравственная мудрость - следствие только индивидуального неповторимого опыта личности, который выступает для каждого лишь как «сын ошибок трудных». Такая цена мудрости оказалась бы слишком дорогой, ибо ограничение нравственных исканий личности только методом проб и ошибок обрекает личность на субъективистский произвол эмпирика, означает игнорирование нравственного опыта, накопленного другими людьми, и тем самым порождает возможность аморализма. Гегель справедливо

---

¹ Кичанова И. Решать или не решать? М., 1974, с. 144-145.

во писал: «...незнание того факта, что *всеобщее* не находится в *непосредственном знании*, а есть результат культуры, воспитания... незнание этого факта показывает недостаток простейшего размышления. Если признавать значимость *непосредственного знания*, то выйдет, что каждый имеет дело лишь с собою: один знает одно, другой знает другое; все тогда оправдывается и находит одобрение, даже самое дурное...»¹.

Очевидно, что в управлении нравственной жизнью общества, в нравственном воспитании, в формировании нравственно мудрой личности свое веское слово должна сказать этика как «практическая философия». Чтобы оказывать формирующее воздействие на нравственный мир личности, она может и должна выстроить «мост» в практику, оправдывая тем самым запросы и ожидания моральной практики по отношению к этической науке. В этом встречном движении, собственно, и закладывается общая основа нравственной мудрости выбора. Философ, познающий сущность человека, и человек, ищущий ответы на сложнейшие вопросы морального выбора... Должна состояться их встреча - та самая встреча, мечту о которой выразил в своем рисунке Алька - герой романа В.Медведева «Свадебный марш». Вспомним этот рисунок: философ Диоген с фонарем на одной стороне улицы, а на другой ее стороне он сам, такой хорошо узнаваемый наш молодой современник Алька, тоже с фонарем. Как же им встретиться, увидеть и найти друг друга? Ясно, что у философа-этика должен быть если и не волшебный фонарь, то по крайней мере горячее сердце, пылкий ум и чуткая совесть, вооруженные путеводным огоньком истины.

2. СОВЕСТЬ: ХРАМ ИЛИ ЛАБОРАТОРИЯ?

По каким направлениям и каналам этика исторически *влияла*, *может и должна* влиять на мораль в современных условиях?

Уже в самой формулировке этого вопроса заложена необходимость различения «сущего» и «должного» во взаимодействии этики со своим предметом. Имея конкретно-историческую обусловленность, расхождение такого рода зависит не только от возможностей и потребностей каждой из сторон - и этики, и морали, но, подчеркнем, и от готовности теории не просто *следовать* за нравственной жизнью, а быть ее *опережающим отражением* и, таким образом, «возмутителем спокойствия», активно участвовать в управлении нравственными процессами.

Специфика связи этики с моралью, их «сращивание» в единую систему, их взаимопереход, в процессе которого этика не просто отражает мораль, но и является ее своеобразным *доразвитием*, высшим уровнем морального сознания, - эта особенность «обрекает» этику на роль «практической философии». В свою очередь, способность морального сознания к рефлексии высокого ранга дает основание считать его своеобразной теорией - «практической этикой», «житейской этикой», которая в процессе осознания своей неразвитости заставляет, говоря словами И. Канта, «практический разум» «искать помощи в философии», в научной этике.

Теоретически воспроизводя и объясняя нравственность, отливаясь в нормативно-ценностные рекомендации, этическая наука уже тем самым практически воздействует на нравственную культуру общества и личности. Этика помогает моральному сознанию ориентироваться в выборе моральных ценно-

---

¹ Гегель. Соч. М. -Л., 1935, т. 11, с. 414.

стей их субординации и координации, помогает обосновывать нравственные требования. Это наиболее очевидный путь влияния этики на мораль.

Но этика обладает и *непосредственно прикладным потенциалом*. Хотя этот потенциал еще предстоит выявить во всех его гранях, в полном объеме его конкретных проявлений, уже сейчас можно утверждать, что этика как наука о морали призвана вырабатывать *конкретные рекомендации по целенаправленному совершенствованию нравственной жизни* развитого социалистического общества.

Особенности нравственной жизни и нравственно-воспитательной деятельности в обществе развитого социализма выдвигают на первый план проблемы управления нравственными процессами, ставят в качестве насущной задачи повышение эффективности воспитания на научной основе, с тем, чтобы добиться максимально возможного устранения из моральной практики рассогласования слова и дела, намерений и результатов, целей и средств. Этим и обусловлено предъявление в современных условиях более строгих и конкретных требований к этической науке, к ее практической направленности и отдаче.

Потребность практики - особенно практики нравственного воспитания - в приложении теоретического знания настоятельно подчеркивается в документах КПСС и Советского государства. Сформулированные в них требования к теории выработать научно обоснованные рекомендации по дальнейшему совершенствованию политико-воспитательной деятельности имеют прямое отношение и к этике.

Стратегический потенциал этической науки и заявившие о себе в последние годы новые тенденции ее развития позволяют сказать, что этическая теория может и должна стать своеобразной «производительной силой» процесса научного управления нравственностью. Положение о «производительной» роли этики направлено против двух метафизических крайностей в понимании соотношения этической теории и моральной практики - сциентизма и эмпиризма. Сциентистское стремление вытеснить обыденное моральное сознание личности и «заменить» его научным - это, так сказать, «этика... без морали». Концепция практической бесполезности этики, недопустимости для нее (или неспособности ее) обеспечивать управление нравственными процессами - это «мораль... без этики». Вместе с тем, признавая необходимость, даже неизбежность практического влияния этики на мораль по различным каналам (через семью, школу, вуз, трудовой коллектив, политико-воспитательную и идеологическую деятельность), следует поставить вопрос о *средствах* такого влияния, об эффективности *непосредственного управленческого* воздействия на нравственные процессы в рамках этического просвещения, а также путем использования *прикладного этического знания*.

Прикладная этика - специфическая ветвь на «древе» этической науки. Этико-прикладные исследования и разработки нацелены на создание программ просвещения и воспитания, формулирование эталонов оценок, методических рекомендаций, позволяющих перевести теоретические выводы в конкретные управленческие решения и воспитательные акции.

Художник популярного журнала «Аврора» наглядно выразил одну из позиций в дискуссии на тему «Совесть: храм или лаборатория?», проведенной на страницах этого журнала, а именно скептическую позицию по отношению к возможностям этического просвещения, и прежде всего прикладной этики, формировать культуру морального выбора. На книжной полке в плотном ряду стоят учебники и задачки по физике и геометрии, по алгебре и химии, и толь-

ко одно место свободно, вернее, занято вопросительным знаком. Знак вопроса, скорее всего, замещает собой практическое пособие по этике. Нет основания думать, что художник «забыл» поставить на книжную полку задачки по экономическим и юридическим наукам, практикумы по педагогике и психологии, сборники упражнений для организаторов производства и т. п. Вопрос был отнесен именно к этической науке и возможностям ее непосредственного приложения к практике нравственного воспитания. Весьма «образно» подытоживая опасения противников этических практикумов, автор завершающей дискуссию обзорной статьи не без ехидства приводит в ней такой каламбур: «Вздохнула с облегчением Этика: теперь пусть правит Кибернетика».

Ни в малой степени не разделяя такой позиции, попробуем проанализировать проблему, обозначенную в теме дискуссии, по возможности беспристрастно.

Нравственная мудрость не только не дается «от рождения», но и не гарантируется обыденным моральным сознанием. Из индивидуально накопленного опыта обыденное моральное сознание, которому известны преимущественно отдельные «случаи», «как бывает в жизни», и т. п., не может вывести отчетливого знания законов моральной деятельности. Любой набор таких «случаев» не в состоянии охватить всех возможных моральных ситуаций, фактов моральной деятельности. Этическое же просвещение способно давать личности принципы и правила оптимальных поступков, ибо факты, которыми оперирует теория морали, постигнуты ею не на уровне явления, а в их *сущности*. Именно этическое просвещение открывает обыденному моральному сознанию, оперирующему безусловными императивами, их рациональное обоснование, практическую обусловленность и целесообразное назначение. Оно корректирует моральное сознание в направлении постижения сущности моральной деятельности.

Этическое просвещение не абстрактное морализирование, а активное совершенствование знания и поведения людей. Оно учит их на обобщенном нравственном опыте, который и интегрирован в этической теории.

Этическое просвещение - единство образования и обучения личности в сфере знаний о морали, призванное сформировать культуру этического мышления. Поэтому к этике вполне приложимо общефилософское положение Ф. Энгельса: «...искусство оперировать понятиями не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием, а требует действительного мышления...»¹. В этом - один из ключевых методологических принципов этического просвещения.

Само по себе этическое *знание*, усвоенное в процессе образования, - необходимое, но недостаточное условие достижения «нравственной мудрости». Только в союзе с *умением мыслить* формируется культура морального решения.

Этические положения марксизма становятся *убеждениями* лишь тогда, когда знания проверяются, закрепляются и развиваются в практике осмысливания тех или иных вопросов, которые перед человеком ставит нравственная деятельность. Умение применять этическое положение при решении конкретной *практической и познавательной задачи* - вот связь теории и практики в рамках этического просвещения.

Разумеется, знание этической теории не дает абсолютной гарантии пре-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 14.

дотворачивания моральных ошибок на практике. Но это не является основанием для умаления роли специального этического образования и обучения, абсолютизации эмпирически-самостоятельных «открытий» личности. Задача этического просвещения в том и заключается, чтобы эти самостоятельные «открытия» были *организованы* самими методами обучения, одним из которых может быть и практикум по этике. Этическое просвещение в таком случае выполняет функцию «перехватчика ошибок в уме», не доводя их «до дела».

Процесс этического просвещения во многом аналогичен процессу человеческого познания в целом. В точных науках процесс обучения разработан четко: за теорией следуют практические упражнения. Без решения задач невозможно себе представить обучение математике, физике и т. п. Однако решение задач не привилегия этих наук. «Все человеческое познание есть не что иное, как непрекращающийся процесс постановки и разрешения все новых и новых задач, вопросов, проблем, трудностей»¹. В качестве дидактического приема метод задач и упражнений широко применяется и в преподавании экономических и гуманитарных наук - психологии, юриспруденции, педагогике, а также в теории управления. В последние годы развивается инициатива сибирских исследователей по применению этого метода в преподавании философии.

Представляется вполне правомерным применение практикума и в этическом просвещении. Более того, такой метод и соответствующее учебное пособие «Практикум по этике» уже разработаны в процессе этико-прикладных исследований и в качестве эксперимента успешно применяются для управления идейно-нравственным воспитанием в ряде трудовых коллективов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Конечно, «Практикум по этике» не может и не должен быть ни хрестоматией «В мире мудрых мыслей», ни рецептурным справочником «В мире мудрых поступков». Но он может сыграть полезную роль в подготовке человека к вступлению в «мир мудрых поступков».

Прикладная этика находится сегодня на этапе становления, ей еще предстоит более глубоко осознать свои задачи и возможности. Но уже настала пора выработать принципиальные подходы и установки для разработок в этой области, в частности выделить в прикладных исследованиях *ценностный и целереализующий* аспекты, направляя усилия исследователей на выработку соответствующих рекомендаций не только в области целеполагания, но и таких, которые позволят оптимизировать целереализующую, *операционную* сторону нравственной деятельности, обеспечат формирование культуры морального решения личности и культуры его исполнения (например, разработка правил морального выбора, своеобразных «условных императивов» и приемов обучения оптимальным решениям).

Задача научного управления нравственным воспитанием обращает исследователей к прикладной разработке таких элементов системы воспитательной работы, как ее программно-целевое планирование, профессионально-нравственные кодексы трудовых коллективов, моральные аспекты социалистического соревнования и т. д.

Особое внимание должно быть уделено этико-педагогическому обеспечению развития *моральной культуры личности и проблемам самовоспитания*. При этом важно иметь в виду, что процесс нравственного формирования

---

¹ Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968, с. 165.

личности происходит как бы в «соавторстве» этики с самой личностью: *усвоение* человеком этических представлений идет параллельно и в единстве с личным моральным *творчеством*.

Превращение этических знаний в убеждения обусловлено эмоциональной переработкой этих знаний личностью. Но такая переработка возможна лишь тогда, когда этические знания уже стали ее *рациональными* знаниями, уже «открыты» ею *рационально*. Отсюда задача этического просвещения применительно к моральному выбору - развить у каждого человека способность выводить конкретные моральные решения из общего принципа.

Говоря об этическом просвещении в целом и этическом практикуме как одном из его методов, мы не затрагивали проблемы эмоциональной мотивации моральных решений, превращения знаний в привычку поведения. Предполагается, что этическое просвещение имеет дело с уже хотя бы минимально развитым нравственным сознанием, ведь «культура ума» даже опасна без «культуры чувств». И конечно же культура морального выбора, мудрость решения, правильность поступка, подчеркнем это еще раз, не сводятся к освоению только «технологии» принятия и исполнения решений. Но высокие устремления личности, зов совести, веления долга найдут адекватное выражение в практике ее нравственной жизни лишь в том случае, если она обладает *умением* решать, если у нее сформирована *готовность* к моральному выбору. Оба эти фактора неразрывны, и потому в вопросе «Совесть: храм или лаборатория?» альтернатива скорее риторическая. Точнее будет заменить в этом вопросе-формуле *разделительный союз* «или» на *соединительный «и»*. Смысл *слитности* эмоционально-духовного и рационального в человеческой совести, а также «соавторство» этики и личного творчества индивида в моральном выборе очень точно и тонко выразил поэт:

Все я приму поученья,
внушенья,
Все наставленья в дорогу
возьму.
Только за мной остается
решенье,
Что не принять за меня
никому ¹.

* * *

*

Во все времена жизнь призывала человека к выбору - вечная ситуация на перепутье! Но *наше* время - особое. Это - бурное, динамичное время революционной перестройки общественных отношений в масштабе всей планеты, все ускоряющего свой темп движения социалистического общества к гуманистическому социальному и нравственному коммунистическому идеалу. Время невиданного ранее приобщения народных масс к творчеству своей собственной и общественной жизни, расширения диапазона возможностей поступать так или иначе во всех сферах человеческой деятельности - в межличностных контактах, на производстве, в отношении к культуре...

Человек - перед лицом выбора между добром и злом. Человек - соавтор

---

¹ Твардовский А. Т. Собр. соч. В 6-ти т. М., 1978, т. 3, с. 60.

нравственных исканий всего человечества, за ним нравственный опыт самого передового в истории общества. Современная жизнь предъявляет ему огромное число ситуаций, решение которых зависит от его самостоятельности, уровня его нравственной культуры. Небывало возросла не только свобода выбора, но и ответственность за принятое решение и его исполнение, за активность жизненной позиции личности.

Разновелики масштабы и напряженность, характер и значимость ситуаций выбора (от выбора себе партнера для игры в домино до решения вопроса «с кем пойти в разведку»). Есть ситуации легкие, элементарные, уже известные человеку по личному опыту, доступные для решения на уровне здравого смысла, а то и просто для стереотипного поведения, для действия по привычке. Здесь варианты и последствия практически ясны. Действуй!

Иное дело - ситуация нестандартная, необходимость поиска новых решений, нарушающих традиционный шаблон. А за каждым вариантом поступка - судьбы людей, материальные и духовные ценности. Здесь уже в схему «выбор - ответственность» включается новый элемент - риск, здесь от личности требуется мобилизация всего ее нравственного потенциала, выбор ложится тяжким бременем на совесть человека, обрекает его на мучительные колебания «за» и «против», требует мужества и компетенции, поиска оптимальных средств.

Развитое социалистическое общество предоставляет все больше возможностей для самостоятельных решений и действий в самых разных проявлениях жизнедеятельности личности, все требовательнее относится к ее способности принимать на себя ответственность. Спрос на мудрый выбор и его оптимальную реализацию возрастает. И все же велика еще категория людей, которые видят «мудрость» в отказе от решения, «умудряются» для любых, самых нестандартных, ситуаций искать шаблон, надеются спрятаться от личной ответственности за инструкции, регламенты...

Но уйти от выбора еще никому не удавалось: отказ от самоопределения - тоже своеобразное решение, в котором, как в фокусе, проявляются совесть (или бессовестность) человека, активная (или пассивная) его жизненная позиция. Растерявшийся, топчущийся на распутье не устоит в бескомпромиссном противостоянии добра и зла.

Ежедневно идет проверка моральной надежности личности, ее способности ориентироваться в противоречивых ситуациях, решать коллизии. «Качество» нравственной позиции личности обусловлено ее идейностью и компетентностью; за уверенностью решения (или колебаниями труса) стоят нравственная надежность, принципиальность и деловая квалификация (или их отсутствие), стремление и умение воплощать слово в дело, намерение - в адекватный результат, мудрая совесть, гуманный разум.

Нравственные требования не просто запреты, предъявляемые каждому человеку. Это запреты совершать зло, наносить вред интересам другого человека и общества в целом. И это сильнейший стимул творить добро, побуждающий творчески пройти дистанцию от сущего к должному, от замысла - к действию. В таком движении - удовлетворение от борьбы за правое дело, наслаждение оправданным риском, сознание чистой совести. В моральном выборе - радость исполненного долга, гордость за соответствие поступка нравственному идеалу, осознание достоинства своего поведения, решения «ответственность беру на себя».

Моральный выбор - звездный час человеческой деятельности.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

3	РУБИКОНЫ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА
12	СИТУАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА
12	1. Моральный выбор: границы и требования
21	2. Объективные обстоятельства и активность личности
33	3. Нравственный конфликт: альтернативы выбора
42	ПО СОВЕСТИ И РАЗУМУ
42	1. «...Со знанием дела»
48	2. Рациональный выбор: «за» и «против»
54	3. Рассудок, разум, интуиция
63	НРАВСТВЕННОЕ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОЕ
63	1. Выбор поступка
71	2. Оправдывает ли цель средства?
80	3. Риск, компромисс, «меньшее зло»
88	В МИРЕ МУДРЫХ ПОСТУПКОВ (Вместо заключения)
89	1. «Глаголы нравственной мудрости»
93	2. Совесть: храм или лаборатория?